

Ирина Меркина

Блес в реор.

романтический детектив

роман из цикла
«Агентство
„Золотая шпилька“»

Парикмахер Любочка, постригая своего постоянного клиента Вадима Колосова, по его проседи в шевелюре обнаруживает, что это не настоящий Колосов, а его двойник. Она делится своим открытием с сотрудницами салона. Тайна интригует их, и девушки начинают самостоятельное расследование, обратившись под выдуманным предлогом к участковому за справкой о семейном положении и адресе Колосова. Однако следствие заходит в тупик...

Ирина Меркина

Агентство «Золотая шпилька»

Дело парикмахера Любочки

Бес в ребро

Глава 1

Утренняя гроза подмяла под себя город, ударила из всех орудий и, как всегда, застала москвичей врасплох.

«А ведь с начала недели обещали дожди и грозы», — обиженно думала Лена Черных, глядя на беспросветную водяную стену и прикидывая, выдержат ли тряпочные босоножки пробег по пузырящимся лужам. В начале грозовых прогнозов она честно носила с собой зонтик, но стояла душная жара, и она решила плюнуть на синоптиков и их наглую вранье. Таких умников в Москве оказалось немало, и теперь народ раздраженно топтался у выхода из подземного перехода. Впрочем, на кого тут досадовать, кроме себя. Да и зонтик от такого светопреставления все равно не спасет.

Люди хотя бы ехали издалека. А она живет рядом, могла бы из окна выглянуть и увидеть надвигающиеся тучи. Нет, крутилась перед зеркалом, как будто на работе мало зеркал. Вот и мокни теперь или жди у моря погоды.

«Гроза долго не бывает», — утешала себя Лена. Невероятно обидно опоздать на свою первую работу в один из первых дней. И чего она, копуша, не вышла из дома пораньше! Сейчас бы уже сидела в салоне, пила чай с девочками и любовалась в окно на бурлящую улицу.

Ругать из-за десятиминутного опоздания ее не станут, но кто-нибудь наверняка скажет на перекуре: «Ну что с этой новенькой взять? Даже на работу вовремя прийти не может». И впредь ее будут считать разгильдяйкой.

Лена протиснулась к выходу и прикинула на глаз плотность журчащих струй — вроде бы поредело. Побежать, что ли? Тут в небе сверкнуло и громынуло так, что ее сразу перестало тянуть на подвиги. Никто из людей, переживавших грозу в подземном переходе, пока не решался покинуть укрытие. Но им, наверное, спешить некуда. А примчаться на работу промокшей как цуцик тоже мало радости...

Нервно переминаясь с ноги на ногу перед стеклянной дверью, Лена то готовилась выскочить под дождь, то отступала перед холодными брызгами. И допереминалась — отдала ногу стоявшему сзади мужчине, наступила всей своей здоровенной лапой на деревянной танкетке и сама чуть не упала. Мужчина охнул от неожиданности и придержал ее за локти.

— Ой! — воскликнула Лена, оглядываясь. — Извините, ради бога!

— Ничего, — буркнул пострадавший. Он смотрел не на нее, а на свои дорогие мокасины из светлой замши. На одном ботинке темнел отчетливый след Лениной танкетки. Мужчина поморщился, повернулся и начал спускаться вниз, в метро.

У Лены окончательно испортилось настроение. Она даже шагнула, чтобы догнать человека в мокалинах, но это было глупо. Что она может сделать? Продолжить извиняться?

Может, он и не из-за меня ушел, оправдывалась Лена сама перед собой. Куда ему шлепать по лужам в своей замше? Странно, что мужчины в такой шикарной обуви вообще ездят в метро. Наверное, машина сломалась.

Она успела заметить, что бедняга, ставший жертвой ее неуклюжести, был довольно симпатичен, хоть и староват, с импозантной сединой в аккуратной бородке и одет стильно — под стать своим ботинкам. Впрочем, то было общее впечатление — одежду Лена толком не разглядела, зато уловила аромат хорошего парфюма. Уж в этом она как косметолог

разбиралась. Разве что запах был чуть-чуть, самую малость сильнее, чем положено. А так — полное комильфо.

Но тут дождь стал стихать, и Лена забыла про ретировавшегося попутчика и его отдаленную ногу. Подняв над головой сумочку — больше для храбрости, чем для защиты от пронзительных струй, — она пустилась в плаванье по московским тротуарам.

В салон красоты «Золотая шпилька» Лену взяли сразу после училища, оконченного с отличием. Это было очень хорошее, перспективное место, и, что еще важнее, Лене там нравилось. Разумеется, ей хотелось с самого начала тоже всем понравиться, чтобы никто не мог сказать: «Да эта новенькая — что с нее взять!»

Такое было у Лены слабое место, достоинство на грани недостатка — она не могла терпеть, когда про нее плохо думали. У нее просто руки опускались, и все шло наперекосяк.

В «Шпильке» косметический кабинет открыли недавно, клиентов поначалу было мало, но это дело наживное, ободряли ее сослуживцы, то есть, конечно, сослуживицы. Они встретили Лену приветливо и сразу стали опекать, как самую младшую. Вот и опоздания ее никто не заметил. Только заведующая Марина Станиславовна покачала головой, когда Лена ввалилась в салон, тряся мокрыми волосами и оставляя на полу водяные кляксы.

По случаю утреннего часа и грозы в парикмахерском зале было пусто. Весь коллектив пил чай за низеньким столиком, где обычно лежали модные журналы и каталоги причесок для ожидающих в очереди клиенток. Сейчас журналы были скинуты на кресла, а поверхность стола уставлена пенопластовыми стаканчиками и блюдечками с печеньем и пирожками. Командовала парадом маленькая женщина с капризным веселым ртом, похожая на молодую Джульетту Мазину. Она что-то оживленно рассказывала, округляя подведенные глаза. Лена ее видела в первый раз, но сразу поняла, что это звезда салона Любочка вернулась с очередного конкурса парикмахеров.

— А город, девочки, просто сказочный, — щебетала Любочка, приветствуя Лену и предлагая ей присоединиться к компании — все это одними глазами и улыбкой, не прерывая монолога. — Озеро, горы, замок, парк со столетними деревьями. Канал, белые лебеди. Дома старинные, как в кино. И кругом только французы, это местный курорт, никаких иностранцев. Я ходила по улицам — рот на замочке. Там все женщины такие, как я, — рост, фигура, одеты так же. И пока я рта не раскрою, я вроде бы тоже француженка. Ко мне все время на улице по-французски обращались. А я научилась говорить в ресторане так небрежно: кофе авек крэм, силь ву пле — кофе со сливками, пожалуйста. Меня понимали!

— И все-таки не Париж, — скептически заметила Марина Станиславовна.

— Не Париж! — легко согласилась Любочка. — По мне, так даже лучше Парижа. В Париже шум, духота, машины. А тут такой воздух, такие бульвары!

— А француженки все в мини и на шпильках? — спросила Наташа, второй парикмахер.

Лена сразу же отметила, что если так, то Наташа — стопроцентная француженка. Правда, сегодня она была в строгих брючках без единой складочки. Как это получается у людей, что любая одежда сидит на них, будто они в ней родились?

— Нет, наоборот! В длинных юбках и сандалиях. Это же курорт, они там отдыхают. Я

на катамаране каталась по озеру...

Лена переобулась в сухие шлепанцы, вытерла за собой пол и села в углу под фен, чтобы высушить намокшие волосы и согреться. Больше ничего из рассказа о волшебном городе она не слышала, но с удовольствием смотрела на веселые гримасы Любочки. Она понравилась ей даже больше, чем аккуратная Наташа, важная, похожая на завуча Марина Станиславовна, энергичная полненькая маникюрша Вика и красавица Карина — администратор. Лена про себя порадовалась, что Любочкино кресло ближе всех к косметическому кабинету и в перерывах между работой они смогут о чем-нибудь болтать.

Потом к Наташе пришла клиентка, и стихийная пресс-конференция переместилась в «предбанник», отведенный под курилку. Лена не курила. Косметолог не должен дышать табаком в лицо клиенту, считала она, да и просто ей не нравилось. Она ушла в свой кабинет, где, поколебавшись, сняла забрызганную дождем джинсовую юбку и повесила ее сушиться на аппарат для распаривания лица.

Лучше всего, конечно, было отнести ее в солярий, там все сохнет за пять минут. Так обязательно поступили бы другие сотрудницы, но Лена постеснялась — все-таки она тут новенькая. Неизвестно, как Марина Станиславовна отнесется к просьбе включить солярий, он все-таки денег стоит, сто пятьдесят рублей за десять минут. Заведующая всегда записывает расход краски для волос, когда девочки красят друг друга, значит, работу солярия тоже должна посчитать.

Лена надела белый, недавно купленный халатик и стала переставлять баночки с кремами, хотя они и так стояли в идеальном порядке. Надо было чем-то заняться, чтобы отвлечься от мыслей о неудачно начатом дне. Она все еще переживала из-за своей медвежьей неловкости в переходе. А тут вдобавок оказалось, что халат, который она покупала как полудлинный, после стирки сел и стал однозначно коротким. При Ленином росте — метр семьдесят восемь — все юбки и платья, доходившие нормальным людям до колен, выглядели на ней как мини. А короткое ей не шло — ноги у нее были длинные, но слишком ровные и в оголенном виде напоминали тонкие прямые сосенки.

Проблему с одеждой Лена решила еще в подростковом возрасте, сказав себе, что она не станет гоняться за модой, а будет носить то, что ей удобно и идет. У нее было несколько очень похожих вещей — одинакового покроя джинсы, джинсовые юбки и сарафаны, сшитые прямым мешком. Правда, элегантного в этом было мало, и Лена могла только завидовать изящной Наташе или женственной Карине.

Но она не завидовала. В этом смысле ей повезло — мама, проработавшая всю жизнь врачом-педиатром, научила ее радоваться за других и ценить действительно важные вещи, а не какую-то мишуру. Поэтому Лена недолго огорчалась из-за халатика, тем более что к вечеру, когда придут первые клиенты, юбка высохнет. А высокий рост никогда не заставлял ее «комплексовать», напротив, он приносил ей массу удобств. Лену уже в седьмом классе пускали на фильмы «до шестнадцати», на улице и в метро ей говорили «девушка» и «вы», и люди намного старше не относились к ней снисходительно, как к маленькой. В самом деле, трудно считать маленьким человека, который нависает над тобой, как фонарный столб.

Это ее качество бессовестно эксплуатировалось более мелкими ровесниками. Ей приходилось постоянно быть их посланцем и представителем в мире взрослых. Чего только ей не поручали — договариваться с учителями об исправлении тройки в четверти, вызволять из химчистки ковер, квитанция на который потерялась, убеждать чужую маму отпустить ребенка в поход или купить ему собаку. Одноклассники любили приглашать Лену в гости —

эта большая воспитанная девочка нравилась всем родителям, и они были довольны, что у их детей есть такая хорошая, положительная во всех отношениях подруга.

Одним словом, благодаря росту у Лены всегда было много друзей, и она с детства свободно чувствовала себя со старшими. И здесь, в «Золотой шпильке», ее не смущало, что все вокруг старше, хотя мама втихомолку переживала, как Леночка освоится в первом своем трудовом коллективе. А Леночка освоилась прекрасно и без колебаний перешла на «ты» с девочками, как называли друг друга коллеги, хотя у некоторых «девочек» уже были взрослые дети. Но тем трогательнее казалось Лене это обращение, таящее в себе какую-то счастливую женскую тайну, по сравнению с которой возраст — полная ерунда.

Только Марина Станиславовна «девочкой» не была, и ей говорили «вы», но это было естественно, ведь в Ленином представлении она уже относилась к бабушкам.

Когда Лена вернулась в зал, там было тихо, если не считать возгласов и бормотания телевизора. Утренняя клиентка уже ушла, и все, начиная с Марины Станиславовны и кончая героиней дня Любочкой, затаили дыхание, следя за головокружительными событиями в жизни персонажей любимого сериала. Был полдень, время, когда в знойной Бразилии жизнь прерывается сиестой, а в нашем щадящем климате просто замирает по непонятным причинам. Наверное, день, с наскака добравшись до своей вершины, устраивается на привал и отдыхает, прежде чем покатиться вниз, к закату. И если бы не телевизор, парикмахеры и маникюрши в салонах просто засыпали бы в своих креслах, как слуги из замка Спящей красавицы.

Лена тоже собралась подсесть к экрану, но тут в дверях звякнул колокольчик, оповещающая о приходе нового клиента. Марина Станиславовна вопросительно взглянула на Карину: на этот час никто не записывался.

Лена оглянулась и вжала голову в плечи. Человек, вошедший в зал, был тем самым бородачом, которому она измазала мокасины. Впрочем, мокасины уже исчезли. Вместо них мужчина был обут в черные ботинки, тоже хорошие и дорогие, но не очень подходящие к светлым льняным брюкам.

Скользнув взглядом по ботинкам, Лена поспешно уткнулась в экран, делая вид, что поглощена сериалом. По счастью, мужчина не обратил на нее внимания, как и накануне, в переходе. Ну, и слава богу.

«Наверное, живет рядом и ходил переобуться, — подумала она. — Понятно, почему без машины. Вышел человек в соседнюю парикмахерскую, а тут дождь, да еще какая-то дура на ногу наступает. Хорошо, что он меня не узнал».

Салон встретил посетителя радостными приветствиями, как старого знакомого.

— Вадим Григорьич пожаловал! — пропела Марина Станиславовна, тут же — неслыханное дело! — забыв про сериал.

— Вадим Григорьевич, почему не позвонили? — покачала головой рассудительная Карина. — Люба только сегодня на работу вышла. Это вам просто повезло.

А Любочка, лукаво стреляя глазками, подошла к своему креслу и указала на него жестом королевы, приглашающей гостей к праздничному столу. И тут же, не дождаввшись, пока посетитель усядется, начала щебетать:

— Как дела, Вадим Григорьич? Как дома? А я ездила на конкурс в такой чудный городок во Франции, Анси называется...

Любочкин тоненький голосок время от времени перекрывался мягким мужским

баритоном. Лене не хотелось слушать чужие разговоры, и она пересела поближе к телевизору. А когда герой хлопнул дверцей «фerrари», героиня заломила руки и по экрану побежали титры, она вдруг обнаружила, что смотрит фильм одна. В зале было непривычно тихо. Любочка стригла своего клиента в полном молчании. Все остальные чересчур сосредоточенно занимались своими делами.

«Что-то произошло», — испугалась Лена.

Но ничего не произошло. Клиент расплатился, вежливо попрощался и ушел. Любочка как-то потерянно огляделась вокруг, затем решительно шагнула в косметический кабинет и поманила Лену за собой.

Лена даже ахнула, войдя в кабинет, — лицо у хорошенькой, смешливой Любочки совершенно изменилось. Она побледнела, сжала губы в узкую щелку и чуть не плакала.

— Леночка, — жалобно сказала она. — Ты ведь Лена, да? Даже познакомиться не успели, дурдом какой-то. Вот ты первый раз меня видишь, посмотри — я похожа на идиотку? На психопатку? На дуру набитую?

— Н-нет... — пробормотала Лена.

— Тогда что же? Может, я впадаю в маразм? Мне ведь уже за тридцать, возраст, говорят, пограничный...

На пороге неслышно появилась Карина, за ее спиной маячили Вика и Наташа.

— Любка, — сказала Вика. — Что с тобой, подруга? Ты не заболела с дороги? Ты чего молчала, как рыба об лед!

— Она у нас никогда не молчит, — пояснила Карина. — А уж с Григорьичем они воркуют, как два голубка. Люб, ты чего?

— Девочки, — жалобно сказала Любочка. — Ну, может, я устала, переутомилась... Но все равно, режьте меня на куски — ЭТО НЕ ОН!

Она всхлипнула и уткнулась Лене в плечо.

Никакой работы после этого уже не было. Звонивших клиентов Карина деликатно отфутболивала на завтра. Любочку отпаивали сладким чаем и слушали подробности ее невероятного открытия.

— У него проседь в волосах и бороде, вы видели? Так вот, она не там, где всегда была.

— Может, поседел за это время. Он у нас давно не был, — возразила Вика.

— Нет, Викуся, не поседел. У него седины больше не стало, просто она по-другому растет.

— Ты уверена? — с сомнением спросила Марина Станиславовна.

— Мариночка Станиславна, я же профессионал! Я своего клиента по одной прядке узнаю, не то что по седине... И как мне страшно тут стало, девки! Как во сне, когдаходишь в свой дом, а там все переставлено и вещи чужие. Или как оборотня увидеть...

— Бог с тобой! — перекрестилась пугливая Вика. — Так что же он, оборотень?

— Двойник? Близнец? — предположила Лена.

— Не знаю я. Но только он говорил со мной так, как будто он Вадим...

— И одет так же! — вспомнила Наташа.

— Ботинки! — воскликнула Лена.

И рассказала, как по дороге на работу испачкала Любочкиному клиенту мокасины. Она-то решила, что он пошел сменить обувь. А это на самом деле был не он. Вернее, это был он, Вадим Григорьевич. А в парикмахерскую уже пришел его двойник в темных ботинках.

— Зачем? — спросила Карина.

И они замолчали. На этот вопрос ответа не было.

— Ничего не понятно, — подвела итог Любочка. Она уже оправилась от испуга и порозовела. — Кто такой этот мужик, зачем он притворяется Вадимом, почему они так похожи и куда делся настоящий Вадим, которого Лена встретила в переходе.

— А когда ты с ним говорила, ничего подозрительного не было? — спросила Лена.

— Да нет. Пока не увидела волосы...

— Вспомни, о чем вы говорили, — предложила Марина Станиславовна.

— Да я вспоминаю. Про семью спросила — он ответил; «Все нормально». Я про Францию начала рассказывать. А потом седину разглядела, и язык отнялся.

— Убили нашего Григорьича, — мрачно сказала Карина после паузы. — Вот у нас в Нахичевани, мне сестра рассказывала...

— Да подожди, Каринка, у нас же тут не Нахичевань, слава богу. Кто убил, зачем убил? Что мы знаем про Вадима, давайте быстро.

— За сорок, интересный, — начала Наташа.

— Ну, это понятно. Дальше. Кем работает, где живет?

— Люб, что ты нас-то спрашиваешь? — удивилась Вика. — Это же твой клиент. Ты с ним общалась — вспоминай сама.

— Да я и спрашиваю себя, а вы мне помогайте. Живет недалеко, приходил обычно пешком. И Лена его видела в разных ботинках. Вернее, не его... Подождите, раз Лена видела настоящего Вадима, значит, он жив-здоров?

— Я теперь уже не знаю, кого я видела, — виновато сказала Лена. — Может, это и был твой... оборотень. Ой, ну извини. Мог же человек просто пойти поменять ботинки. Одет он был точно так же. А главное — запах. Тот же парфюм. Я запомнила.

— Говоришь, он в темных пришел? Я не обратила внимания. А брюки светлые. Наш Григорьич всегда был такой прикинутый, он вряд ли надел бы темную обувь с летними брюками. Ты в переходе на волосы не смотрела?

Лена покачала головой.

— Слушай, Любовь Батковна, — вмешалась давно уже молчаливая Марина Станиславовна. — Что это ты решила в уголовный розыск поиграться? Тот мужик, не тот — какое твое дело? Тебе заняться нечем после Франции твоей?

— Марина Станиславна, миленькая! Да ведь человек выдает себя за другого! Одевается как он, ходит в ту же парикмахерскую, откликается на его имя. Может, тут мафия или шпионы! Может, Вадима и правда убили!

— Вот только мафии мне здесь не хватало! — рассердилась заведующая. — Люба, кончай чушь пороть. Без тебя разберутся, кто кого убил. Седина у него не там! Померещилось тебе, и все.

— А если не померещилось?

— А если не померещилось, то тебе же хуже. Неприятностей хочешь на свою голову? Подумай о салоне, о девчонках. Скажем Барбосу, да и дело с концом.

Любочка открыла было рот, не собираясь сдаваться, но тут задребезжал колокольчик. И вот уж поистине — дураки на помине легки. В зал ввалился собственной персоной Барбос,

он же Барбаросс, он же Карабас-Барабас, как называли в «Золотой шпильке» местного участкового, курировавшего все «точки» района.

Лена успела с ним познакомиться в первый свой рабочий день. Рыжий и на вид добродушный Барабас уселся в ее кресло, потребовал массаж (разумеется, за счет заведения) и попытался расспросить о семье, о родителях. Лена суровым голосом сообщила ему, что во время массажа нельзя разговаривать, а то мышцы лица растягиваются и образуются морщины, и Барбос недовольно замолк. Потом ей рассказали, что он шепнул Марине Станиславовне что-то одобрительное — мол, хорошая девушка, строгая, и дело знает.

Барбароссом^[1] прозвала милиционера Наташа — за рыжую щетину. Но в парикмахерской не все так хорошо знали историю, поэтому Барбаросс быстро превратился в Барабаса или просто Барбоса. У девушек он вызывал смешанное чувство уважения и презрения. Говорили, что в прошлом этот немолодой мент был одним из лучших оперов Петровки, но не поладил с новым начальством, ушел в участковые и теперь дожидался пенсии, собирая дань в подвластном ему районе. Был он, конечно, стервец редкостный, но не хуже остальных. Несколько раз заведующая призывала его на помощь, чтобы выпроводить из салона пьяных бомжей, которые впадали в ступор от одного убийственно ласкового взгляда его прищуренных глаз.

Неужели Марина Станиславовна действительно расскажет о Любочкиных подозрениях этому ехидному толстяку? Конечно, для нее спокойствие в салоне важнее всего. Лена не сомневалась, что Барабас только посмеется над ними и посоветует заниматься своими делами, как только что велела сама заведующая Любочке.

— Здорово, красавицы! — пробурчал Барбос. Он был почему-то не в духе. — У тебя давление не скачет, нет? — по-свойски обратился он к Марине Станиславовне. — Я как мешком по голове стукнутой, все из-за этой грозы проклятой.

— Да гроза уж полдня как прошла, Виктор Семеныч, — пропела заведующая. — Это у вас само по себе скачет. Надо провериться.

— Проверяйся, не проверяйся... Ну, как тут у вас, порядок? Пойдем, красавица, мы с тобой в тот раз не договорили.

— Карин, организуй кофе, — вполголоса скомандовала заведующая, пропуская в свой кабинет участкового.

— Без кофеина и без сахара! — громко добавил Барбос, не оборачиваясь.

Дверь за ними закрылась. Карина послушно отправилась в закуток, выполняющий роль кухни, и оттуда послышалось, как звякает ложечка о стеклянную банку. Через минуту девушка появилась с пластмассовым стаканчиком в руках, налила в него горячую воду из автомата и проскользнула в кабинет.

Проблема чая и еды была решена в «Шпильке» по принципу «Максимум комфорта — минимум усилий». Здесь не было даже электрического чайника, без которого не обходится ни одно уважающее себя рабочее место, зато имелась микроволновка. Кофе растворимый, чай в пакетиках, посуда одноразовая. Кипяток наливался из автомата с горячей и холодной водой, которым могли также пользоваться клиенты. Все было организовано так, чтобы сотрудники не тратили лишнего времени на приготовление еды и питья и могли всецело отдаваться работе.

Лене это сперва показалось странным, потому что работы в салоне было не так уж много. Но Карина, имеющая некоторое отношение к владельцам «Шпильки», рассказала, что

заведение открывалось с очень дальним прицелом. Во-первых, чтобы забить место, потому что хозяйева хотели создать сеть эксклюзивных салонов и распространить ее по всей Москве. А во-вторых, в расчете на клиентуру из двух больших элитных домов, которые еще только строятся через дорогу, рядом с торговым центром. Потому здесь высокие цены и дорогой дизайн, и работают такие квалифицированные мастера, как Любочка и Наташа — их переманили из центральных салонов. А Марина Станиславовна — она просто суперменеджер в парикмахерском деле, таких на всю Москву — единицы. «Так что тебе повезло, — важно добавила Карина. — Максимум через год здесь будут очереди на недели вперед и такие заработки, что подруги обзавидуются. А пока есть время, набирайся опыта, учись».

И Лена училась — главным образом у Карины, которая объяснила ей в первый же день: «Чем ты мажешь клиенток и как делаешь массаж — это дело десятое. Хорошей косметики полно, массажировать почти все умеют. Человек запомнит не качество крема, а то, какая ты милая и внимательная, и только из-за этого будет считать тебя классным косметологом. И так везде — стрижешь ты или чинишь унитазаы. Если тебе жалко лишний раз улыбнуться, то в сервис лучше не соваться».

Лене не было жалко, но у нее еще не выработалась привычка так радужно и безостановочно улыбаться, так ласково убалтывать клиентов, как это получалось у Карины. В училище ничего подобного не проходили. И вообще, она с детства привыкла слышать, что смех без причины — «оч-чень нехороший признак», как любил повторять их учитель физкультуры. И беспричинные улыбки относились туда же, к тем же признакам. У них в школе училась девушка, которая мечтала стать то ли моделью, то ли манекенщицей и потому каждую минуту улыбалась без всякого повода, показывая все тридцать два белоснежных зуба. Лена была тогда еще совсем малявкой, и они бегали на этаж к старшекласникам, чтобы посмотреть, как эта красавица улыбается во весь рот, и похихикать, покрутить пальцем у лба за ее спиной. У той девушки еще прозвище было — «Колгейт».

Теперь-то Лена понимает, что вовсе не белозубая Колгейт, а они, смешливые пятикласницы, вели себя как маленькие дурочки. А та девушка была абсолютно права, и если она не стала моделью, то все равно добилась в жизни успеха, потому что уметь улыбаться людям просто так, без причины — редкое, неоценимое достоинство. Вообще, когда Лена выросла, все оказалось устроено совсем не так, как она считала раньше. Очень жаль, что мама и папа толком ничему полезному ее не научили. Хорошему — да, а вот полезному... Хорошо хоть, в салоне у нее такие опытные наставники и есть время чему-то научиться до того, как она начнет жить по-настоящему. Хотя бы улыбаться.

Карина вышла из кабинета заведующей, не успев погасить приветливую улыбку, которая обычно предназначалась посетителям, а теперь, очевидно, адресовалась Барабасу. Улыбнулась еще лучезарнее — улыбкой для своих. И развела руками: ничего не знаю.

«Скажет?» — взглядом спросила Лена у Любочки. Та покачала головой — не скажет.

— Я с Мариной восемь лет работаю, — произнесла она вслух. — Еще этого салона не было, мы с ней на Садовой вместе начинали. Всегда она из себя строила ба-альшую начальницу, все хотела стервой казаться. А в душе она — отличная баба, только боится, что кто-то это поймет и перестанет ее уважать. Глупо, конечно. Я так думаю, лучше пусть любят, чем уважают, правда? Кому это уважение вообще нужно?.. А у Марины все закидоны оттого, что она одинокая — ни семьи, ни детей. Вот и считает, что ее никто любить все равно не будет и все это глупости, слюнтяйство. Зато она — начальник и забывать об этом

не дает. Видишь, столько лет, а я с ней до сих пор на «вы». Но ничего. Ты с ней, главное, не зарубайся, и она тебя в обиду не даст.

Как всегда, визит участкового оказался недолгим. Барбос вразвалку вышел из кабинета, не успев даже допить кофе и на ходу прихлебывая из белого стаканчика. Марина Станиславовна семенила рядом, держа руку на рукаве милиционера и что-то нашептывая ему на ухо.

«Сказала! — разочарованно подумала Лена. — Плохо Любочка ее узнала за восемь-то лет. Теперь все...»

Еще недавно ей так нравилась размеренная, предсказуемая жизнь салона, где все четко и аккуратно, как флакончики на полке, как записи у Карины в тетрадке. А теперь она неожиданно для себя пожелала, чтобы непонятная, пугающая история с двойниками получила какое-то продолжение. Это ж надо, какие вещи случаются в обычной парикмахерской! А еще говорят — скучная работа!

Но теперь-то она точно останется скучной. Эх, Марина Станиславовна...

— А все-таки выяснить, в чем дело, должны мы, — объявила Любочка, когда колокольчик возвестил об уходе Барабаса. — Больше некому.

— Это почему это некому? — Марина Станиславовна остановилась на полдороги к своему кабинету, уперев руки в боки, как на базаре.

Ничего хорошего ее вид не предвещал, и девочки замерли в ожидании скандала. Наташа даже попыталась под креслом пихнуть подругу ногой, чтоб не выступала, но не дотянулась и чуть не потеряла равновесие. Любочка этой спасательной операции даже не заметила, она рвалась в бой.

— А вот потому. Если бы кто-то уже это выяснил, тот мужик не ходил бы сейчас по улицам и не косил под Вадим Григорьича. А раз он ходит и косит, значит, никто, кроме нас, ничего не заметил. А он тем временем еще кого-нибудь убьет.

— Тебя, например. И будет под тебя косить. Мы подумаем — Люба с новой прической пришла, а это, оказывается, Фантомас разбушевался! — поддразнила ее заведующая. — Ах да, вы же Фантомаса-то не знаете, молодежь...

— Фантомаса мы знаем, — буркнула Вика. — Недавно по телеку показывали с Жаном Марэ и этим, как его? Луи де Фюнесом. Только зря вы, Марина Станиславовна, смеетесь. Не смешно совсем. И лично я так думаю, что Люба права. Но что мы можем сделать, а, Люб? Лично я мимо темы. Говори, ты умная.

И она уселась в кресло, чтобы Наташа сделала ей укладку, потому что не любила терять время зря. Языки болтают, но руки-то свободны!

— Вадим Григорьевич, Вадим Григорьевич... Живет где-то рядом, мы уже выяснили, — вслух рассуждала Любочка, прижав ладони к щекам. — А работает кем? Он мне говорил когда-то, ой, голова дырявая... Ну!.. Что-то, как будто он писатель. Однажды он зашел, вот как сегодня, хотел постричься, а у меня вот-вот женщина должна была подойти на краску. Я говорю: вы зайдите вечером. А он говорит: вечером мне неудобно, я сейчас книжку пишу, из дома почти не выхожу, проходил мимо, подумал — заодно постригусь.

— Ага! — поддакнула Карина. — Он всегда заходил по пути, никогда не записывался заранее. Так бы у меня хоть телефон остался.

— Писателя легко найти, — заметила Вика. — Надо посмотреть в магазине, сейчас на всех книгах, на обложке, фотографии авторов помещают. Впереди или сзади.

— Вспомнила! — закричала Любочка. — Викуся, ты гений! Он книгу писал про какого-то другого писателя. Я еще сказала: выйдет книга — подарите обязательно. Там, наверное, ваш портрет на обложке будет с моей стрижкой, вот и я прославлюсь. А он говорит: подарю, конечно, но моего портрета там быть не должно, только того... как же писателя-то звали?

— Булгаков звали писателя, — произнесла Наташа, расчесывая Вику. — Слушай, тебе уже краситься пора, смотри — все корни темные... Булгаков Михаил Афанасьевич — ты меня еще тогда спросила, кто это. А я сказала, что ты серость, его сейчас даже в школе проходят.

— Так, может, он для школы книгу писал? Учебник? — предположила Вика и тут же обратилась к Наташе: — Покрась меня сейчас. У тебя кто-то записан?

— У меня смена уже кончается, — ответила Наташа. — И я сегодня задерживаться не могу. Мы с Юрой едем школьную форму покупать. Пусть Люба тебя покрасит.

— Люба покрасит! — хмыкнула Вика. — Люба сейчас пистолет в зубы и вперед — шпионов и мафию ловить. Посмотри на нее — глаза горят! Нос по ветру! Так что ж с книгой-то? Не подарил?

— Нет, — с сожалением ответила Любочка. — Не получилось. Все время говорил, забывает, в следующий раз принесет. А потом я сама забыла.

— А нам чем-нибудь поможет то, что он писал книгу про Булгакова? — спросила Лена.

— Еще как! Мы все книги про Булгакова проверим и найдем среди авторов Вадима. Да хоть по инициалам — Вэ-Гэ. А потом позвоним в издательство и спросим, что это за писатель, как его найти. Что-нибудь придумаем. Например, что мы учителя и хотим пригласить его выступить в школе...

— Глупости, — проговорила Наташа, складывая инструменты. — О Булгакове тонны книг написаны — ты их сто лет будешь проверять, пока дойдешь до своего Вэ-Гэ. И где проверять? В магазине на полке? Знаешь, сколько магазинов придется обойти. Или ты их все купишь? Это твоей зарплаты не хватит. Давай лучше так. У меня есть клиентка, учительница литературы. Как раз завтра она приходит. Я спрошу, что она порекомендует мальчику почитать по Булгакову в десятом классе. Какие недавно вышли хорошие книги.

— А если ваш Вадим плохую книгу написал? — ехидно заметила Марина Станиславовна. Она так и стояла посреди зала, давно уже намереваясь что-то сказать, но не успевала вставить слово.

— Наш Вадим плохую книгу нипочем не мог написать, — заявила Вика. — Такой мужик крутой весь из себя!

— Девочки, я смотрю, вы такие Шерлоки Холмсы, что просто мухи дохнут. Вот послушайте, что я вам скажу...

В этот момент у заведующей зазвонил телефон, и она бросилась в кабинет.

— Ну, я пошла, — сказала Наташа. Она уже стояла у выхода в белой ветровке с длинным серебристым зонтиком за спиной. Лена с завистью подумала, что такие люди, как Наташа, всегда берут с собой зонтик, даже если обещанного дождя не было уже неделю. И они, эти люди, обычно под дождь не попадают, в отличие от тех растяп, которые ходят без зонта.

— Любаш, я завтра с утра. Если нужно поговорить с учительницей, позвони мне домой или тут записку оставь у Карины. И не переживай ты так — смотри, вся взъерошенная. Пообедать не забудь. Девочки, проследите за ней.

Наташа упорхнула под звон колокольчика. Любочка закончила смешивать краску и стала наносить ее Вике на волосы, о чем-то напряженно думая. Лена решила не мешать. Она отошла к столу администратора и еще раз проверила, что на пять часов вечера у нее назначена чистка лица и маска, а на половину седьмого — массаж. Первые клиенты. Жуть!

Любочка знала, кто такой Булгаков. Но знала очень давно. С тех пор она постаралась многое забыть, и Булгаков попал в общую кучу воспоминаний, выброшенных в корзину раз и навсегда.

О Булгакове часто говорили друзья ее мужа много лет назад, в их тесной прокуренной кухоньке. Во время этих бесед Люба в основном молчала, но при необходимости была готова вставить какое-нибудь уместное замечание. Она читала Булгакова, смотрела Феллини и знала, что похожа на Джульетту Мазину. Именно поэтому на нее обратил внимание Стас, будущий гениальный, но пока не признанный художник. Ради него она готова была прочитать еще сорок тысяч умных книжек и посмотреть все фильмы Феллини, Антониони,

Висконти, Бергмана и Куросавы. Хотя ей больше нравилась «Москва слезам не верит» и романы Сидни Шелдона.

Но вся эта наука ей не пригодилась. Во время кухонных посиделок Любочка обычно хлопотала у плиты или устраивалась у Стаса на коленях, зарывалась лицом в его густые нестриженные волосы, пропахшие, как и весь дом, свежей масляной краской, и ей было абсолютно все равно, о чем говорят вокруг.

Художники и их манерные подруги тоже мало внимания обращали на тихую парикмахершу. Она поила их чаем, кормила домашними борщами, пекла пирожки, вытряхивала пепельницы, до краев полные окурков, и выслушивала по телефону мамыны крики о том, что эту шарашку надо гнать в три шеи вместе с ее паразитом-мужем. Слово «муж» мама выговаривала с презрительным шипением, подчеркивая, что этот статус пристал никчемному Стасу как корове седло.

Они жили на Любочкины парикмахерские заработки. Стас не работал, вернее, не ходил ни на какую службу и зарплату, естественно, тоже не приносил. Целыми днями он писал гениальные картины в «мастерской», выгороженной ширмами из их единственной комнаты. Люба считала эту ситуацию не просто правильной, а единственно возможной. Она благодарила судьбу за счастье находиться рядом с таким талантливым и — о чем она ему никогда не говорила, но лелеяла эту радость в своей душе — таким потрясающе красивым мужчиной.

Из-за ширм в комнате был пыльный полумрак и стоял неистребимый дух масляных красок, ацетонового растворителя и табачного дыма. Любочке казалось, что он никогда не выветрится из ее ноздрей, волос, одежды. Долгие годы спустя запах ремонта или свежеекрашенной скамейки пинком возвращал ее в прошлое, как мяч, запущенный в ворота тяжелой ногой форварда. Долгие годы она ненавидела ремонт.

Мама кричала, что «этот гад» ее травит, но Любочка и под страхом смерти не согласилась бы как-то ограничить творческий процесс и заявить свои права на свет и свежий воздух. Беременная, она лишь старалась не ходить на кухню, где курили, а после рождения Насти попыталась прекратить круглосуточные визиты гостей. Тогда Стас и начал ее бить.

Это было в Новый год, который муж в виде одолжения отмечал дома, среди развешанных над плитой пеленок. После двенадцати она легла спать, а в три двухмесячная Настя зашлась криком. Из кухни доносились громкие голоса и хохот. Опухшая от бессонницы Люба в криво застегнутом халате вышла на кухню за бутылочкой и сделала замечание веселой компании — Стасу, его приятелю Володе и Володиной подруге, длиннолицей, длинноволосой и длинноногой девице, на которую Стас запал первым, но, будучи женатым, уступил другу. Люба действительно вышла из себя, чего с ней раньше не случалось, и довольно резко напомнила, что рядом спит грудной ребенок, а потому нельзя ли потише орать, поменьше курить или вообще уматывать по домам.

Гости недовольно замолкли, а Стас, одухотворенный Стас, написавший на рождение их дочери странное стихотворение с красивым названием «верлибр», ее обожаемый Стас, способный заплакать, глядя на красивый закат, прошел за Любой в комнату и не спеша вlepил ей затрещину.

Потом этот кошмар стал обыденностью. Он бил ее, она давилась слезами, заброшенная Настя плакала в кроватке, мама орала в трубку, что вызовет милицию и посадит этого гада на все пятнадцать лет. Стас демонстративно собирался и уходил, роняя краски, Люба захлебывалась рыданиями, ползла за ним на коленях и хватала за ноги... И все это

повторялось бесконечно, без всякой надежды на перемены, потому что жизнь без Стаса она себе не представляла. Лучше было все что угодно, даже получать оплеухи и изо дня в день чувствовать себя тряпкой, пропитанной растворителем.

И вдруг... Как говорят, терпение лопнуло. Так и в Любе лопнула какая-то до предела натянутая струна. И под ее отчаянный прощальный звон умерла любовь.

В один относительно мирный день они с Настей отправились гулять, чтобы не мешать Стасу работать над новой картиной. В разгар прогулки полил проливной дождь. Когда мокрая до нитки, замерзшая Люба втолкнула в квартиру коляску с такой же мокрой и хнычущей Настей, муж, не поднимая глаз, раздраженно буркнул: «Что — уже?»

Вечером он спросил, не хочет ли она на время уехать к маме. Обычно такие вопросы были безличной формой приказа: «Вставай и поезжай». Но тут она сказала: «Нет» — так, что он сразу все понял. И ушел сам — на этот раз навсегда. Она не плакала, не ползала за ним, подбирая краски. А потом долгие ночи обливала слезами подушку и забывала, зарывала, закатывала в бетон свою семейную жизнь, в которой не нашлось места ей самой и ее ребенку.

Под каток забвения попал и великий русский писатель Михаил Булгаков вместе с великим итальянским режиссером Федерико Феллини. Люба раздарила все умные книжки, а вместе с ними и своего тайного кумира Шелдона, который слишком трогательно описывал женские чувства и выжимал ненужную слезу. Теперь она считала, что похожа на актрису Немоляеву в молодости, и знакомые с ней соглашались.

Она больше никогда не видела Стаса, да и он не проявлял интереса ни к ней, ни к дочке. От него осталась лишь фамилия, которую Люба сохранила только из-за Насти, а вовсе не ради звучности. Чтобы дать ребенку фамилию матери, требовалось разрешение отца, а она знала, что Стас, несмотря на свое равнодушие к судьбе девочки, никогда на это не согласится. Он сам выбирал изысканное пушкинско-тургеневское сочетание — Анастасия Дубровская.

Игнорируя мамины настояния, Люба не вернулась к родителям, осталась с Настей в своей крошечной квартирке, отдраив ее, выветрив въевшиеся запахи. Много позже, уже с новым мужем, водителем автобуса, добрым и порядочным человеком, они поменяли ее на маленькую смежную «двушку» в Чертанове.

В спокойной обстановке Настя перестала плакать без причины, росла здоровенькой и умненькой и восхищала всех своими рисунками. Любочка закончила несколько профессиональных курсов, стала мастером-стилистом и в последние годы активно ездила на международные парикмахерские конкурсы, иногда привозя оттуда замысловатые дипломы на разных языках. С мамой она помирилась лишь незадолго до ее смерти и вытащила на себе весь кошмар дежурств в онкологическом отделении.

А Стаса и свой первый брак Люба забыла так старательно и крепко, что вполне искренне спросила у Наташи, что за писатель Булгаков. Хотя Булгаков, конечно, ни в чем не виноват.

— Значит, так, — Марина Станиславовна выросла на пороге своего кабинета и призывно помахала листком бумаги, по которому тут же торжественно зачитала:

— Вадим Григорьевич Колосов, Инженерная, восемь, «Дом под парусом» — надо же, чего только не придумают! — квартира сто пятнадцать, черная «хонда-аккорд», номер угу-угу — записан. Работает, по всей вероятности, на дому или не работает. Тяжелый случай.

Женат, детей нет, прислуги тоже — бедный, как же это он? Собака бассетхаунд. Знаю, хорошая собачка. Какие еще вопросы?

— Ну, Маринка Станиславовна, ну ты гений! — опомнилась первой Любочка. — Это кто же тебе такое досье собрал? Барбос?

— А то, — польщенно кивнула заведующая. — Я оч-чень попросила. Сказала, что одна наша сотрудница так заинтересовалась этим мужчиной, просто сил нет, а сама подойти стесняется. Ну и жалко девушку, сами понимаете, плачет, ночей не спит.

— И кто ж из нас ночей не спит? — хмыкнула Вика.

— Ты, Карина, — Марина Станиславовна повернулась к администратору.

— Я?..

— Ну, а кому еще? Лена только что пришла, а остальные все замужем.

— Вы, Марина Станиславовна, между прочим, тоже не замужем, — обиделась Карина.

— Ну, для меня твой Вадим слишком молодой. Да и Барбос приревновал бы, ничего делать бы не стал.

— Почему *мой* Вадим? — почти со слезами выкрикнула Карина под дружный смех. — *Для меня он слишком старый!*

Выйдя из салона, Наташа увидела на дороге знакомого — частного водилу Витальича. Он обычно дежурил у торгового центра на соседней улице и несколько раз подвозил ее с работы с тяжелыми сумками. В отличие от многих своих коллег, промышлявших частным извозом, Витальич не был угрюм и молчалив, а, напротив, любил поболтать и пошутить с пассажиром. А уж такие постоянные клиенты, как Наташа, ходили у него в закадычных друзьях.

Витальич как раз стоял в пробке прямо возле парикмахерской. Он приветственно библикнул Наташе с дороги и виновато развел руками, показывая, что занят — его «жигуленок» был забит каким-то восточным семейством с кучей детей и пакетов. Наташа улыбнулась и кивнула в сторону метро: мол, ничего страшного, я все равно туда. Витальич огорченно поцокал языком, сожалея, что такая элегантная молодая дама вынуждена пользоваться вульгарным общественным транспортом. Эту мысль он уже не раз ей высказывал. Как и многие автомобилисты, Витальич считал метро средневековым изобретением и вообще жуткой клоакой, куда нормальному человеку и заходить-то страшно.

Наташа над ним посмеивалась. Она почти всегда ездила в метро на работу и с работы и знала, что ничего страшного в этом нет. Даже наоборот.

Если бы они с мужем поставили перед собой такую цель, то давно уже купили бы вторую машину. Кроме того, Наташа могла настоять, чтобы Сергей отдал ей «фольксваген». Но она считала, что ползти по московским улицам в час пик, шарахаться от лихачей, ругаться с дорожными хамами, опаздывать, злиться — совершенно излишняя нагрузка для нервной системы перед тяжелым рабочим днем. Кстати, она видела передачу, где довольно известные люди рассказывали, что они регулярно пользуются метро, когда не хотят куда-то опоздать. Ни одного известного человека Наташа ни разу там не встретила, но метро ее и без того устраивало. Там можно было читать.

Наташа Градова любила говорить, что они с мужем — дети перестройки. Из-за этого их собственные дети, ехидные, как все школьники, называли бабушек Перестройкой Васильевной и Перестройкой Анатольевной, а родителей, без всякой логики, Перестроевичами. Это слово у младших Градовых заменяло общепринятое «предки».

Наташа окончила школу в сложном восемьдесят восьмом году. В старших классах она была отличницей, писала сочинения на олимпиадах и одно время даже «шла на медаль». Но тут начались смутные времена. Закрывались НИИ и КБ, инженеры и библиотекари торговали на рынке, знакомые студенты бросали учебу и погружались в омут бизнеса — в общем, в стране творилось чер-те что, хоть стой, хоть падай. И на семейном совете было решено с институтом пока погодить и дать девочке надежную профессию «в руки». Наташа, во всем послушная родителям, пошла в парикмахерское училище, окончила его с отличием, вышла замуж за одноклассника Сергея и родила двоих мальчишек.

Через несколько лет в обществе воцарилась стабильность, местами круто переходящая в процветание. Друзья детства, списывавшие у Наташи контрольные, теперь руководили банками, возглавляли политические партии и выпускали газеты миллионными тиражами. Наташе много раз советовали бросить возню с чужими волосами и пойти на курсы бухгалтеров или секретарей-референтов, а то и в вуз — ведь ее поезд никуда не ушел. С ее способностями и прилежанием она могла бы сделать прекрасную карьеру.

Однажды бывший сосед по парте, медведеподобный Костик Пинчук, ныне владелец большой продуктовой сети, предложил ей беспроцентную ссуду на открытие собственной парикмахерской, намекнув, что, в принципе, такую мелочь можно и не возвращать. В другой раз школьная подруга, торгующая антиквариатом, пригласила ее к себе в секретари-референты.

Наташа, подумав для виду, на все предложения отвечала вежливым отказом, ссылаясь на детей и нехватку времени. На самом деле ей не хотелось менять маленькую ручную синицу не только на далекого журавля или цветастого павлина, но даже на синюю птицу счастья. Да и какое может быть счастье в карьере! Еще в школе было известно, что отличница Наташа лишена амбиций. На это ей всякий раз пеняла классный руководитель Елена Федоровна, мечтавшая о том, чтобы все ее ученики достигли в жизни чего-то значительного, и с этой целью регулярно проводившая с ними душевительные беседы.

На самом деле амбиции у Наташи были. Но сводились они к тому, что она хотела быть всегда и во всем безупречной. В детстве для нее было невыносимо признавать свою вину и просить прощения. Необходимость произнести шаблонное «я больше не буду» вызывала у обычно спокойной девочки приступы злобного упрямства или бурные слезы. Она и отличницей стала потому, что не могла никому позволить смеяться над собой из-за беканья и меканья у доски или неправильного ответа.

— Престижная работа — секретарь-референт! Или бухгалтер! — возмущалась она вечером на кухне. — Девочка на побегушках в деловом костюме. Принесите, запишите, подготовьте, подайте кофе. А почему нет этого, а куда дели то. А если у нас все плохо, то кто виноват? Секретарша Наташа. Или бухгалтер Наталья Ивановна.

— Ну, это как себя поставить, Наташенька, — неуверенно возражала гостившая у нее мама, которая в глубине души считала, что они с отцом ошиблись, лишив девочку высшего образования.

— Я себя уже поставила! — отрезала Наташа. — Меня на работе никто не смеет гонять!

Кроме того, она слишком хорошо знала, что рыночной экономике закон не писан. И странно, что эти навороченные бизнесмены так быстро все забыли, в том числе и 98-й год. В любой момент самые крутые карьеры могут лопнуть, дутые капиталы уйдут в песок, фирмы разорятся, банки обанкротятся. Но стричься люди будут всегда. Наташа хорошо помнила, как в период всеобщей нищеты, когда люди в семь утра занимали очередь за молоком, она своими стрижками на дому у самых ранних «новых русских» заработала на первую машину, за которой муж — просто разврат по тем временам — ездил в Германию.

Сережа Градов, бывшее математическое светило школы, еще в институте подрабатывал в каких-то левых конторах, монтируя чипы для металлоискателей и прочих систем контроля. Он так и пошел по этому простому и востребованному пути, хотя мог бы стать хорошим инженером-электронщиком. Когда вокруг возникали разговоры о фантастических окладах, которые платят в хай-теке ^[2] Канада и Штаты, Сергей, так же как и Наташа, отшучивался, что, мол, не нужен нам берег турецкий... Но жене он однажды признался, что давно потерял ту квалификацию, с которой специалист его профиля чего-то стоит на Западе. Наташа только погладила его по плечу, и этот грустный факт навсегда остался семейной тайной.

Больше всего Наташа боялась, что кто-то будет ее жалеть. Она добилась своего — ее не только не жалели, ей завидовали. У нее всегда все было хорошо, просто замечательно, лучше всех. В компании бывших одноклассников она до сих пор ловила восхищенные взгляды мужчин и ревнивые — женщин. И то, и другое Наташа Градова воспринимала с чувством

глубокого удовлетворения, как говорили в застойные времена ее детства и острили в бесстрашные дни ее юности.

Ни годы, ни роды не повредили Наташиной изящной фигурке и милому фарфоровому личику. У нее была просторная квартира в сталинском доме на Профсоюзной. Муж работал в системе компьютерной безопасности крупного банка и прилично зарабатывал, дети отлично учились в лицее. Она всегда была спокойна и покладиста, со всеми сохраняла ровные отношения и являла для окружающих образец сложившейся женской судьбы.

То была одна жизнь Наташи Градовой, о наличии же второй не знали даже лучшие подруги. Она происходила в ином мире, но не на телеэкране и не в Интернете, как у многих ее современников. Наташа не любила кино, потому что страсти и события, которые творились на экране, были доступны всем и каждому. С книгой она встречалась наедине.

Любовь к чтению ей привили в школьные годы, и с тех пор какой-нибудь карманный бестселлер с аккуратной закладкой всегда лежал либо в ее сумочке, либо, в отсутствие клиентов, на столике под зеркалом. Но никто не представлял себе, что значат для Наташи книги.

День за днем она спасалась бегством от злодеев, интриговала против всемогущих властителей, отдавалась бесстрашному герою, умирала с ножом в сердце, танцевала на балах и ныряла в морские глубины... Любовь, ужас, ревность, отчаяние, чувственность окатывали ее волнами, когда она с непроницаемым видом перелистывала страницы. От окружающей жизни она давно не ждала ничего интересного, кроме, пожалуй, пенсии, когда работы не будет, выросшие дети отделятся, и можно будет читать, читать, читать с утра до вечера.

В свое время она прочла немало серьезных книжек, но они слишком достоверно и безжалостно описывали жизнь. В них было так же много уродства, мелочности, тоски и однообразия. Чем ближе к реальности была книга, тем более она огорчала Наташу. Как все бывает на самом деле, она знала сама. Ей хотелось того, чего не бывает. Этот яркий и прекрасный мир открылся ей в дамских романах, псевдоисторических сочинениях и прочей, как говорили интеллектуалы, макулатуре. Наташа на интеллектуальность не претендовала. Ей вполне хватало макулатуры.

Сегодня, как обычно, она устроилась в уголке вагона, радуясь, что в середине дня в сторону центра всегда есть свободные места. Книга стала ее раздражать на втором перегоне. Еще через пару страниц она поняла почему: главный герой напоминал сегодняшнего посетителя, Вадима Григорьевича, который оказался не Вадимом Григорьевичем и взбудоражил весь салон.

Людей, похожих на книжных персонажей, Наташа активно не любила, как и слишком достоверных героев, похожих на живых людей. В этом смысле ее совершенно устраивал муж Сережа — в нем не было ни капли чего-либо героического и романтического. Именно поэтому всегда, со школьных лет, он вызывал у нее абсолютное доверие. Он был простой, бесхитростный, приземленный — одним словом, настоящий.

Закрывать книгу и бросить ее читать на середине было выше ее сил. Поэтому Наташа, морщась, продолжала следить за приключениями героя с мрачными темными глазами и седеющей бородкой. Для этого богатого и чванливого аристократа не было ничего святого, он был готов на любую низость, если этого требовали его интересы, но при случае мог напоказ проявить неслыханную щедрость и благородство.

Разумеется, все это не имело никакого отношения к Любочкиному клиенту Колосову, субъекту из плоти и крови, который носил ботинки, ходил стричься и морочил людям голову

своей изменяющейся сединой. И все же Наташа задумалась о том, что Вадим Колосов не похож на жертву. Вот не похож, и все. Жертвы такими не бывают. Напротив, появление его двойника похоже на часть хитрого заговора, в центре которого стоит сам Колосов — не жертва, а автор злодейской интриги. А это значит, что Любаша случайно проникла в опасную тайну...

Тут объявили ее станцию, и Наташа с удивлением обнаружила, что думает о реальных событиях так, как будто это сюжет авантюрного романа. Этого еще не хватало!

«Чушь. Ничего такого не может быть, — сердито подумала она. — Но Любу все равно надо отвлечь от этих глупостей. Так ведь и свихнуться недолго».

— «Дом под парусом» я знаю, — сказала Лена. Она жила в этом районе, поэтому на нее тут же возложили наружное наблюдение за объектом. — Элитный дом, не самый-самый, но вполне крутой. Семнадцатипятиэтажная башня. Там рядом есть собачья площадка, правда, мы туда не ходим, Чарли боится других собак. Но раз надо для дела, будем воспитывать храбрость.

— С собакой — это ты удачно придумала, — одобрила ее Марина Станиславовна. — Собачники быстро знакомятся.

— Что-то я сомневаюсь, что Григорыч сам со своим бассетом гуляет, — заметила Вика. — На него непохоже.

— Или он, или жена — их всего двое, — сказала Любочка. — С ней тоже оч-ч-ч-чень интересно пообщаться.

— Да, а если он вообще с псом не выходит, как ты его жену узнаешь — по бассету? А вдруг их в том доме несколько?

— Да нет, — неуверенно протянула Любочка, — собака-то редкая.

— Это в вашем Чертанове она редкая. А в элитном доме такие могут быть на каждом этаже. Сколько Ленке придется на той площадке торчать и бассетов считать?

— А мы облегчим задачу, — решила Любочка. — Элитный дом, говоришь? Значит, у каждого жильца по тачке. У Вадима «хонда-аккорд», а у жены что? Надо выяснить. Тогда мы ее не по собаке найдем, а по машине.

— Люб, я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся, — съехидничала Вика. — Машины на собачьей площадке не гуляют.

— Ты всегда такой умный, да? — парировала Любочка, тоже пародируя гортанный акцент героев «Мимино». — Лена будет знать машину, посмотрит, кто в нее садится, а потом с этой женщиной познакомится на собачьей площадке. Она нам нужна даже больше, чем тот фальшивый Колосов. Он-то главный подозреваемый, а потому все равно ничего не расскажет.

— Что-то слишком мудрено, — сомневалась Вика. — Сначала искать машину, потом собаку, потом бабу. На это сто лет уйдет.

— А мы разве куда-то торопимся? — возразила Любочка.

«И в самом деле, — подумала Лена, которую тоже в первый момент смутило столь сложное, многоуровневое задание, — меня же никто не подгоняет. Следить за кем-то — это, наверное, очень здорово. Как в фильме, только на самом деле. Зря я, что ли, во втором классе хотела быть разведчиком!»

— А как мы про ее машину узнаем? — допытывалась между тем Вика.

— Ну, а Карина у нас на что? Не зря же она с сегодняшнего дня по Григорычу вздыхает. Пусть выяснит у своих ребят. Карин, слышишь?

— Нет у меня никаких своих ребят, — отозвалась Карина, до сих пор слегка обиженная.

— Да ладно — нет! — сказала Марина Станиславовна. — Ты с ними знакома, я знаю. А если не знакома, то все равно они тебе все подскажут, а с нами и говорить не будут. Свои своим должны помогать — правильно я понимаю?

— Не знаю я, — огрызнулась обычно вежливая Карина. — Чего вы от меня вообще хотите?

— Кариш, не сердись, но ты у нас единственный шанс, — примирительно сказала Любочка. — Пожалуйста, сходи в автосервис и поговори с ремонтниками. Наверняка Вадим там машину чинит. Может, они и жену знают. А то Лене придется неизвестно сколько у подъезда караулить, пока Колосовы вместе куда-то пойдут. Или за собаками гоняться.

— Девочки, но это же несерьезно. А если он чинится вовсе не там? Или он там, а жена совсем в другом месте? Мало ли что бывает. Может, она и не водит машину. Может, у нее близорукость или еще что-то.

— Может быть что угодно, — невозмутимо согласилась Любочка. — Но следует проверить все возможные версии.

— Нет, она правда сдурела, — пробормотала Марина Станиславовна, глядя на Любочку скорее с восхищением, чем осуждающе. — Версии! Наблюдение! Подозреваемый! Следствие ведут парикмахерши!

— И как же я объясню, зачем мне это надо? — добивалась Карина.

— Ой, да скажешь то же самое — подружка интересуется. Может, они и другие автосервисы знают, там же тоже все ваши работают. Только вряд ли он куда-то еще ездит, если такое роскошное место под боком.

Хотя Любочка была женой профессионального шофера, в автосервисных делах она разбиралась плохо. Все проблемы их старенькой «девятки» муж решал сам или с помощью товарищей по автобусному парку. А большинство людей, как известно, чинит машины в самых разных местах, причем совсем не обязательно рядом с домом, а там, где есть свой знакомый, проверенный мастер.

Но в данном случае Любочка оказалась права. Вернее, им просто повезло. Вадим Григорьевич Колосов уже несколько лет ремонтировал свою «хонду» именно здесь, в сервис-центре «Манушак», вокруг которого стихийно вырос целый городок армянской диаспоры. Эту информацию Карина получила от первого же человека, к которому обратилась в «Манушаке». Из-за этого человека она и не хотела идти в мастерские. Вернее, хотела так, что этого делать не стоило.

Семья Карины переехала в Москву, когда ей было семь лет. Не бежала, не эвакуировалась, а именно переехала. В Нахичевани не было погромов, но в начале Степанакертских событий там стало как-то тревожно, и Каринин дядя, обладающий звериным нюхом на опасность, почти сразу же выдернул весь клан в Россию. «Свои помогут», — лаконично отвечал он на эмоциональные вопросы родни, как устраиваться на новом месте и не стоит ли переждать. Потом случился Сумгаит, за ним Карабах, и вопросов больше никто не задавал.

Свои действительно помогли. Старшее поколение нашло работу, младшее выросло и выучилось. Карина считала себя москвичкой, армянский язык понимала с трудом, а порусски говорила без акцента. В разномастном мегаполисе стройную девушку с тонкими чертами и матовым цветом кожи редко принимали за «лицо кавказской народности». «Твоя национальность — красивая женщина», — любила повторять Марина Станиславовна. Она не считала зазорным польстить Карине, зная, что хозяин салона приходится ей родственником.

Карина всегда помнила, что выйти замуж ей придется за своего. Нет, неволить ее никто не будет, но любой другой вариант очень огорчит маму, папу и всех родных, особенно дядю Манвела, которому семья была обязана переселением в Москву и спасением от многих

страданий, выпавших в последние годы на долю армянского народа.

Огорчать старомодного, но строго почитаемого дядю Манвела считалось высшим проявлением неблагодарности. Поэтому Карина ходила с семьей на общинные праздники и покорно сносила пылкие оценивающие взгляды черноглазых юношей. Она нравилась многим из них, да что там — всем она нравилась! Кто бы отказался от такой красивой, образованной жены с хорошей работой и постоянной московской пропиской. По крайней мере, у нее, в отличие от многих других девушек в диаспоре, был выбор.

Выбирать пока что было не из кого, но родные, к счастью, не настаивали. Карина вообще старалась не думать о замужестве. Ей было хорошо дома, в шумной и веселой семье, где она была младшей из пяти братьев и сестер, самой балованной, самой любимой, самой красивой. А тут кто знает, какой еще муж достанется...

И вдруг случилось непредвиденное. На одном из праздников в гостях у родственников она встретила автомеханика Сашу. Саша приехал в Москву на заработки, жил тут совсем недавно, но, в отличие от многих своих товарищей, довольно прилично говорил по-русски, хотя больше молчал и улыбался, сверкая крепкими белыми зубами. На Карину он лишь раз посмотрел искоса своими добрыми хитрыми глазами — и сердце ее упало. Упало, чтобы разбиться безвозвратно и навсегда, ибо немногословный Саша был женат и в Ереване ждала его жена с двумя маленькими детьми, которым он регулярно посылал заработанные деньги и по которым очень, очень скучал.

Саше тоже понравилась красивая москвичка, но их чувства были обречены. Живя вдали от семьи, Саша мог бы завести временные отношения с какой-нибудь девушкой, но уж, конечно, не с армянкой. Такое община однозначно осуждала. И Карина с Сашей уже несколько месяцев избегали друг друга, изредка встречаясь на семейных застольях и обмениваясь горячими виноватыми взглядами.

Саша работал в «Манушаке», и Карина именно к нему пошла с вопросом, в который вложила свой сокровенный смысл.

— Есть один человек, — сказала она, — он ходит в наш салон. И одной девушке у нас он очень нравится. Только она переживает, не женат ли он, а спросить неудобно. И мы с девочками подумали, вдруг он чинит здесь машину, ведь живет рядом. И можно все про него узнать. Жалко подругу, надо ей помочь.

Со своими соплеменниками Карина говорила немного иначе, чем с сотрудницами на работе, принаравливаясь к их рассудительной манере.

— Да уж, жалко девушку, — вздохнул Саша, тоже думая о чем-то своем, а может, о том же, что и Карина. — Угораздило же ее влюбиться в мужчину, даже не зная, есть ли у него жена. А если есть — что делать? Девушка-то хорошая? — Он пытливо посмотрел на Карину, озаренный ревнивой догадкой: а вдруг его тайная симпатия пришла наводить справки для себя. Что это за «человек» ей понравился?

— Хорошая, маникюршей у нас работает, — заверила Карина, отводя от себя подозрения и мысленно извиняясь перед Викой.

Она знала, что Саша никогда в жизни не осмелится заглянуть в салон красоты. А если вдруг заглянет... к ней, просто так, по-дружески... Это абсолютно невозможно, но... Ну, так она ему объяснит, что Вика разочаровалась в симпатичном клиенте и вышла замуж. Ага, и родила четырехлетнего ребенка, вот здорово! Но разве Марина Станиславовна не поступила по отношению к ней, Карине, так же бессовестно, наговорив на нее Барабасу! А девчонки только смеялись.

Жаль, что она не назвала новенькую косметичку. Просто забыла о ее существовании, ведь Лена только что пришла в салон. Теперь уже поздно поправляться, Саша наверняка заподозрит обман. Ну и ладно, не все ли равно.

— Какой человек, что за машина? — спросил он между тем, наполовину отвернувшись и прищурившись, словно от взгляда на нее у него заболели глаза.

— Колосов Вадим Григорьевич, — начала Карина непринужденно, как будто накануне не учила наизусть «досье», добытое заведующей. — Высокий, лет сорока с чем-то. Темные волосы, борода, седоватый. Глаза карие. Машина «хонда-аккорд», черная... — тут она заглянула в бумажку и назвала номер.

— Угу, угу, — сказал Саша. — Номер давай.

Он взял у нее бумажку, ушел в глубь гаража и, подсев на корточках к пожилому мастеру и его толстому усатому помощнику, заговорил с ними по-армянски.

Карина ждала у входа, поживаясь от наступивших сумерек. В помещении было светло и довольно чисто. Пахло горячим металлом, бензином, машинным маслом, и — совсем чуть-чуть, но ощутимо — пряными травами, букет ароматов которых составляет запах любого армянского дома. От этого запаха Карине стало почему-то грустно и захотелось домой, к братьям и сестрам, к старенькой бабушке, от рук которой всегда исходит такой же тонкий и острый аромат... Зря она сюда пошла. Девчонкам развлечение, а ей на полном серьезе нельзя встречаться с Сашей. Вообще, ни на минуту. С каждой такой невинной случайной встречей она как будто все дальше соскальзывает с верхушки крутой горы, откуда, только оступись, понесешься без остановки, ломая шею.

«Это — последний раз, — решила Карина. — Даже на праздники перестану ходить. Запишусь на какие-нибудь курсы, скажу — времени нет. Пусть обижаются».

В гараже стояли даже какие-то древние колченогие кресла, заботливо застланные от пыли старыми армянскими газетами, но пройти внутрь, а тем более сесть Карина не решалась. После работы она не успела переодеться, так и отправилась «на дело» в мини-юбке и на шпильках. Прямо как настоящая француженка, вспомнился ей сегодняшний разговор в салоне. Но она не была француженкой и не собиралась усаживаться и выставлять напоказ коленки перед Сашей и его товарищами. Достаточно уже того, что она притащилась на ночь глядя с дурацкими вопросами. Что о ней будут после этого думать!

Что и говорить, авторемонтные мастерские — плохое место для вечерних прогулок, особенно если девушка решила прийти сюда одна. Карина знала достаточно армянских слов, чтобы в ней опознали свою и не обидели, но все же было как-то неуютно. «Стремно», сказала бы Вика. Хотя нет, она бы сказала как-нибудь более заковыристо.

Не только Карине нравился Викин острый язык. Когда кругленькая маникюрша беседовала по телефону с мужем Славой, салон собирался вокруг, как на концерт. У нее был, например, целый арсенал терминов, обозначающих употребление алкоголя. Потому Викино обсуждение с мужем предстоящего приема гостей звучало примерно так:

«Фроловы водку жрут? Жрут. Ксения водку жрет? Жрет. Башгуров перед этим на день рождения идет, он там коньяку нагложется. Да ладно, Славик, кончится так кончится, будем шампанское лакать».

Вспомнив Викины перлы, Карина улыбнулась. Сама она при своем идеальном знании русского никогда не пользовалась жаргонными словечками. Даже в школе. Как-то они у нее не приживались. «Коверкать можно только родной язык», — говорил их преподаватель литературы Марк Моисеевич. Он тоже слова не коверкал.

Наконец Саша вернулся с задумчивым видом.

— Не знаю что и передать твоей подруге, Каринэ, — он назвал ее армянским именем и снова посмотрел испытующе и ревниво — не отреагирует ли она на известие слишком лично.

— Этот мужчина с «хондой» женат. Совершенно точно. Жену его ребята хорошо знают, она у них ремонтируется уже давно. А несколько лет назад привела его. И еще знаешь что? Машина у нее га-араздо лучше — джип «тойота лэндкрузер», металлик. Так что, мы тут решили, женат он на женщине из хорошей семьи, богаче, чем он. Поможет ли это девушке с маникюром, суди сама.

— Спасибо, — Карина поблагодарила его лучезарной улыбкой «для своих». Нерешительно оглянувшись, посмотрела выжидающе — ей пора было идти, а на улице стало уже совсем темно. Эта часть территории «Манушака» почти не освещалась, только в некоторых мастерских продолжалась работа, и из открытых дверей пятнами выпадал яркий свет, от которого ночь вокруг становилась еще чернее. Саша улыбнулся в ответ, сказал что-то дежурно-почтительное, но провожать ее не пошел.

«Ну и пусть, — думала Карина, переступая каблучками по неровному бетону и глотая слезы. — Ну и ладно. Можно подумать, я к нему пришла. Девчонки попросили, вот и все. Подумаешь, какой-то механик из Еревана...»

От нее пахло какими-то невиданными экзотическими цветами. Для него это не был запах женщины, он привык, что от женщин пахнет пряным мясным бульоном, хозяйственным мылом и грудным молоком. Но она и не была похожа на женщин, которых он видел в своей жизни, и, конечно, пахнуть тоже должна была по-другому. Она казалась ангелом и распространяла вокруг чистый ангельский аромат. Когда они говорили о какой-то маникюрше и чужом муже, он еле улавливал суть разговора. Он не мог смотреть на нее, потому что она бы сразу все поняла, а потому отводил глаза в сторону, поднимал их вверх и видел звезды, которые расцветали над ней в вечернем небе, вспыхивали в ее густых блестящих волосах. Боясь показаться хамом (и похоже, боялся не зря), он все же не посмел проводить ее, предоставив девушке на каблуках одной выбираться из темного гаражного лабиринта. Ее тут никто не тронет, оправдывался он перед собой, а сам он в эту минуту мог оказаться опаснее любого встречного прохожего. И для нее, и для себя.

Никто их не торопил, и расследование продвигалось ни шатко ни валко, тем более что все, кроме Карины и Марины Станиславовны, работали посменно и вместе собирались редко. Рабочее совещание удалось провести только на следующий день к обеду. Наташа и Вика задержались из солидарности, хотя им отчитываться было не в чем.

Любочка принесла толстую тетрадь с «отвязанным мэном» на обложке («У Насти стащила») и скрупулезно вносила в нее полученную информацию. «Так сразу видна вся картина», — важно объяснила она. Она также завела непрозрачную папку для вещественных доказательств, правда, класть в нее было пока нечего.

— Дурью маешься, — прокомментировала Вика эти приготовления.

Она была не в духе. Ее дочка подхватила в садике простуду, и пришлось оставить ребенка дома с бестолковой свекровью. Вике надо было после работы бежать в аптеку за полосканием, потом в магазин за продуктами. А вечером они с мужем собрались ехать на строительный рынок, менять дверные ручки, которые им продали с ободками не того цвета. Славка сам не справится, потому что менять наверняка не захотят, придется скандалить — а тут уж без Вики не обойтись, в семье только она умеет так разевать варежку, чтоб вышел толк. Она осталась на идиотское сборище только ради Любочки, но не поворчать не могла:

— Ребенок вырос — делать нечего. Раньше по конкурсам ездила, теперь будем бандюков ловить. Ты лучше на йогу запишись, — говорят, мозги прочищает.

Любочка между тем пристроилась к их знаменитому столику и старательно записала Каринин рассказ. Особенно ее заинтересовала фраза механиков о богатой жене.

— Точно, она ведь к нам не ходила никогда, — размышляла Любочка. — Я его как-то осторожно спросила: а где ваша жена стрижется? Он так неопределенно: вообще-то не знаю, где-то в центре. И я так поняла, что она ходит в очень навороченное место, не для простых смертных. А Григорьич не хотел меня обидеть, поэтому не сказал куда. Вот бы узнать!

— Зачем? — возразила Наташа. — В таких салонах мастера о своих клиентах молчат, как рыбы об лед. С них, по-моему, даже подписку берут. И вообще они с тобой разговаривать не станут — ты для них низший сорт.

— Ага, — легко согласилась Любочка. — Ну и не надо. Лен, слушай. Тебе все-таки придется найти женщину, которая ездит на джипе «тойота». Просто проходи каждый раз мимо этого дома, на работу — с работы, еще куда-нибудь. Пока не засечешь объект. А потом хватай свою рукавичку — и на собачью площадку.

— У меня не рукавичка, а черный пудель, — обиделась Лена за Чарлика. — Карликовый. И очень симпатичный.

Она уже успела показать на работе фотографии своего обожаемого Чарли, которого бесцеремонная Марина Станиславовна тут же окрестила рукавичкой. Кто бы что понимал! Правда, Чарлик на фотографиях был нестриженный, но какой хорошенький! Чарльз Спенсер Чаплин, чье имя носил пудель, тоже был маленьким и неказистым, что не помешало ему стать великим артистом.

— О боже, — сказала Люба, закатывая глаза в притворном раскаянии. — Ну, прости, я не хотела вас обидеть. Ни его, ни тебя. Бери свою кинозвезду и постарайся познакомиться с собакой Колосова и их женой. То есть с женой Колосова и их собакой. Ну, что вы ржете! Ведь понятно, что я хочу сказать!

Лене было все понятно. Ей не терпелось окунуться в шпионские страсти, а кроме того, ей по-прежнему ужасно нравилась Любочка. Поэтому она без колебаний пообещала посвятить субботу и воскресенье наблюдению за «Домом под парусом» и его жильцами.

Ну, вообще-то легко сказать! Едва Лена, еще одна, без Чарлика, подошла к этому выдающемуся произведению архитектуры, как сразу поняла, что быть Джеймсом Бондом — непростая наука. Это в кино герои могут часами торчать посреди улицы, читать вверх ногами газету на китайском языке или разглядывать голые стены домов, не привлекая к себе абсолютно никакого внимания.

Лена походила не спеша взад-вперед, задрав голову и делая вид, что любит замысловатым стеклянным куполом, который и дал «Дому под парусом» такое оригинальное название. Постояла, выразительно поглядывая на часы, как будто кого-то ждет. Ну и что дальше?

Территория перед домом, хоть и не была огорожена, представляла собой своего рода мертвую зону. Она сплошь была уставлена машинами, и люди, выходявшие из подъезда (хорошо хоть подъезд всего один!), либо сразу же садились за руль и укатывали по своим делам, либо, реже, уходили пешком. Так же, не задерживаясь, проскальзывали внутрь те, кто приходил. Иными словами, двор «Дома под парусом» совсем не походил на демократические дворы обычных домов, где по выходным мамы катали коляски, бабушки обсиживали лавочки, дети кидали мяч в стену, подростки выкрикивали друг друга под окнами, а шумные компании, прибывая в гости, долго и весело высаживались из машин со своими авоськами, пакетами, младенцами и кастрюлями.

Да здесь и двора-то не было в полном смысле слова. Лена, правда, обнаружила голубенькую скамеечку, которая ни к селу ни к городу торчала посреди крохотного газончика между рядами припаркованных машин. Но никто на ней не сидел, что и понятно: зачем дышать бензином и асфальтом возле дома, если в двух шагах есть чудесный сквер и сколько угодно скамеек.

Был еще один неприятный момент. Стену дома украшала жизнерадостная надпись: «Уважаемые жильцы! Улыбайтесь, вас снимает скрытая камера». Лене это так не понравилось, что сразу расхотелось улыбаться. Еще не хватало, чтобы ее бестолковые блуждания вокруг «Дома под парусом» были зафиксированы скрытой камерой и вызвали подозрения вахтера или охранника.

Но особого выбора не было. Стоя столбом, она со своим выдающимся ростом все равно обращала на себя внимание проходящих мимо людей. Поколебавшись, Лена отлучилась на соседнюю, нормальную улицу, где толпами гуляли люди, работали магазины, аптеки, киоски и протекала обычная человеческая жизнь. Там она купила книжку, литературную версию сентиментального сериала, который терпеть не могла, а потому не было опасности, что чтение ее захватит и отвлечет от дела.

Вернувшись, Лена все-таки уселась на нелепую скамеечку, надеясь, что не попадает в поле зрения скрытой камеры (интересно, где ее скрывают? И если она скрытая, почему об этом пишут большими буквами?). Положила ногу на ногу, раскрыла книжку, левую руку с часами закинула на спинку скамейки, чтобы поворачивать к ней голову, изображая сцену «Ожидание». И приготовилась наблюдать.

Дело в том, что один плюс в ее положении все-таки был. Она нашла среди припаркованных машин серебристый джип «тойота лэндкрузер». И он такой на стоянке был

всего один, хотя и джипов, и «тойот», и машин цвета «металлик» хватало. А рядом притулилась черная «хонда», что подтверждало принадлежность обеих машин семье Колосовых. Лена и расположилась на скамейке так, чтобы автомобили находились у нее перед глазами. Правда, все это, конечно, могло оказаться совпадением, и тогда — бедная Лена! Она вспомнила, что с утра не успела позавтракать, а время уже приближалось к полудню. Как это она не догадалась купить себе что-нибудь поесть! Ходить взад-назад с книжкой и едой будет уж слишком нелепо.

И тут ей повезло. Лена решила, что она все-таки очень везучий сыщик.

Сначала поверх раскрытой книжки она увидела Колосова, вернее, его двойника, который быстро укатил на черной «хонде». А потом появилась его жена. Это точно была она, сомнений нет! Невысокая круглолицая женщина в очках, похожая на Ленину первую учительницу, вышла из дома с собакой, ну да, *тем самым* бассетхаундом, и трусцой убежала в сторону собачьей площадки. Через сорок минут они вернулись уже спокойным шагом, женщина подошла к *тому самому* джипу, открыла машину и что-то забрала из багажника.

Лена предусмотрительно заслонила книгой лицо, помня, что ей предстоит совершенно случайно познакомиться с хозяйкой резвого бассета в другом месте. Внутри у нее все пело от радости и гордости. Она выследила объект! Как жаль, что нельзя позвонить кому-то из девочек и похвастаться. В салоне сегодня и завтра санитарный день, травят мух, потому и выходные, а домашних телефонов она пока не знает.

Лена посидела еще чуть-чуть для конспирации, потом закрыла книжку, взглянула на часы, сердито тряхнула головой — на всякий случай, для скрытой камеры. И покинула двор «Дома под парусом». Первое задание выполнено.

Следующим шагом было приучить Чарлика к собачьей площадке. Лена занялась этим с утра в воскресенье, не подозревая, каких мучений это будет ей стоить. При виде других собак пудель начинал истерически лаять и жался к ее ногам. Как назло, на площадку приходили в основном крупные агрессивные собаки вроде овчарок, ротвейлеров и мастифов. При них Лена и сама не решалась отпустить Чарли, понимая, что выглядит глупо, прогуливая пса на поводке по площадке, специально отведенной для свободного бега и игр.

Время шло, Колосова с бассетом не появлялись, Чарли все так же дергался и боялся, оба они устали, изнервничались и проголодались. К тому же было очень жарко, и песик все чаще выразительно поглядывал на Лену, лихорадочно дыша и вывесив сухой розовый язык. Ей пришлось отойти, купить в палатке минеральную воду и поить Чарлика из ладони. Гуляющие вокруг собачники смотрели на нее как на ненормальную.

Спасение для пуделя пришло от дальней родственницы, малой абрикосовой самочки, которую сопровождал сонный толстяк в открытой красной майке с эмблемой пива «Карсберг». Чарли проникся доверием к этой добродушной красавице и покатился за ней маленьким черным клубочком. Лена подумала, что хорошо было бы под этим предлогом познакомиться с хозяином пуделихи и облегчить себе вхождение в сообщество здешней площадки. Вспомнив науку Карины, она приветливо улыбнулась пивному толстяку, но тот после пары стандартных вопросов о поле и возрасте собаки потерял интерес и к Чарлику, и к Лене, отошел в сторону и достал мобильник.

Ну и ладно. Лена с удовольствием наблюдала, как Чарли под руководством своей абрикосовой подруги потихоньку начинает участвовать в общих играх. Она гуляла с ним несколько часов, пока они вдвоем не допили всю воду. Защитница Чарли ушла домой, но он уже освоился и под конец позволил себе обляять ньюфаундленда. Огромный иссиня-черный

пес с царственной осанкой только глаз скосил в сторону наглой моськи и не удостоил ее даже рычанием.

Жена Колосова и ее бассет осчастливили площадку своим присутствием уже вечером, когда измученная Лена вывела Чарлика во второй раз. Видимо, утреннюю прогулку бассета они пропустили, а может, с ним гуляли в другом месте. Но вступить в контакт с объектом ей не удалось — народу на площадке было много, и хозяйка бассетхаунда по имени Фагот общалась со своими знакомыми собачниками.

— Я нашла ее, — возбужденно докладывала на следующий день Лена. — Я теперь каждый день буду ходить на ту площадку. Утром или вечером, смотря какая смена. Она привыкнет меня там видеть, и можно будет с ней заговорить.

— Какая она из себя? — спросила Любочка, открывая свою тетрадку. — Нет, про внешность не надо, ты ее видела, и достаточно. А какое впечатление она на тебя произвела? Как ведет себя? Как держится? Что-нибудь необычное ты заметила?

Карина за спиной Любочки улыбнулась и покачала головой. Ей не хотелось обидеть подругу, но удержаться от улыбки было трудно — с таким азартом маленькая парикмахерша вела свое расследование. Из всех девочек только Лена относилась к делу так же ответственно и не считала его забавной игрой, которой приятно разнообразить монотонные будни салона.

Лена и теперь с серьезным видом наморщила лоб, собираясь ответить на Любочкины вопросы как можно полнее.

— Впечатление — скорее положительное. Да, положительное. Очень милая женщина, такая улыбчивая, веселая. Держится открыто, на площадке у нее много знакомых. И ничего необычного, ты знаешь. Она кажется вполне спокойной и счастливой.

— Угу, — задумчиво пробормотала Любочка, записывая Ленины показания в тетрадь. — Спокойной и счастливой. Очень интересно.

Карина только вздохнула.

Лена была воодушевлена своим первым успехом и не сомневалась, что знакомство состоится без проблем. Но на следующий день ее ждала неудача.

С разрешения Марины Станиславовны она ушла с работы пораньше и долго караулила Колосову с Фаготом. Они пришли, когда на площадке никого больше не было, и Лена решила, что момент самый подходящий. Она спустила Чарли и бросила в сторону бассета заранее приготовленный мячик. Пудель радостно подхватил игру и помчался вскачь по площадке. Лена не спеша двинулась за ним, с удовлетворением отметив, что красавец Фагот тоже заинтересовался чужой игрушкой.

Но тут в калитку быстрыми и абсолютно неслышными шагами вошел человек без собаки. У него была пружинистая походка учителя физкультуры и какое-то пугающе пустое лицо. Мужчина был хорошо одет, но при взгляде на него почему-то вспоминались групповые

детдомовские фотографии с одинаковыми стриженными макушками, солдатские казармы, больничный запах хлорки и что-то еще казенное, равнодушное, жестокое. Лена почему-то испугалась и окликнула Чарлика. Мужчина бросил на нее быстрый взгляд, от которого она невольно содрогнулась, и решительно направился к женщине с бассетхаундом.

— ...Сегодня не получилось, — огорченно рассказывала потом Лена. — К ней какой-то мужик приходил, ужасно неприятный.

— Знакомый? — уточнила Любочка.

— Видимо, да, потому что она с ним довольно долго разговаривала.

— Имени не слышала? Потом уехал, ушел? — Любочка расспрашивала ее как заправский детектив.

— Ушел. Если машина и была, то где-то подальше. И говорили они совсем тихо.

— Тебе надо бы с фотоаппаратом ходить, — назидательно заметила Марина Станиславовна. — Щелкнула незаметно, и все фигуранты у нас под колпаком. Не догадалась?

— Да что она — Джеймс Бонд? — возмутилась Карина. — Как это «щелкнула незаметно» посреди улицы! Вы сами попробуйте.

— Или можно фоторобот по описанию составлять, — размышляла заведующая. — Но для этого надо специальный аппарат иметь и набор всяких глаз и носов... А еще в милиции работают художники, которые могут по свидетельским показаниям нарисовать портрет преступника.

— Художник есть, — вдруг произнесла Любочка. И добавила негромко, чтобы никто не слышал: — Вот только преступника пока нет.

Художником была ее дочь, семнадцатилетняя Настя.

Настя унаследовала от отца острый глаз, твердую руку и определенный художественный вкус. Но Стасовой фанатичной увлеченности искусством, как и демонстративной отрешенности от мира, в ней не было не капли. Выросшая в спартанских условиях, девочка у Любы оказалась вполне прагматичной и приспособленной к жизни. Она только что героически поступила в вуз с громким названием «Университет оформления и дизайна», причем на бесплатное отделение, и Любочка еще не отошла от экзаменационных волнений.

Настя рисовала прекрасно, но делать чистое искусство своей профессией не собиралась. Да и зачем — хороший дизайнер по интерьеру зарабатывает больше любого художника, при этом не надо пыжиться, доказывая свою оригинальность и гениальность. В глубине души Любочка считала, что Настя рисует лучше Стаса, потому что люди у нее выходили похожими, а пейзажи не навевали желания повеситься на ближайшей изображенной осине.

Все лето Настя готовилась и сдавала экзамены и теперь наслаждалась заслуженным отдыхом. Она никуда не поехала, а болталась в Москве с компанией приятелей — бывших одноклассников. Делать ей до начала занятий было абсолютно нечего, и все же Люба не была на сто процентов уверена в том, что дочь согласится ей помочь. Кроме способностей, ей достался от Стаса вздорный непредсказуемый характер. Фыркнет и отвернется или скажет какою-нибудь дерзость — вот и вся помощь.

Но предложение рисовать портреты по описанию Насте неожиданно польстило. Ей оно показалось таким неординарным профессиональным испытанием, что она даже не спросила мать, зачем это нужно. Впрочем, что там может быть у предков, наверняка отстой какой-нибудь.

Настя оказала салону честь своим визитом, проронила «Здрасьте», уселась за стол Карины, придирчиво оценила освещение, повернула по-своему все лампы и раскрыла

блокнот.

Вначале, когда они составляли портрет Колосова, все было очень бестолково: девочки говорили наперебой и разное — кто про глаза, кто про бородку. Настя кривилась, притворно затыкала уши, и Любочка боялась, что сейчас она вспылит и уйдет. Но дочь проявила чудеса терпения, и вдруг после бесконечных бровей и носов на чистом листе появилось лицо Вадима Григорьевича, такое знакомое, что салон разразился аплодисментами.

С его женой дело пошло быстрее, потому что говорила одна Лена, а она, будучи косметологом и визажистом, умела описывать внешность. Неизвестного собеседника она разглядела плохо, но и он в изображении Насти оказался довольно похожим. Что касается жены Колосова, то Насте даже удалось со слов Лены передать выражение ее лица — спокойное и приветливое. Так что внештатный художник детективного агентства «Золотая шпилька» отлично справился со своим первым заданием.

Настя, выслушав эту похвалу, удивленно взглянула на мать: про детективное агентство она слышала в первый раз.

— Неужели тебе не интересно, что ты рисовала? Хочешь, расскажем? — предложила Любочка. — Один наш клиент...

Она остановилась, потому что на лице Насти удивление сменилось недоверием, а затем скукой. Нет, ей неинтересно! В мире взрослых, в мире ее мамы для нее вообще нет ничего интересного.

— Ну ладно, иди, — сдалась Любочка, глотая обиду. — Спасибо тебе еще раз. Ты домой?

Настя помотала головой и покинула салон с видом королевы, уезжающей с благотворительного бала извозчиков.

— Не обращай внимания, это возраст, — сочувственно сказала Наташа. — Зато смотри, как рисует! Талант!

— Да, — тихо согласилась Любочка, разглядывая портреты. — Правда ведь похоже — да, Лена? Может, мне у вас в выходные погулять, познакомиться с этой дамочкой?

— Ой, заходи в гости! — обрадовалась Лена.

— Здравсьте! Эти выходные — Яблочный Спас, — возмутилась Наташа. — Забыла, что ли, подруга? Ты и Настю обещала взять.

А ведь она и правда забыла! Девчонки правы, из-за этого Колосова у нее в мозгах полный перекося. Яблочный Спас — это святое. Разумеется, все прогулки и слезки отменяются.

По давно заведенной традиции в конце лета Любочка ездила вместе с Наташей на дачу к ее родителям. У тех был огромный сад, в котором каждый год пропадали тонны яблок, смородины, малины, груш, слив и картошки. Наташа все лето тщетно призывала сотрудниц на спасение урожая, но ехать нужно было далеко, на границу Московской области. Откликнулась одна Любочка, и то ближе к осени.

Эту поездку подруги называли Яблочным Спасом, хотя она не обязательно приходилась на церковный праздник. То был день их отдыха и отдохновения, их самых душевных разговоров. Пожертвовать им нельзя было даже ради самого страшного преступления века. Тем более что в это лето Настя милостиво согласилась ехать с мамой спасать эти несчастные яблоки, груши и прочие утопающие фрукты. А Любочке в последнее время редко удавалось провести время с дочкой.

— В следующий раз. Ладно, Лен? — виновато сказала она.

Однако до Яблочного Спаса случилось еще много разных удивительных событий. И главное — Любочка встретила Вадима Григорьевича Колосова. Произошло это так, как происходят все главные вещи в жизни, — буднично и случайно.

В этот день Люба ходила постричь родственницу, сестру свекрови. У ее мужа было несчетное количество теток, в основном престарелых и бездетных, которых необходимо было время от времени навещать и подкармливать. Папа, в общем, всегда был готов к подвигу, но он так уматывался в своем автобусе, что эта обязанность постепенно легла на плечи жены, тем более что от ее посещений была и практическая польза.

Заранее составив расписание, Любочка заезжала ко всем теткам по очереди, наполняла их холодильники какой-нибудь непрехотливой, но приличной едой, купленной в ближайшем супермаркете, куда старушки суеверно боялись заходить, и с улыбкой принимала упреки в ненужном транжирстве. Потом пила с ними жидкий чай из плохо вымытых чашек, жевала отсыревшие пресные вафли, выслушивала сетования на ревматизм и головные боли. А в конце визита как бы невзначай предлагала хозяйке подправить прическу, благо у нее как раз с собой парикмахерские принадлежности.

Щепетильные тетушки для виду отнекивались, но неизменно уступали. Любочка делала им модельные стрижки, которым позавидовала бы Маргарет Тэтчер, отмахивалась от благодарностей и убегала, сославшись на дела. Ее эти посещения не тяготили. В Пашиной семье было принято заботиться о старшем поколении, невзирая на степень родства. Кроме того, Любочке просто нравились тетки, такие веселые и добродушные поодиночке и невыносимо склочные, стоило им собраться вместе.

Василиса Трофимовна, или тетя Вася, жившая одна в бывшей двухкомнатной коммуналке на Серпуховском валу, была ее любимицей. У тети Васи в Долгопрудном жили сын и две внучки, а потому Любины визиты на Серпуховку нельзя было истолковать как попытку заполучить в наследство квартиру в центре города. В глубине души Люба с Пашей, конечно, лелеяли такие планы по поводу родственников, но к Василисе Трофимовне они не относились. У нее в гостях Любочка не испытывала чувства неловкости, которое иногда возникало при посещении других тетушек, когда посреди чаепития она вдруг ловила на себе недоверчивый взгляд, вопрошавший: а не смерти ли моей ты, девушка, ждешь?

В прекрасном настроении от чувства исполненного долга Любочка вышла из подъезда, размахивая чемоданчиком-несессером с портативным парикмахерским набором. А Вадим Колосов собственной персоной шагал ей навстречу по двору, погруженный в себя, как человек, который привычной дорогой идет к себе домой. Он бы, конечно, не заметил ее или сделал вид, что не замечает, тем более что на нем были непроницаемые темные очки. Но Любочка этого допустить не могла. Охнув от неожиданности, она тут же бросилась ему наперерез:

— Вадим Григорьевич, это вы? Здравствуйте. Как хорошо, что я вас встретила! Я хотела сказать, как интересно! А вы разве здесь живете?

Она улыбалась неотразимой улыбкой Джульетты Мазины и смотрела на него снизу вверх, стараясь заглянуть как можно выше. Но Любочка была маленькой, и разглядеть волосы возвышающегося над ней мужчины у нее не получалось. Однако бороду она видела хорошо. Судя по бороде, Колосов был настоящий.

Вадим Григорьевич отреагировал не сразу. У него ушло некоторое время на то, чтобы сообразить, чего от него хотят и кто эта женщина. Потом он узнал ее, заметил слишком

пристальный и даже несколько испуганный взгляд и понял, где прокололся.

«Гроза омыла Москву, и сладостен стал воздух, и жить захотелось...» Только счастливый человек мог написать такие слова. Три месяца назад прогремела такая же гроза, и воздух после нее остался напоен горечью молодых почек. Чистая литературщина, однако. Отчего вдруг почки горькие? Кто их ел?..

В тот день горькой казалась ему жизнь, когда сквозь омытые грозой окна он смотрел на неоперившийся сад вокруг клиники и повторял про себя только что услышанные слова. Нет, к сожалению, невозможно, и никакой надежды. Что же чувствуют люди, когда такое «нет» подписывает им смертный приговор? Яду мне, яду!..

Врачебное «нет» не грозило ему смертью, немощью, уродством. Но в тот момент это слабо утешало. Мерзкое, унижительное для мужчины чувство растерянности. Что дальше? Как прийти домой и сказать Алине это «нет»? Если промолчать, она все равно догадается, она ведь ждет ответа. Можно, конечно, соврать, сделать это вдохновенно и убедительно, почти поверив самому себе. Он врал жене всю жизнь, и временами довольно удачно. Но что делать дальше?

В таком отчаянии он пребывал три месяца назад. А сегодня он счастлив ослепительно, бесстыдно, непозволительно. И воздух после грозы сладок, как запах карамели в московских переулках, как Танины губы, как ямочка над ее ключицей. И самое нелепое в этом счастье, что он снова не знает, как жить дальше.

Он влюблен как старшеклассник — он, пожилой тертый мужик, который знает о женщинах все, что о них только можно знать. Через его руки и прочие места их прошло несчитано — он никогда не опускался до подсчетов. В золотые годы молодости он был чемпионом в этом трудоемком виде спорта, ставил рекорды и по качеству, и по количеству. Студентки, профессорши, актрисы, стюардессы, даже одна женщина-без-пяти-минут-космонавт, даже одна чернокожая мусульманка. Быстрее, выше, сильнее, и никогда не останавливаться на достигнутом — вот каков был его девиз. Ни одной женщине не удавалось привязать его долее чем на пару месяцев. Алина не в счет — она его не привязала, а повязала, и совсем другим способом.

А сейчас он так переполнен любовью и нежностью, что она лезет у него из ушей, дрожит в кончиках пальцев, рвется торжествующим криком из горла. Эта глупая любовь ломает все его планы, ставит под угрозу самую жизнь — а он все равно захлебывается счастьем. Что же с ним происходит? Верно, старость пришла. Седина в бороду, как говорит народ, бес в ребро. Непонятно, ребро-то тут при чем?

Тогда в клинике горький вопрос «что дальше?» запустил в нем какой-то рабочий механизм, и он машинально полез за органайзером — проверить, не назначены ли на сегодня еще какие-то дела, о которых он начисто забыл. Дел, по счастью, не было, но органайзер выдал напоминание: поздравить племянника с днем рождения. У кого-то же рождаются дети, грустно подумал он, вспомнив горластую семейку брата. Можно сказать, только и делают, что рождаются. Брательнику в Петрозаводске больше нечем заняться, как только делать детей. Зарплаты инженера каким-то фантастическим образом хватает на еду, а деньги на одежду и прочее необходимое для жизни брат регулярно высылает из Москвы в виде именинных подарков. В этом и смысл записи в органайзере: не забудь подкормить родню. Так странно распоряжается судьба — у одних нет денег, у других — детей...

...Мысль, которая зарождалась в нем в эти минуты смутно и тяжело, как грипп, становилась все явственнее, все отчетливее, пока он спускался по лестнице, стоял в раздумье около машины, вертя в руках ключи, потом долго сидел в машине, к бурному негодованию дамы, ожидавшей, что он вот-вот съедет с козырного парковочного места. У одних нет денег, у других нет детей. Дремучая несправедливость. По справедливости должно быть, чтобы у всех было и то, и другое. Все поделить, как сказал бы уважаемый Шариков. Судьба делить не захотела. Так, может, поставим судьбу на место? Поделим сами?

Он отвернулся от возмущенной дамы в круглом, похожем на клопа вишневом «ситроене», достал трубку и нашел телефон петрозаводского брата. С именинником!

Он познакомился с Алиной, когда читал спецкурс по мистике Булгакова на филфаке университета. Круглолицая пятикурсница в очках показалась ему вначале заурядной провинциалкой, из тех, что составляют законную добычу обаятельных научных руководителей. Она держалась скромно, влюбленно смотрела ему в рот, ничто не предвещало подвоха, и он привычно бросился на штурм, даже не подозревая, что впереди ждут засада, разгром и позорный плен.

Он только охнул, когда узнал, чья она дочь, но было уже поздно. Дело, конечно, не в постели, что там, мы же современные люди. Дело было в другом. Алина любила его и расставаться с ним не собиралась, о чем в надлежащее время была оповещена семья, а потом уже и сам виновник переполоха. Да, именно так — о ее планах на их совместное счастливое будущее Колосов узнал последним. И то — куда ты, к шутам, денешься, парень, из подводной лодки?

«Раздавят, в порошок сотрут, — паниковал он, — ведь не для седеющего литературоведа готовил папочка свое чадо, а мне уже поздно становиться топ-менеджером, директором банка или, не приведи господи, депутатом Думы. Эх, Алина, ну зачем я тебе нужен, тем более сторевший в собственной „девятке“ или закатанный в бетон...»

Неожиданно обошлось. Алина разобралась со своим семейством сама, без его участия. Но жениться пришлось, что на первый взгляд казалось самым щадящим вариантом, а на второй — просто везением, которое он смог оценить лишь позже. Тесть с тещей не досаждали им чрезмерным вниманием, если не считать уютной квартирки в экологически чистом районе (Алина не любила центр), новой машины (подарок зятю на свадьбу), карманных денег на путешествия и прочих приятных мелочей, украшающих жизнь.

Так Вадим Колосов из заурядного филолога, более известного в научной среде своими похождениями, чем литературоведческими трудами, превратился в преуспевающего рантье. Правда, у него не было капитала как такового, с которого рантье полагалось стричь проценты. Капиталом был сам тесть, толстый потливый человек, входящий в десятку первых богачей нашего отечества. Ну, может быть, в двадцатку. Колосов не страдал тщеславием. Главное, проценты от тестя капали исправно.

Он бросил преподавание, закончил наконец монографию о Булгакове и кропал в свое удовольствие статьи, публикуя их в небогатых, но очень уважаемых изданиях. Впервые в жизни он наслаждался главным достоинством денег — возможностью о них не думать.

Алина оказалась хорошей женой — внимательной и неназойливой, не зря ее растили

чуть ли не для морганатического брака. Они прожили вместе два с половиной года. Он успешно скрывал свои легкие романы, подозревая, что она догадывается кое о чем, но мудро молчит. Все шло так гладко, что его то и дело тянуло сплюнуть три раза прямо на дубовый паркет их новой квартиры. И вдруг в добротной ткани семейной жизни обнаружилась опасная прореха, и возникла она не из-за ревности жены и не по причине неверности мужа.

У них не было детей, а Алина очень хотела ребенка. Откуда, «из какого сора» при ее снобистском воспитании проклюнулись материнские инстинкты, для Колосова оставалось загадкой. Но тема деторождения постепенно стала в их жизни сначала доминирующей, потом тревожной, потом проклятой.

Алина даже дом выбирала не просто в зеленой зоне, а возле большого парка, усеянного детскими площадками, и рядом с престижной частной школой. В коляски проходящих мамаш она не заглядывала — культура не позволяла. Но перед витринами с детскими одежками застывала в мечтательной грусти, хотя к бабским шмоткам была довольно равнодушна — одевалась соответственно своему статусу, и только. Иногда, не удержавшись, она даже покупала какую-нибудь шарлатанскую брошюру о развитии музыкальных способностей у новорожденных или об обучении японскому языку во внутриутробном состоянии.

Нет, поначалу это не казалось ему серьезной проблемой. Вначале она слишком любила его, чтобы по-настоящему страдать от бесплодия их брака. А потом разлюбила. Произошло это стремительно и неотвратно, как будто с шипением сдулся шарик.

Их отношения не испортились, но как-то заостенели. Все чаще он встречал ее разочарованный и словно бы удивленный взгляд. Казалось, она спрашивает себя, что делает в ее доме, в ее постели этот чужой, неискренний мужик с его натужными шутками и картинной проседью в бороде. Он замирал от страха, предчувствуя, что рано или поздно она задаст этот вопрос вслух и это будет равнозначно приглашению катиться на все четыре стороны.

Катиться? Он не любил Алину, но с годами пристрастился к комфорту, безделью и дорогим вещам. Нет, катиться ему не хотелось, да и некуда было — в своей профессиональной среде он давно числился таким Обломовым от литературы, богатым барином, от скуки пробавляющимся филологическими безделками. Спасти его от нищеты, а их семью от развала мог только ребенок. С отцом своих детей Алина не рассталась бы никогда, гарантированно, она прочла слишком много книжек о важности полной семьи для формирования детской психики.

После очередных слез он согласился обратиться к врачам. Они прошли обследование и выяснили, что у Алины вроде бы все в порядке, а вот у него есть проблемы. Степень сложности этих проблем должны были показать более серьезные анализы. И показали, о чем ему сообщили в запредельно дорогой клинике под аккомпанемент майской грозы. Бывают случаи, когда медицина бессильна, с постным видом вещал гладко выбритый веснушчатый врач с белесыми ресницами. Он с детства ненавидел врачей, ненавидел медицину, самую равнодушную и бесчеловечную из всех наук.

Алине он сказал, что шанс есть, надо только пройти курс лечения в закрытой клинике в Вене. Взял солидную сумму, без колебаний выделенную тестем на продолжение рода, и вылетел в Петрозаводск.

Вадим и Кирилл были близнецами, но выросли порознь. Когда умер отец, незамужняя

тетка поняла, что матери не вытянуть двоих, и взяла на воспитание одного из мальчишек. Почему мама не рассказала Вадиму про брата — бог весть, кто поймет это поколение! Позже, познакомившись со Степаном Алексеевичем, она до смерти боялась, что он не возьмет ее с ребенком, а уж о двух и говорить нечего. Степан оказался нормальным мужиком и вырастил Вадика как родного сына, не подозревая, что сыновей могло быть двое. Время шло, тайна оставалась тайной, и мама чем дальше, тем больше боялась ее открыть.

До шестнадцати лет Вадим не знал, что в Петрозаводске у него есть брат-близнец. Когда мать призналась в этом разом и сыну и мужу, Степан Алексеевич рассердился, назвал ее дурой, рывкнул, стукнул кулаком по столу. Мать заплакала, уронив голову на руки, отчим стал извиняться, гладил ее по спине. Вадик из вежливости постоял возле них некоторое время и ушел делать уроки. На него новость не произвела особого впечатления — он догадывался, что у матери есть какие-то секреты. Тайны, умалчивания, недоговорки казались ему неотъемлемой частью семейной жизни, необходимой для того, чтобы сохранить свою индивидуальность на тесном пяточке ежедневного общения.

Летом родители отменили поездку на курорт, и они всей семьей отправились в Петрозаводск.

Знакомство прошло без эксцессов. Флегматичный Кира с детства знал, что его мама живет где-то в Москве со своей семьей, и принимал эту ситуацию как должное. К матери он отнесся с почтением и даже почти без любопытства, видно было, что с теткой ему хорошо и вообще петрозаводская жизнь вполне его устраивает. Мама не обиделась, даже рада была, что все обошлось.

Степан настаивал, что парня надо забрать, однако тетя Валя встала грудью, защищая не родное, но выкормленное и выстраданное дитя. Возвращались они, как и приехали, втроем, и Вадим испытал чувство огромного облегчения, когда поезд тронулся и машущая тетя Валя с Кириллом отстали от вагона. До последнего момента он боялся, что мама не выдержит и возьмет Киру с собой. Про себя Вадим решил, что тогда уйдет из дома, поступит в ПТУ и поселится в общежитии. Нельзя сказать, что он относился к новоявленному братцу плохо — он никак к нему не относился. Но его возможное присоединение к семье было явно лишним и совершенно неприемлемым.

Вадим и Кирилл оказались очень похожими внешне, но совершенно разными по характеру, и дружбы между ними не получилось, о чем втихомолку жалели обе матери — родная и приемная. Они так и выросли, оставаясь чужими. Их сблизила только мамина смерть. Тетя Валя умерла годом раньше, и они оба вдруг почувствовали потребность держаться друг за друга, сохраняя некое подобие семейной общности, которой так дорожило старшее поколение. Тогда Вадим и начал посылать Кириллу деньги на содержание детей. Но до женитьбы на Алине «пособия», как шутили братья, носили скорее символический характер.

Вадиму не были в тягость эти подарки. Он не считал себя жмотом, любил тратить деньги, все равно на что — на себя ли, на других, просто выбрасывать на ветер. Ему нравилось держать в руках толстую пачку наличных — не считая, извлекать из нее несколько приятно шершавых бумажек — достаточно? может, еще? Сама процедура оплаты с виртуозным выкладыванием на стол или прилавок разных купюр напоминала карточную игру, когда ты заранее уверен в выигрыше, потому что все козыри у тебя на руках. Дорожа этим ощущением, Вадим не любил и не использовал бездушные кредитные карты и легкомысленные листочки чеков.

С любовницами он был умеренно щедр, стараясь не разбудить их алчность, дабы не превратиться в дойную корову. В общем, и с братом отношения строились по той же схеме.

Уже много лет они не виделись — Кирилл не мог себе позволить такую роскошь, как билет до Москвы, а Вадиму нечего было ловить в Петрозаводске. Но мечта о предстоящей поездке в столицу к доброму и богатому дяде Ваде долгие годы витала в доме Кирилла, распаляя воображение юных племянников. И вдруг дядя Вадя приехал сам.

— Ты охренел, Вадик.

В оригинале фраза Кирилла звучала более резко, и он добавил несколько соответствующих эпитетов. Кира вообще-то ругался редко, практически никогда, но тут он сам «охренел» от услышанного. Он даже привстал и подозрительно огляделся по сторонам, хотя вокруг не было ни души. Они были один на один в звенящей туче комаров на берегу Онежского озера — два рыбака, тоскливо таращившихся на свои поплавки. По официальной версии Вадим приехал к брату отдыхать от суеты мегаполиса и восстанавливать больные нервы. А разве есть отдых лучше утренней рыбалки, будь она неладна!

Озеро подступало к ногам, идеально ровное и неподвижное, отражение холодного неба лежало на бурой воде тонкой белой пленкой. Все вместе походило на гигантскую чашку остывшего кофе с молоком. Вадим был глубоко равнодушен к суровой красоте северной природы. От пришедшего на ум сравнения ему вдруг отчаянно захотелось настоящего кофе, горячего, терпкого, который пьешь где-нибудь в солнечной Вене за столиком открытого кафе, покуривая и любуясь празднично яркими цветами на аккуратных клумбах. Почему он, в самом деле, не поехал туда лечиться?

Потому что нет никакого лечения, безжалостно напомнил ему внутренний голос. Ты сам его придумал, чтобы смотаться в Петрозаводск и проверить свои дела. Тебя не вылечат ни в Вене, ни на Ривьере. Единственный твой шанс — этот недоумок, который не хочет ничего понимать и слушать.

Родной брат, с ума сойти. Не просто родной — дубликат, точная копия! Тот же набор хромосом, те же руки, волосы, складки у рта. Но на внешнем сходстве все и кончается. Где вы, законы наследственности? Где описанное в литературе единство помыслов и устремлений, где родство душ и общность привычек? Ни в одном глазу! Вы за это ответите, господин Мендель. Не зря строители коммунизма объявляли генетику лженаукой, ох, не зря.

Родной брат и дубликат между тем скуривал пятую сигарету Вадимова «Данхилла» и возмущенно бухтел:

— Вадик, ты охренел. Я понимаю, что это трендеж, что ты не всерьез. Но как тебе вообще такое могло в голову прийти? Развлекаешься? С жиру бесишься?

Вадим решил сменить тон с дружеского на резкий и категоричный. Пусть братец Кролик вспомнит, где его кроличья нора и на чьи деньги он живет со всем своим семейством. С жиру, говоришь? Правильно, потому что жиру у меня более чем достаточно, даже с тобой делюсь — не забыл?

— Ага, еще как бешусь, — сказал он вслух. — Кстати, насчет жира ты правильно заметил — надо тебе немного нагулять жирку, — смотри, насколько я солиднее. Или ладно, спишем на побочный эффект от лечения.

— Слушай, заткнись! — сквозь зубы сказал Кирилл.

У него клюнуло. Он подсек, но опоздал. Крючок с обрывком обглоданного червяка блеснул в неожиданно прорвавшемся луче тусклого карельского солнца. Кирилл снова выругался, поймал крючок, насадил нового червя и забросил удочку. В ведре болтались две жалкие рыбешки — явно неубедительный результат хорошего мужского расслабона, которым должна была стать их поездка на озеро с рыболовными снастями.

Поплавки Вадима уже давно и многозначительно дергались, но ему было плевать на

всю рыбу Онежского озера вместе взятую.

— Кира, заткнись ты, и слушай тоже ты. Это не трендеж, я говорю с тобой серьезно. Иначе зачем бы я перся к тебе в твой Мухосранск и кормил тут комаров. Ты выполнишь мою просьбу и получишь пятьдесят кусков. Тысяч! Баксов! Зеленых! Это укладывается в твоей инженерской башке? Десять сейчас, чтобы оставить твоим на жизнь. Остальные после. Плюс текущие расходы. Это стоимость моего лечения. И столько же платят за суррогатное материнство. По-моему, справедливо.

— И за эти зеленые баксы я должен спать с твоей женой?

— Именно.

— Бред. Ты начитался детективов. Или, наоборот, не читал, иначе бы знал, что преступников всегда ловят.

— А мы не преступники, Кир. Мы что, убиваем кого-то? Мы просто помогаем друг другу решать наши семейные проблемы. Я помогаю тебе деньгами, ты мне — семенным фондом. Никому от этого плохо не будет.

— Никому? А Светке? А твоей Алине?

Он вступил в дискуссию — это уже хорошо. Как с бандитами, захватившими заложников: главное — начать переговоры.

— Алине главное — ребенок, и она никогда ни о чем не узнает. Светка тоже. Что — у тебя других баб не бывало? Ты же не боялся сделать ей «плохо»!

— Но как ты себе это представляешь? Я приезжаю в Москву, беру твои документы, поселяюсь у тебя в квартире, ношу твои трусы, а вечером ложусь в твою постель...

(А он не такой дурак, каким прикидывается. И воображение работает. Еще немного, и получится додавить его до конца.)

— Именно так, сообразительный ты мой! Ты ложишься в мою постель, достаешь свой аппарат и засаживаешь моей жене. И одаряешь ее своей плодовой спермой. За это днем ты едешь на моей тачке, жрешь из моего холодильника такую хавку, о которой даже в журналах не читал, и тратишь мои бабки, как хочешь. А потом еще получаешь гонорар. Трусы я куплю тебе новые, так и быть. И если тебя со всего этого счастья так уж воротит, ты напряжешься и сделаешь Алине ребенка как можно скорее.

— Она сразу поймет, что это не ты.

— Если не проколешься, то не поймет. Каким образом? Моих родинок она не знает, у нее слишком тонкая натура, чтобы обращать внимание на такие пустяки. Для гарантии будешь это проделывать в темноте, скажешь — доктор прописал.

— Но я же трахаюсь не так, как ты!

— Брось, это в журналах для девочек придумано, что все женщины разные, все мужчины разные и каждый трахается по-своему. На самом деле и у цветов, и у бабочек все одно и то же. А уж о людях и говорить нечего. Кино посмотри — все эротические сцены похожи, как близнецы. А что до разности... Человек сегодня один, а завтра другой. Промежность джинсами натер или порнуху посмотрел — вот и разный. А главное — вали на лечение. Объясняй, что тебя все научили делать по науке, чтоб дети качественные получались.

— А привычки? Кашель, чихание, сморкание, храп? Тоже результат лечения? Или скажешь, у всех одно и то же?

(Отлично! Мы уже выстраиваем стратегию будущей операции.)

— Кирилл, ну придумай что-нибудь, прояви солдатскую смекалку. У нас с ней

раздельные спальни. Будешь храпеть и сморкаться так, чтоб она не видела. Главное, она не подозревает, что у меня есть брат, так что ничего такого ей и в голову не придет.

— А почему, кстати, она не подозревает?

— А потому, *кстати*, что вряд ли ее папаша давал бы деньги на твоих спиногрызов так же охотно, как на мои карманные расходы. И *кстати*, если ты сейчас откажешься, с материальной помощью будет покончено. Раз и навсегда. А если сделаешь... Кира, ты меня спасешь от позора и разорения. Ты не представляешь, что это для меня значит.

Вадим так и не понял, что больше подействовало на брата — угрозы или сцена из мыльного сериала, которую он изобразил под занавес.

Кирилл не собирался никуда ехать, а тем более играть в эту Вадькину комедию с переодеванием. Во-первых, опасно, во-вторых, глупо, в-третьих...

В-третьих, ну зачем ему это все? Москва! Да что он там не видел! Перебираться в чужой город, спать на новом месте, жить с незнакомой женщиной и притворяться, что ты тут свой? От всего этого можно если не свихнуться, то невроз заработать точно. Ему ведь не двадцать лет, когда человек состоит из примитивных инстинктов и ему все равно, что есть, где спать, с кем пить, кого трахать и так далее. С возрастом привыкаешь к комфорту, а комфорт — это твои привычки, это твой старый диван, шлепанцы, домашние штаны с пузырями на коленках, пиво по субботам. Традиции, вот как это называется. Жизнь стоит на традициях. Отними у человека его шлепанцы и традиции — и жизнь разбита.

Ну да, деньги. Баксы. Зеленые. Пятьдесят кусков, черт бы их побрал. Но не всё ведь можно купить за деньги. Он небогатый человек, но никому пока еще не продавался, потому, наверное, и беден. Да, подарки принимал, но ведь от родного брата! А теперь брат думает, что за свои несчастные подачки может вертеть Кириллом как угодно. Так вот — нет! Он не хочет, не согласен и вообще не будет обсуждать этот бред.

Все эти правильные и разумные вещи Кирилл говорил себе, энергично вытаскивая одну рыбу за другой — наконец-то пошел клев! — меняя червяков, чертыхаясь и уже почти не слушая Вадима. Вернее, ему казалось, что он не слушал. К концу удачной рыбачки оказалось, что он не только слушал, но и отвечал, и поддакивал, а в итоге неожиданно так повернулось, что согласился. Вадим достал из широких штанин толстую пачку денег — и правда баксы, зеленые, ну и ну! — и Кирилл понял, что сделка заключена. Вот это влип!

В тот же день они объявили изумленной Светке, что Вадим организовал Кириллу в Москве очень выгодный контракт в хорошей фирме, выдали ей «аванс» и стали готовиться к отъезду в столицу. На самом деле сперва путь их лежал в славный город Санкт-Петербург, где планировалось разработать всю операцию в деталях. Вадим выбрал Питер потому, что тот находился примерно на одинаковом расстоянии от Москвы и Петрозаводска, и потому, что их обоих там никто не знал. Кроме того, град Петра имел более или менее столичные размеры и размах, что было необходимо для тренировки неотесанного брата на местности.

Светка Колосова, конечно, понимала, что выгодные контракты бывают только в мышеловке. Но молчала. Во-первых, десять штук баксов пришлась в хозяйстве очень кстати. Во-вторых, были и другие причины, о которых она никому не могла рассказать.

Люди никогда ничего не замечают. Ни-ког-да! Он знал это наверняка. Сказки о всевидящих старушках-соседках придуманы авторами детективов, чтобы окоротить потенциальных преступников. Раньше церковь пугала: не воруй, Боженька на небе все

видит! Потом коммунисты страшали: ЧК не дремлет, Старший Брат думает о тебе! Теперь осталось только недреманное око самого народа: тихо — люди слышат, кто-то узнает!

Ничего-то эти люди не слышат и не узнают. И соседки, и старушки не видят дальше собственного носа и опознают окружающих по знакомым деталям. Стоит убрать эти детали, как ты станешь неузнаваем.

Отчим любил со смехом рассказывать, как они с мамой вернулись с курорта, где он сломал ногу, а мать покрасила волосы. В тот же день во дворе, где они прожили два года, соседи спрашивали бабушку, что это за пара поселилась — он с костылем, она рыжая?

Сам он обнаружил, что его никто не узнаёт, когда вернулся из стройотряда обросший, с густой черной бородой. Потом на факультете началась «военка», он постригся, сбрил бороду и тут же услышал у подъезда: «Здорово, Вадим! Ты когда приехал?»

А вот обратный пример. У них на курсе учились две лесбиянки. Одна, страшенькая и мелкая блондинка мышинной масти, была фанатично влюблена в другую, тоже страшенькую, но брюнетку, высокую, с пышной фигурой. Так малявка умудрялась сдавать половину экзаменов и за себя, и за свою возлюбленную одним и тем же преподавателям, меняя прическу, макияж и «корочку» с фотографией на зачетке.

О хваленой женской наблюдательности лучше вообще молчать. В дни шальной юности Вадим не раз знакомился на улице с девушками, а на следующее свидание посылал приятеля, примерно подходящего по росту и масти, экипировав его своим шарфом или «той самой» рубашкой. И кроме неуверенного: «А ты что, постригся?», никаких вопросов не возникало.

И не возникнет. Три недели в Питере он снабжал Кирилла подробными сведениями, главным образом технического характера: расположение комнат, местонахождение вещей, распорядок дня. Ближайшие магазины и киоски. Имена немногих знакомых соседей и их собак. Цвет полотенец и халатов (фраза: «Дорогая, а где моя терракотовая пижама?») звучит убедительнее воспоминаний о медовом месяце).

Знаковых деталей оказалось не так уж много: фактически, они с Алиной жили автономно друг от друга. Гостей у них не бывало, со своими подругами жена встречалась на нейтральной территории. Если вообще были подруги. Вадим не мог припомнить ни одной, кроме приятельниц студенческой поры, ушедших в небытие после замужества. Жена была не ревнива, но предусмотрительна.

Она не любила компаний, работала, как и он, дома, составляя антологии, реферируя диссертации и научные статьи. Целыми днями они могли сидеть каждый в своей комнате за компьютерами, не говоря друг другу и двух слов. Обедать предпочитали в ресторанах (чаще порознь) либо покупали дорогие полуфабрикаты. (Nota bene: любимые блюда и напитки.) Иногда ходили в театр или на концерт (любимые актеры и исполнители). Телевизор тоже у каждого был свой. И в комнаты друг к другу они не входили без стука — просто сон Веры Павловны!..

Кира всего-навсего должен сохранять этот принцип равноудаленности. Любые контакты, кроме секса, сводятся к минимуму. Алина к этому давно привыкла, они живут так годами.

Ну, постель, конечно, да. Тут Кириллу придется импровизировать. Вадим пытался подбить брата на любовь втроем с какой-нибудь питерской путаной — исключительно в познавательных целях, — но тот отказался наотрез. Пусть сам выкручивается. Не обращая внимания на дремучую стыдливость провинциала, Вадим все же сообщил ему некоторые интимные подробности физиологии и анатомии своей жены. Кирилл перекинулся и

посмотрел на брата с плохо скрываемой брезгливостью, на что Вадим невозмутимо заметил: «Я тебе диктую правила пользования, а дальше твое дело». Воспоминание о теле и запахе Алины неожиданно взволновало его, он оставил брата в гостинице и отправился на поиски продажной любви один.

«На кухне — кухарка, в гостиной — герцогиня...» С этим у Алины все было в порядке, а вот спальня требовала корректировки.

Они впервые стали близки у Вадима дома, на вторую неделю знакомства. К его удивлению, он был у этой тихони не первым. Она никогда не рассказывала о его предшественнике (предшественниках?), в постели вела себя зажатое, как будто ждала подвоха, и Вадим потратил немало сил, чтобы превратить эту «гордость и предубеждение» в нормальную женщину. Впрочем, ее сдержанность даже нравилась ему, пробуждая мужской азарт — завести, растормошить! Он до сих пор хотел ее при случае, но это ничего не меняло. Он не ревновал ее к своему дублеру. Она вообще не вызывала у него сильных эмоций. Точно так же он любил хорошее вино, не становясь алкоголиком. Их размеренная, как зарядка, сексуальная жизнь оставалась ниточкой, связывавшей двух чужих друг другу людей.

У Алины — он был уверен — за годы их брака не было других мужчин. Не потому, что она так честна и порядочна и считает нужным хранить ему верность. Ей это просто не интересно. Его стараниями она оценила прелести секса, но ей вполне хватает редких супружеских отношений. В остальном она полностью самодостаточна, и интрига, составляющая корень «интрижки», ей совершенно чужда. Он мог только развеселиться, пытаясь представить себе невозмутимую Алину бегущей на свидание, с восторгом и трепетом входящей в чужую квартиру, виснувшей на чужом мужике... Смех и грех. И никакой ревности. Ревновать можно свое, а Алина всегда была ему чужой.

Тем временем подготовка к смене пары шла полным ходом. Кирилл отпустил такую же маленькую бородку, постригся «под брата». В модных бутиках осваивал науку *от кутюр*. Водил взятую напрокат «хонду». Играл в боулинг. Зубрил названия московских ресторанов, торговых центров, супермаркетов. В номере, матюкаясь, учился открывать устриц и есть суси палочками. С отвращением посетил маникюрный кабинет — до сих пор он стриг себе ногти в ванной канцелярскими ножницами.

Из каких же удивительных и важных мелочей состоит человеческая жизнь! Вадиму порой казалось, что он снимает фильм о самом себе, работая одновременно и режиссером, и сценаристом, и костюмером, и гримером, и декоратором. Герой фильма ему нравился, он открывал в нем новые, доселе неизвестные, но симпатичные черты.

Но все, конечно, учесть невозможно. Даже самые гениальные комбинаторы всегда горят на второстепенной ерунде.

Кирилла плохо постригли в Питере. Вадим почему-то поленился пойти с ним в парикмахерскую, а этот лох не смог толком объяснить мастеру, что от него требуется. Да и борода отрастала не по плану. Поэтому было решено представить Алине версию про бестолковых австрийских цирюльников, а Кире выдана наводка на салон у метро и словоохотливую парикмахершу Любочку, которая все знает и все сделает как надо.

Вот тут Вадим и лопухнулся. Но кто мог знать!..

Есть просто внимание, оно гроша ломаного не стоит, и есть внимание профессионала. Ведь он же отличит стиль Булгакова от самого умелого подражания. Наверняка мастер-куафер такого же уровня — а Люба мастер, — может обнаружить невидимое простым смертным различие в волосах двух людей. Значит, Кира пришел к ней стричься, а она заметила это различие и поняла, что в ее кресле сидит другой человек. Интересно, что она сделала с этим открытием? Побежала в милицию? Рассказала подружкам? А теперь она встретила его — случайно или намеренно? — и придирчиво изучает его волосы.

А может, он мнительный перестраховщик и все придумал? Пожалуй, лучше провести разведку боем.

— Люба, Люба, — он улыбнулся ей в ответ самой обезоруживающей своей улыбкой. — От женщин ничего не укроется. Я вижу, вы все знаете. Я угадал?

Если он ошибся и она удивленно раскроет глаза, то он наплетет что-нибудь о пробах на роль честного прокурора в новом сериале. Непонятно откуда, но все знакомые в курсе и бросаются с расспросами. Вам ведь это интересно?..

Но он не ошибся. Любочка раскололась сразу:

— Вадим Григорьич, я знаю, только я ничего не понимаю. Кто этот человек — вместо вас?

— А я вам сейчас объясню. У вас найдется минутка времени? Или, скажем, сорок минуток? Тут есть одна маленькая кафешка...

— Ну что вы, Вадим Григорьич, честное слово! Зачем кафешка? Можем и здесь поговорить. Вон скамейка.

(Еще не хватало, на виду у всего двора!)

— Ах, Любаша, как давно я не сидел с девушками на скамейках! Наверное, с прошлого века. Нет, уже с позапрошлого. Прошлый-то век рукой подать. Теперь все как-то по кабакам... Давайте-ка лучше в кафешку, мне так привычнее. Не стесняйтесь. Я угощу вас потрясающим кофе и не менее потрясающей историей. Разумеется, при условии полной конфиденциальности.

— А? — не поняла Любочка.

— По секрету, моя дорогая. Вы умеете хранить секреты?

А как же, все девочки это умеют.

Ну что ж, кое-какими секретами он поделится, делиться — это его стиль. Но есть вещи, которые маленькой парикмахерше знать совсем не обязательно. И уж конечно, он ничего не расскажет о Тане.

Наша Таня громко плачет!.. Такой он увидел ее впервые — орущим младенцем на руках у измученной женщины в застиранном халате. Одно из последних воспоминаний о коммуналке, где они жили с матерью и примкнувшим к ним Степаном Алексеевичем до Вадимова десятого класса. Из одной комнаты, перегородженной гипсовой стеной, получились две, достаточно большие, но узкие и заскорузлые, как сапожное голенище. Стол Вадика стоял у самого окна, которое выходило в мрачный и вечно сырой двор-колодец и почти не давало света. Он делал уроки под голый лампочкой, и с карниза на него осыпалась

шпукатурка.

Потом у соседки родился ребенок, который орал как резаный днем и ночью, и это стало уж совсем невыносимо. Мама проела плешь Степану, тот пошел в заводской профком, стукнул по столу, рявкнул, как он умел, — редко, но метко. Через месяц им дали квартиру. А вскоре расселили всю коммуналку на Серпуховке.

Спустя страшно сказать сколько лет молоденькая секретарша в издательстве, принимая от него драгоценную булгаковскую рукопись, взглянула на титульный лист, кокетливо улыбнулась и сказала:

— А мы с вами знакомы. Только вы меня не помните, и я вас тоже. Вы Колосов, сын Зинаиды Павловны. А я Таня Важова с Серпуховского вала. Мы жили через стенку.

Оказалось, при расселении все соседи съехали, и бывшая коммуналка досталась Важовым.

— Я помню, — он действительно вспомнил и сам удивился. Фамилия Важовых всплыла в клубах кухонного пара и коридорных склок. Размытая надпись на косяке «Важовым 2 (зачеркнуто) 3 звонка», и рядом нацарапанное гвоздем «Вадим К. — кретин».

— Вы ревели басом.

— Как паровоз! — весело подтвердила она. — Мама до сих пор вспоминает. Говорит, только из-за моего рева людям дали отдельные квартиры.

Танина мама скучала по суматошной коммунальной жизни и много рассказывала дочке о бывших соседях. Так у нее в памяти и застряло имя мальчика через стенку — Вадика Колосова.

Горластый сверток превратился в длинноногую девушку с широко поставленными зелеными глазами и трогательными конопушками на круглом носике. Она сразу прониклась к Вадиму абсолютным доверием, как будто сосед по коммуналке был если не родственником, то, по меньшей мере, земляком и единоверцем, — и безоговорочно встала на его сторону. Это было очень кстати. В той издательской эпопее, которая выпала на долю колосовской рукописи, Таня Важова, как тигрица, сражалась за его авторские права, пускалась в споры с маститыми редакторами, перед которыми заробел бы, наверное, сам Михаил Афанасьевич, вычитывала верстку, песочила корректоров за пропущенные опечатки. И в конце концов просто совершила подвиг.

Служил в те времена в издательстве один противный старичок-редактор, от которого стонали все авторы. Старичок, надо отдать ему должное, был грамотным и даже образованным, старой закалки, чуть ли не Пажеский корпус оканчивал, но придирался и ехидничал сверх нормы. Рукопись Колосова он завернул с самого начала, не обнаружив в ней оригинальности. Потом, после деликатного внушения старших товарищей, более сговорчивых, нежели он сам, принял, но постоянно возвращал на доработку, выискивая все новые ошибки и неточности. Опытные люди предупреждали Колосова, что, попав в когти к Лямпе (так звали старичка), он будет ждать выхода в свет не меньше года.

Ждать целый год, когда все кругом издаются в течение двух-трех месяцев, Вадиму не хотелось. Каждый раз выслушивать от Лямпе издевательские замечания о своей безграмотности хотелось еще меньше. Об этом он в один прекрасный день жалобно поведал Тане, пристроившись к ее столу с чашкой кофе, специально для него украдкой сваренного в кабинете главреда.

— Да я знаю, — грустно кивнула Таня. — Я сама думаю, что тут можно сделать.

Честно говоря, Вадим надеялся, что она поможет ему перейти под патронаж другого

редактора, что было не принято, незтично, но теоретически возможно. Но Татьяне Важовой недаром прочили большое будущее. Она решила проблему кардинально.

Вадим толком не вникал в водовороты внутренней издательской «кухни». Но любезные тетушки из секретариата, у которых он также пользовался успехом, вдруг стали ему нашептывать, что у Лямпе неприятности, его очередная книжка вышла с вопиющими ошибками, допущенными не по незнанию, упаси бог, а скорее всего из-за стариковской забывчивости, и главный очень недоволен. Что ж, видно, время не обманешь, возраст берет свое. Спустя месяц заслуженного редактора с почетом проводили на пенсию, а монография Колосова попала в мягкие добрые руки Марии Степановны, пожилой редакторши, удивительно похожей на Крупскую.

— Конечно, Вадим Григорьевич, — ласково прожурчала она, глядя на него из-под круглых очков в толстой оправе, — мы постараемся, чтобы все случилось поскорее, вы так намучились, бедный.

Он пришел поделиться радостью к Тане, и она ответила ему торжествующей улыбкой.

— Добро всегда побеждает зло! — заявила она, сладко потягиваясь над своим столом, как пантера после хорошего завтрака.

Ему хотелось поцеловать впадинку ее подмышки, невинно мелькнувшую в куцем рукаве обтягивающей кофточки. Но он удовольствовался тонкой ладонью, выданной ему без промедления. Таня праздновала его удачу как свою собственную.

— Старый хрыч стольким людям испортил жизнь, что это следовало сделать уже давно, — заметила она во время обеда в скромной кафешке рядом с издательством. Идти с ним в ресторан, чтобы немедленно отметить победу добра над злом, она отказалась. «Работа есть работа, работа есть всегда», в том числе и после обеденного перерыва.

— Так это твоя заслуга? — изумился он, вновь прикладываясь к ручке — на этот раз с благодарностью. — Но как тебе удалось подсадить этого пройдоху?

— Подумаешь, бином Ньютона! — фыркнула Таня.

Она ничего особенного не сделала. Просто перестала покрывать Лямпе в тех мелочах, которые держат на контроле секретари, корректоры и техредакторы. Как она смогла привлечь на свою сторону союзников в сварливом, по преимуществу женском коллективе издательства — это осталось за кадром. Факт, что книга вышла без исправлений, которые старый хрен внес, но забыл передать в корректуру, а корректура, против обыкновения, не напомнила про обещанную правку и выпустила как есть.

Ошибки были как-то очень быстро замечены уважаемыми людьми, на редакцию обрушились критические, недоумевающие, издевательские звонки. А вслед за этим последний звонок прозвенел и для самого Лямпе.

Вадим не находил слов. Он впервые столкнулся лицом к лицу с новым поколением и был поражен до глубины души. Оно, это поколение, без рефлексии и комплексов перекраивало мир так, как считало нужным, руководствуясь единственно разумным принципом «добро побеждает зло». Побеждает весело и безжалостно, как и должно быть, утверждая новый, справедливый ход вещей. У них не возникало никаких сомнений в том, что они сами — это и есть добро. Да и кто бы усомнился в этом, глядя в Танины торжествующие зеленые глаза!..

Колосов глядел в них и чувствовал себя второгодником, которого посадили за одну парту с первой красавицей и отличницей. Он признавал ее абсолютное превосходство над собой. Да и как иначе? Все его поколение и есть второгодники. На что, спрашивается, его

ровесники потратили свою жизнь? На вечное бодание телков с дубами? То-то и оно — дубы уже давно повырубили, а они по-прежнему телята...

Когда первое восхищение улеглось, он обнаружил, что по уши влюблен.

В результате многоступенчатых перестановок, случившихся в издательстве после ухода Лямпе, Таня в течение месяца перешла на менеджерскую должность, а книга Колосова была подписана в печать. По этому поводу они устроили маленький, но искрометный праздник сначала в ресторане, потом у нее дома. No clothes, no survives^[3], как сказала бы ведьма Мортиция из их любимой «Семейки Адамс».

С тех пор она всегда была с ним заодно, играла в его команде, восхищалась им, поддерживала, воодушевляла, подгоняла. А еще она была молода, очаровательна, жизнерадостна и... и... У него перехватывало дыхание, когда он пытался сформулировать, что так влекло его к Гане. Он быстро понял, что рискует влипнуть всерьез, а потому первое время пытался сохранять дистанцию — не звонил неделями, избегал говорить о чувствах. Она не обижалась. Она вообще не обижалась на него, и, наверное, ни на кого на свете. Это существо весело и отважно шло по жизни, выставив вперед свои конопушки.

Она напоминала ему ныне заматеревшую актрису, символизирующую для его ровесников мечту о первой любви. Девушка-весна. При этом вполне практичная молодая дама. Перспективный сотрудник, менеджер среднего, а в ближайшем будущем уже высшего звена. Без пяти минут кандидат наук в области управления некоммерческими организациями. О, как безнадежно он отстал от своего времени!

Вот ее он ревновал. Он видел, как привлекает мужчин ее летучая женственность. Она говорила, что любит его, и он ей верил — он верил женщине, просто смех! Но это происходило здесь и сейчас. В любую минуту ветер перемен мог подхватить это невесомое существо и унести от него навсегда. Общась с ней, он раскрыл еще один секрет этого поколения — его не остановить, если оно чего-то хочет. Как не остановить бегущего бизона и поющего Кобзона. Их с Таней любовь вечна, но он может потерять ее в любой момент.

Танина мама давно переселилась в деревню, поближе к земле и чистому воздуху. Бывшая коммуналка на Серпуховке оказалась в их распоряжении. Затхлости и осыпающейся штукатурки уже не было и в помине. Несколько лет назад Таня сделала, как она сама шутила, «евроремонт». Ремонт был еврейским, квартиру приводили в порядок ее приятели, зарабатывавшие стартовый капитал для отъезда в Америку и Израиль.

Вадим ревновал к ним, как и ко всем мужчинам, когда-либо приближавшимся к Тане больше чем на десять шагов, и даже с притворным равнодушием расспрашивал, как там устроились друзья-строители на Западе — или на Востоке? Пишут ли, приглашают в гости? Таня невозмутимо отвечала. И пишут, и приглашают. У одного уже трое детей. Другой переехал в Канаду, практикующий адвокат. Третий работает в Силиконовой долине, женился на пуэрториканке, купил трехэтажный дом с фонтаном. Съездим посмотреть?

А квартира получилась замечательная, воплотив ностальгию по наивной помпезности советских времен. Обои в цветочек, сталинская лепнина на потолках, на кухне вместо нудных шкафчиков — громоздкий буфет, выкрашенный белой масляной краской. Вадим вначале удивился такому выбору, а потом понял, что для Таниного поколения это уже ретро, как пельмени в квадратной пачке, «тот самый» чай со слоном, конфеты «Белочка», герб СССР на майке и портрет Маркса в кабинете финансового директора. Появилась уже такая мода, или ему музыкой навеяло?..

Он позвонил Тане из Петрозаводска и сказал, что у него проблемы в семье и он поживет у нее некоторое время. Нет, малыш, не прямо сейчас. Сейчас меня и в Москве нет. *Через* некоторое время.

— No problem, — ответила она, по обыкновению не задавая вопросов. — Предупреди, я ключ оставлю у вахтерши.

«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой...» Белую шелковую ветровку на алой подкладке он купил в Италии больше ради пижонства, нежели из почтения к Булгакову. Теперь ее пришлось отдать Кириллу. Жаль, тем более, что носить хорошие вещи инженер не умеет, и это видно невооруженным глазом. Но видно только Вадиму.

В прошлом он никогда не задумывался о выгодах и проблемах, которые приносит близнецам их сходство. Их с братом никто не пугал — между ними лежали тысячи километров. Впервые на мысль о том, что похожесть двух людей можно как-то использовать, навела его Таня.

Она много рассказывала о своем детстве, о школе, о спорте — она занималась спортивным ориентированием. Он любил ее слушать. В ее изложении самые обыденные вещи становились литературой, обретали фабулу и композицию. Таким маленьким, но ярким эссе была история с близнецами.

— Я только-только пришла в секцию и познакомилась с ребятами, — говорила Таня, вскидывая узкие ладони в особую, одной ей свойственной жестикуляции. — Меня подвели к двум мальчикам — на мой взгляд, абсолютно непохожим, — и сказали: «Это Калашниковы, Вася и Леша. Смотри, не спутай их, потому что они близнецы».

— И все! — Танины руки сокрушенно падали, как крылья усталой птицы. — С этого момента и все три года наших совместных занятий я не могла отличить Васю от Леша, хоть ты тресни! Хотя встречалась с ними по три раза в неделю. Только когда они были вместе — тогда становилось видно, что у Васи подлиннее нос, а у Леша более острый подбородок. Но по отдельности — просто караул. Когда на маршруте спрашивали, у кого компас, я отвечала: «У кого-то из Калашниковых». На самом деле я знала, У КОГО, но не знала, КТО он — Леша или Вася. А признаться в этом было стыдно. Хотя — клянусь тебе, — если б мне не сказали, что это близнецы, мне бы и в голову не пришло, что они вообще родственники.

Обдумывая свою комбинацию с Кириллом, Вадим вспомнил этот Танин рассказ. Различить близнецов по носам, подбородкам, умению носить стильную одежду легко, если есть возможность сравнить их между собой. Разглядывая двойняшек поодиночке, люди путаются, потому что лишены точки отсчета. Как разобрать, чей нос длиннее, если перед тобой только один нос?

Конечно, близнецы-подростки похожи куда больше, чем взрослые мужики, прожившие каждый свою жизнь. И братья Колосовы не исключение — они совершенно разные, если поставить их рядом. Но у них такая колоритная внешность, что их не спутаешь ни с кем другим, а вот между собой легко перепутать, особенно если не знать, что их двое. Но этого никто и не знает! Во всяком случае, в Москве всех, кто это знал, уже нет в живых. Мама умерла давно, а год назад не стало Степана Алексеевича.

Он мысленно проходил с братом привычный маршрут. Заставленный машинами двор с аккуратной подстриженной травкой, нелепая скамейка на газоне. Зеркально-голубой подъезд, магнитный ключ от входной двери и тихий металлический свист, означающий, что Сезам открылся. Небрежный кивок консьержке, лениво отползающая дверь лифта, беглый взгляд в зеркало — только не пялься ты, дурак, на хромированные стены, ты здесь третий год уже живешь. Впрочем, в этот час в лифте никого, кроме тебя, не должно быть.

Дымчатый мрамор холла. Ключ от лестничной площадки, поворот налево и еще раз налево, не заблудись, здесь тебе не карельские леса. Ключ от квартиры, один и второй, порядок неважен... Выход на финишную прямую. Соберись, не торопись и не нервничай, выключатель справа, но если Алина дома, то свет должен гореть. Повесь свой прокураторский плащ на вешалку, ты ведь не забыл, где она, и руки не дрожат.

Собака? Собака не выйдет тебе навстречу, она тебя не любит. Но это меня она не любит — возможно, с тобой сложится по-другому. К счастью, Фагот хорошо воспитан и не реагирует на посторонних людей, иначе на всем плане пришлось бы поставить жирный крест — ведь собачий нос не обманешь.

Так где мы? Все еще в прихожей? Поторопись, тебя ждут, в первую очередь я. Мокасины в угол, ты никогда не убираешь их на полочку для обуви, и тебя за это ругают. Все, теперь можно. Негромко, но внятно:

— Аля, я приехал!

Через минуту она появится на пороге своей комнаты. И произойдет встреча цивилизаций.

В ирландском пабе время текло медленно, как в романах Диккенса. Поутру здесь вообще не было посетителей, но Вадим все равно устроился в самом дальнем и темном углу, заслонившись бесплатной городской газетой, взятой со стойки бара. Газета открывалась очередной скандальной статьей про тестя. Обычно он просматривал этот бред, чтобы еще раз убедиться, что журналисты прочно забыли о младшем поколении семьи, которое представляли они с Алиной. Сегодня читать не получалось, хотя он был достаточно спокоен. Спокоен, как стенные часы, в которых живет только маятник, с тихим шуршанием отсчитывающий бесконечные «тики» и «таки», сотни и тысячи раз подряд.

Он накинул десять минут к назначенному сроку, потом подождал еще четверть часа. Тик-так. Делай так, чтобы избавиться от тика. Они договорились, что Кирилл пошлет эсэмэску, если что-то пойдет не по плану. Если сообщения нет, значит, все в порядке. Вадим отдал брату свой мобильник и обучил его пользоваться этим чудом техники. Себе купил новый, с цветным дисплеем, и сейчас сжимал его во вспотевшей ладони.

Тик. Так. Еще пять минут. Телефон молчал. Значит, контакт состоялся. Вольно, товарищи курсанты.

Вадим медленно разжал кулак и положил телефон на стол так осторожно, как будто это была бомба с суперчутким детонатором. Откинулся на спинку стула. Все-таки он перепсиховал. Сейчас надо аккуратно ослабить внутри себя эту пружину, скрутившую сознание в тугую спираль. Тихо-тихо, чтобы не сломалась. Теперь остановить маятник в мозгу, хватит ему тикать. Уф! Давно он так не волновался.

Вадим протер салфеткой вспотевший лоб. Сделал несколько глотков из доселе не тронутой пинты нефильТРованного пива. Терпкая влага коснулась пересохшего горла, и привыкший к удовольствиям организм с облегчением вернулся в режим свободы и покоя, где никто не считает время.

Он зажег сигарету, всласть затянулся и набрал Танин номер:

— Тата, я приехал!

Их медовый месяц проходил с ежедневными перерывами на Танину работу. Потому он растянулся на все лето.

— А я не верила, что ты придешь, — сказала она в первую ночь, нежно пробегая пальцами по его лицу: «Точка, точка, занятая...»

— Почему не верила? — он улыбнулся в темноте и прижал ее ладонь к губам.

— Так. На тебя не похоже.

Теперь Вадим делал многое, что было на него не похоже. Например, встречал ее дома экзотическими обедами собственного исполнения, хотя до этого всю жизнь считал кухню местом, где пьют кофе. А тут вдруг подсел на кулинарию, начал штудировать специальные журналы и регулярно ездил за покупками в японские и китайские магазины. За лето он стал крупным спецом по дальневосточной кухне и научился мастерски готовить суси с икрой летучих рыб, а также блюдо, носившее воинственное название «Бой дракона с фениксом».

В рестораны они ходили редко. Колосов неожиданно оказался настолько ревнив, что даже любоваться Таней хотел одиночно. Так звучала официальная версия, на самом деле он просто не мог рисковать. В городе было немало мест, где хорошо знали не только его, но и Алину. Кроме того, там можно было столкнуться с Вадимом Колосовым номер два, что было бы уж совсем некстати.

Таня не настаивала. У нее, менеджера крупного издательского холдинга, ресторан ассоциировался с деловыми встречами, а не с романтическими свиданиями. Зато они каждую неделю играли в боулинг и плавали в бассейне в недавно открывшемся на соседней улице фитнес-клубе.

Поразительно — они с Алиной могли позволить себе все, что угодно, но почему-то им в голову не приходило вместе отправиться в бассейн или начать сбивать кегли тяжелыми мячами, придирчиво вести счет, визжать от азарта и бросаться друг другу в объятия после каждого удачного броска.

Ну и слава богу, что не приходило, — зато теперь он может ходить по фитнесам и боулингам с Таней, не опасаясь, что его узнают.

За день Таня уставала сидеть в душном офисе, и по вечерам они выходили гулять, что для домоседа Колосова тоже было неслыханно. В соседнем дворе оборудовали детскую площадку, утыканную лавочками и беседками. Детей в центре Москвы летом было немного, и беседки облюбовали парочки и молодежные компании из окрестных домов. Таня и Вадим тоже порой устраивались на солнышке и потягивали легкое пиво под редкие крики резвящейся детворы.

Таня рассказывала, как играла когда-то на этой площадке, где были в то время только заржавевшие качели и страшная железная горка с крутой лестницей без перил. Зимой ее заливали водой, и высшей доблестью считалось влезть ползком по обледенелым ступенькам и скатиться вниз на обрывке картонной коробки. На крошечной площадке наверху все нарочно толкались, и было легко свергнуться на утопанный снег не по скользящей поверхности, а с отвесного бока.

— Но ты-то не боялась! — говорил Колосов.

— Еще как боялась! — отвечала Таня. — Я в детстве была такая трусиха, ты себе не представляешь. Однажды, когда мне было года три, мы возвращались с мамой с бульвара, и в

подворотне пробежала кошка. Я целый час стояла на улице и редела, отказывалась идти домой.

Колосов смеялся, обнимал ее и смотрел на чужих играющих детей, впервые за последние годы не испытывая уколов совести.

Она вызывала в нем чувство какого-то удивленного обожания. Ему нравилось в ней все — как она ходит, как выбирает в шкафу одежду, как причесывается и строит гримасы у зеркала, нанося макияж. Нравились ее шутки, литературные оценки, рассуждения. Ее романтичность и прагматизм, непосредственность и жадность ребенка, попавшего в большой супермаркет. Она брала от жизни все, до чего могла дотянуться.

А еще он стал снова рисовать, вспомнив забытое юношеское увлечение. Купил картон, уголь, восковые мелки. И рисовал, конечно, ее, мучаясь от неумения, разрывая испорченные листы и начиная сначала. Набрасывал ее фигуру, пытаясь поймать движение. Особенно ему хотелось уловить полет ее узких рук, когда она хозяйничала на кухне, управляясь с массивными банками, полными маминых консервов, — легко брала их «за фук», переставляла на окно, что-то перекладывала, помешивала грубоватой деревянной ложкой и как будто даже бормотала заклинания.

Мамины соленья и варенья причудливо дополняли их японо-китайский рацион. Один раз они даже съездили в деревню, и Вадим был растроган неожиданно радушным приемом, который оказала ему, гостю неопределенного статуса, тихая Танина мама.

Они не стали открывать ей их доисторическое знакомство и называть его фамилию. Ностальгические воспоминания были не нужны — вслед за ними неизбежно пошли бы вопросы: а где, а как, а с кем, а семья?.. Это лишнее, решил Вадим, и Таня с ним согласилась. Сама Клавдия Мироновна, конечно, не узнала в солидном дочкином ухажере бывшего соседа-старшеклассника — ведь и Таня идентифицировала его только по имени.

День за городом, с похрустыванием свежей морковкой и обеданием грядок клубники, прошел как во сне. Клавдия Мироновна насовала им с собой ягод и цветов, ласково улыбалась и долго шла за машиной, махая на прощанье.

— Она считает, что я твой жених? — ляпнул он на обратном пути.

— Откуда я знаю, — сквозь зубы ответила Таня. Шел дождь, и на загородном шоссе в воскресенье вечером творился полный беспредел.

— Но ты ведь не всех подряд таскаешь знакомиться с мамой?

— Всех абсолютно. Иногда просто на улице хватаю кого-нибудь и тащу знакомиться с мамой.

— Мне это особенно лестно.

— Если тебе понравилось, мы в следующую субботу поедem знакомиться с папой. Это в Твери, каких-то жалких четыре часа пути. Только машину поведешь сам, а я буду сидеть рядом и задавать дурацкие вопросы.

Она помолчала и добавила с нежностью:

— Моя мама — простая добрая женщина. Для нее главное, чтобы мне было хорошо. С кем, когда, почему — какая разница.

— Татка, — сказал он, отвернувшись к окну. — Я тебя люблю.

Она не слышала, но это и не предназначалось для ее ушей.

Самое удивительное в их жизни была сама жизнь, ежедневная, ежеминутная, совершенно не такая, к какой он привык.

Они говорили часами и обо всем, а если молчали, то диалог продолжался в тишине. Он нашел в ней такого отзывчивого собеседника, какого никогда не чаял встретить. Каждая его мысль, каждое слово находило отклик, и ответный пас был точен, силен и направлен прямо к партнеру, как бывает в дружеской, а не соревновательной игре.

Таня считала, что он должен написать новую книгу, возможно художественную, и она поможет ему опубликоваться, попробовав себя в новой роли литературного агента. Он объяснял, снисходительно посмеиваясь над собой, что слишком обленился, а книга требует серьезной работы, полного поглощения, на книге надо жениться, пока ее пишешь, вот так.

Они смеялись, и Таня спрашивала: неужели только жениться и никак иначе? А если все-таки гражданским браком? А романтическая связь, недолговечная, но бурная — не спасет? Тогда у него выйдет не одна, а не меньше сотни книжек, и каких! И кстати — она становилась серьезнее, — это дало бы ему некоторую финансовую независимость. Вот тут уж он начинал громко хохотать, про себя сравнивая активы тестя с доходами даже преуспевающего писателя. Таня пожимала плечами и в конце концов тоже смеялась.

Если определить одним словом то, как она относилась к его семейной драме, это слово было — жалость. Она его жалела, не испытывая к Алине никаких злых чувств. Впрочем, Алина ее мало интересовала, она беспокоилась только о нем. Похоже, ей действительно хотелось придумать вариант, при котором он не будет зависеть от богатой жены и вообще ни от кого на свете.

— Тата, с какой бы радостью я женился на тебе, — вздохнул он в продолжение их разговора о книге. — Как ты думаешь, у меня бы получилось?

Реплика была необдуманной, он не должен был так говорить. Он прежде такого не говорил никому и никогда, потому что это было самоубийство. Умная женщина в тот же миг поймала бы его на слове и обволокла паутиной обещаний. Но Таня была умной женщиной другого поколения и другой породы. И он без страха ступал с ней на тонкий лед этой темы, потому что знал ответ. И что удивительно — этот известный, ожидаемый и спасительный для его свободы ответ Колосова огорчал.

— А зачем? — возразила она. — Тебе *так* плохо?

И отвела его руки, не давая показать, *как* ему хорошо. Ей хотелось закончить свою мысль. О, эти Танины мысли о семье и браке!..

— Мне кажется, люди женятся либо по расчету, либо по...

— залету!.. — грустно закончил он, внезапно вспомнив «о своем, о девичьем».

— Да ну тебя! Короче, по-моему, в этой процедуре есть что-то унижительное. Знаешь, верного коня или собаку не привязывают, они и так от тебя не уйдут.

— А я верная собака? — спросил он, устраивая голову у нее на коленях.

— Ты кошка, которая гуляет сама по себе. И я тоже.

— А что же мы делаем вместе?

— Как что? Гуляем. Сами по себе.

Таня действительно была равнодушна к матримониальному вопросу, и он видел, что она не притворяется. Ее родители не ладили между собой и в конце концов на старости лет развелись. С детства брак ей казался обременительной обязанностью, а слово «супружество» со всей очевидностью происходило от тяжелого, как якорная цепь, глагола «запрягать».

— Столько лет жить вместе для того, чтобы мучить друг друга! — жалела Таня отца с матерью. Она и Колосова за это жалела. Она от всей души мечтала освободить его от Алины, но сама не собиралась занимать ее место.

Вот тут он кривил перед ней душой, изображая дело так, как будто их брак с Алиной давно превратился в формальность. Это ничего не меняло, но Колосов привык врать женщинам. Совсем не врать даже такой женщине, как Таня, — это было слишком странно.

Разумеется, он не сказал ей, почему пришел к ней жить и сколько это будет продолжаться. Она и не спрашивала, только удивилась, что он приехал без «хонды»: «Все оставил? Ну и ну!»

— Будем ездить на твоей, — сказал он, уходя от ответа.

Таня с удовольствием возила его в своем темно-синем «пежо», а отправляясь куда-то один, он брал такси. Отсутствие машины неожиданно обернулось не неудобством, а избавлением от целой связки докучливых забот: бензин, ремонт, гаишники... От этого жизнь стала еще более летучей и невесомой, не привязанной ни к чему, кроме любви.

Счастье — вот как это называлось. Неожиданное, непозволительное счастье, наверное последнее в его жизни. И рано или поздно оно кончится. Так он сам спланировал и задумал.

Наверное, встречи с Таней не прекратятся, но праздник их совместной жизни исчезнет. Снова пойдут бесконечные дни молчания бок о бок с политкорректной Алиной. А может, беременность и роды превратят ее в толстую раздражительную клушу, и в их доме, вместе с младенческим писком, навсегда повиснет нудное и серое, как осенний дождь, ворчание. Разве мало он знает таких семей, хоть бедных, хоть богатых...

Но разве не этого он хотел, сочиняя свою простую и гениальную комбинацию? Только сейчас воспоминания о доме и жене вызывали у него отчаяние. Колосов не предполагал, что любовь к Тане на старости лет так вскружит ему голову, и никак не мог собраться с мыслями, чтобы адекватно оценить положение. Слишком много подводных рифов, и все они — в нем самом. Сможет ли он жить с Алиной как ни в чем не бывало? А Таня — вдруг она возьмет да и выскочит замуж, несмотря на свою идиосинкразию к слову «брак»? Или приведет на его место другого влюбленного дурня? С ее легким отношением к жизни запросто может случиться все что угодно.

За что боролись, на то и напоролись. Он был бесконечно счастлив и снова, как три месяца назад, не знал, что делать дальше.

Наблюдательной парикмахерше он рассказал почти правду, часть правды и кое-что, кроме правды, — облегченную версию, которую с руками оторвал бы любой телеканал для постановки кассовой мелодрамы. В его версии не было ни страшного тестя, ни прекрасной Тани, зато было нечто не существующее в природе — их с Алиной пылкая и нежная любовь, пронесенная через годы счастливого супружества.

По всем канонам жанра слушателю в финале полагалось прослезиться, и Любочка была близка к этому.

— Возможно, я кажусь вам чудовищем, Любаша. Но я поклялся любой ценой дать ей то, чего она хочет больше всего на свете. Она не должна страдать оттого, что Бог наказал меня бесплодием. Вы меня осуждаете?

Осторожно, не переиграй. Женщины ничего не видят, но слышат они очень хорошо и малейшую фальшь в голосе сразу улавливают. Женщину можно обмануть, когда она сама хочет обмануться, когда дело касается ее лично. Вот так обманывается сейчас Алина.

Любочка округлила свои и без того круглые глаза:

— О господи, Вадим Григорьевич... У меня даже слов нет. Я вас не осуждаю, ни в коем случае. Вы удивительный человек, я думала, таких вообще на свете не бывает. Но как вы все же решились обмануть жену? А если она узнает?

— Не должна она узнать! Понимаете, Люба, не должна. Иначе все напрасно.

— Да вы не волнуйтесь, я никому не расскажу. И девочки тоже.

— Какие девочки?

Люба прикусила язык. Она не говорила Колосову про их коллективное расследование, и внутренний голос ей по-прежнему подсказывал, что этого делать не стоит.

Она решила прикинуться дурочкой, что при ее внешности не составляло особого труда.

— Понимаете, у меня со школы есть две подружки, Катя и... Катя. Две Кати, так забавно. Мы в девятом классе поклялись, что у нас не будет друг от друга никаких секретов. Так что я должна все им рассказать. Вы же понимаете, я дала клятву. Но они никому! Они моих тайн никогда не выдавали!

— Люба, — он положил руку на ее ладошку.

Ей стало не по себе.

Твердая горячая рука сильного, уверенного в себе мужчины. Взгляд, проникающий насквозь. Так учитель смотрит в глаза завравшемуся школьнику, не давая ему ни малейшего шанса выкрутиться. Люба, не переиграй, мужики ничего не замечают, но фальшь они чувствуют, если дело касается их лично.

Она осторожно вытащила руку.

— Люба, — повторил он настойчиво. — Это — не ваша тайна. О ней вы не должны рассказывать никому. Речь идет о жизни и смерти. Есть такое понятие: ложь во спасение. Алина не переживет, если узнает правду. Подумайте, стоит ли ваша детская клятва загубленной судьбы двух несчастных, но хороших людей.

— Не стоит, — покорно согласилась Любочка, не в силах оторваться от его бездонных глаз.

Вот что чувствует кролик, когда его разглядывает удав. Как хорошо, что на ее пути не встречались такие мужики... затягивающие в себя, как омут.

Он удовлетворенно кивнул. Кажется, цель достигнута. Конечно, она тут же растреплет каким-нибудь «девочкам». Но до Алины этот треп никогда не дойдет. Люди ее круга страшно далеки от народа.

— Дело закончено! — бодро объявила Любочка, входя в салон и хлопая в ладоши, чтобы привлечь к себе внимание.

Это решение далось ей не сразу, но, промучавшись полночи, она решила, что следует оставить в покое Колосова, его жену и близнеца. Странная история и, честно говоря, не очень красивая. Какая-то неправильная. Не должны люди так себя вести, грех это и грязь, как ни посмотри. Разврат и обман во имя благородной цели.

Любочка не была ханжой, но чем больше она думала над рассказом Вадима Григорьевича, тем сильнее раздражалась. Странно, что вначале ее эта ситуация даже растрогала. Наверное, подействовало обаяние Колосова, его доверительный бархатный баритон и бездонные глаза. Вот ведь жук!

Да и братец его ничем не лучше. Как это можно — спать с чужой женой за деньга! Колосов объяснил ей, что ему пришлось предложить брагу денег, потому что иначе он не соглашался, твердил, мол, совесть ему не позволяет. Значит, бесплатно не позволяет, а за доллары позволила?

Сам герой тоже хорош. Говорит, что любит свою жену, и при этом устраивает с ней такие эксперименты. Неужели не понимает, что чувствует женщина... Хотя кто из них это понимает?..

А с другой стороны, это их дело. Никакого преступления нет, все живы и здоровы. И детективное агентство «Золотая шпилька» с чистой совестью может прекратить свое расследование. Жаль, что не оказалось в этой истории ни шпионов, ни мафии, — было бы куда интереснее.

Но девчонкам надо непременно все рассказать, они это заслужили. Любочка специально пришла чуть раньше, чтобы попасть в пересменку и провести разоблачение за чашкой чая. Даже купила торт-медовик с орехами — подсластить свою новость, которая ей самой казалась довольно кислой.

Не было у Любы колосовского дара разливаться соловьем, да и тема была больно непривычная, так что слова застредали во рту. А потому говорила она медленно, с паузами, но к тарту и чаю так никто и не притронулся. Девочки слушали ее, против обыкновения, не перебивая. И когда она замолчала, в салоне стояла недоуменная тишина. Не было ни охов, ни возгласов ужаса и восторга, как будто перед ними только что не произошло блистательное раскрытие всех тайн века. Довольно мерзких тайн, надо заметить, но что поделаешь.

— Чего-то я не понимаю, — в сомнении начала Марина Станиславовна.

— Ага, и я не врубаюсь, — поддакнула Вика.

— Вы что, девчонки? — удивилась Люба. — Что непонятного? Ну, обман, конечно, но все законно. И зря мы такой шухер навели.

— Еще какой обман! — вздохнула Наташа. — Ты сама, Любаш, не представляешь. Я тоже ничего не понимаю. Лена заходила, у нее выходной сегодня, но она специально зашла рассказать, как познакомилась с женой этого Вадима. Я все записала в твою тетрадку. Ты возьми и почитай.

Люба прочитала, потом перечитала еще раз, шевеля губами, как маленькая. Обхватила лицо ладонями, подняла глаза к потолку и застыла в такой позе, став еще больше похожей на

Джюльетту Мазину. Так она думала. Думала долго, сначала сидя в пустом Ленином кабинете, потом подстригая и причесывая клиенток. Но тоже, как и девочки, ровным счетом ничего не поняла.

— Перестань ломать голову, — сказала ей Наташа, позвонив в салон к концу смены. — Ты умная, ты что-нибудь придумаешь. Утро вечера мудренее, завтра на даче все обсудим. Банки не забудь.

Рано утром Люба с Настей на цыпочках, чтобы не разбудить отсыпавшегося Пашу, вышли из дома, уложили в багажник банки для варенья и сока и отправились на дачу к Наташиным родителям.

Моросил мелкий дождик, собачья площадка была пуста, и Лена ничего не ожидала от этой прогулки. Она даже не следила за калиткой и еле сдержала радостный возглас, когда нетерпеливый Фагот вприпрыжку ворвался внутрь, волоча на поводке свою хозяйку. Лена тут же поняла, что именно сегодня все и произойдет, и разволновалась, как на первом свидании.

Инициатором знакомства выступил осмелевший Чарлик. Фагот отнесся к нему вполне дружелюбно и даже повел представлять хозяйке, как это делают порой очень воспитанные собаки.

Лена последовала за своим псом с извиняющейся улыбкой. Женщина улыбнулась в ответ и кивнула на пуделя:

— Какой симпатяга! Вы не боитесь такую крошку водить на площадку? Здесь встречаются очень злобные типы.

— Здесь они хотя бы с хозяевами и прививками. А на улице полно бездомных псов, неизвестно чего от них ожидать, — ответила Лена. — И дети к нему пристают, все время хотят погладить, а он дергается.

Хозяйка Фагота понимающе кивнула:

— Почему-то люди считают, что любую понравившуюся им собаку можно гладить. Я этого тоже терпеть не могу. Во-первых, собака моя, во-вторых, она тоже личность со своими желаниями и привычками. Вы согласны, что каждый пес — личность?

Лена была согласна.

— Попробуйте на улице погладить по голове чужого ребенка! Крику не оберешься, хотя вы ничего плохого не сделали. А собаку — пожалуйста. Хотя... как не погладить такое пушистое существо!

Колосова с улыбкой смотрела, как Чарлик обнюхивает ее кроссовки.

— Вам можно, — сказала Лена. — Он с вами уже познакомился. Он вообще-то очень ласковый, просто от чужих рук нервничает.

— Ну, еще бы. Ах ты, кудряшка! — женщина наклонилась и потрепала Чарли по загривку. — Хороший, хороший...

Вдруг она ойкнула, медленно выпрямилась и, прижав ладонь ко лбу, шагнула к скамейке.

— Ой, простите... что-то мне поплохело. Вы не посмотрите за Фаготом? Я присяду.

— Да-да, конечно, — участливо проговорила Лена.

Она опередила Колосову и успела подстелить на мокрую скамейку пакет с газетой, которую купила для папы. Сама встала рядом, чтобы видеть лицо собеседницы. Смотреть на сидящего человека сверху, тем более с высоты Лениного роста, оказалось не очень удобно,

но пакет у нее был всего один. Надо же, дождик почти незаметный, а все вокруг мокрое.

— Не беспокойтесь, они с Чарликом прекрасно играют. Чарли трусишка, он никуда не убежит. А что у вас? Давление?

— Не знаю. Что-то подташнивает.

— А, вы, наверно... да? — заговорщицки улыбнулась Лена, кладя руку на живот.

— Беременна? — Женщина с усилием рассмеялась. — Нет, что вы, совсем наоборот.

— Наоборот? Как наоборот? — опешила Лена.

— Начала пить таблетки, — объяснила женщина. — Контрацептивы. Врач сказала, в первые недели могут быть побочные симптомы — тошнота, головокружение, бессонница. У меня все сразу — в одном флаконе. Вам знакомо?

— Еще как! — сказала Лена, хотя пить контрацептивы ей пока не приходилось. — Первые недели ужасные. А потом проходит.

— Проходит, правда? — оживилась женщина. Чтобы посмотреть на Лену, ей пришлось запрокинуть голову, и дождь тут же покрыл моросью стекла ее очков. — Я просто раньше никогда их не принимала. Говорят, это даже полезно, цвет лица улучшается.

Она сняла очки и протерла их вынутым из кармана белоснежным платочком. У нее были небольшие, но красивой формы глаза с загнутыми черными ресницами, и Лена с завистью подумала, что такие ресницы можно вообще не красить. На Колосовой действительно не было никакой косметики, даже тонального крема или бесцветной помады. Лена определила это сразу, и Колосова стала ей еще более симпатична. Она не любила раскрашенных теток и сама почти не красилась, хотя к ее услугам была вся мудрость косметологической науки.

— А спираль вы не пробовали? — спросила Лена, считая своим долгом поддержать разговор о противозачаточных средствах, хотя рисковала попасть впросак. В каких только беседах не приходится участвовать, если тебя считают лет на пять старше, чем ты есть. Все-таки рост обманывает людей. Она давно уже не девочка-переросток, но до сих пор выступает не в своей возрастной категории.

— Спираль нерожавшим не рекомендуют, — почему-то вздохнула женщина и надела очки. Ее чудесные глаза уменьшились, и она снова стала похожа на учительницу младших классов. — А потом спираль — это на долгий срок...

Она осеклась, как будто сказала лишнее.

— Ну да! — поддакнула Лена, совершенно сбитая с толку.

Они замолчали, потом еще немного поговорили о бездомных собаках, которых в Москве развелось невероятно, но в основном они ведут себя прилично, и, говорят, их сейчас в массовом порядке стерилизуют. Беседа больше не переходила на личные темы, в соответствии с неписанным кодексом собачников. Скоро Колосова окончательно пришла в себя, окликнула Фагота, попрощалась и ушла, одарив Лену светской улыбкой.

«Ее, наверное, в частном пансионе учили этикету», — с уважением подумала Лена. Почему в обычной школе этого нет? Столько ненужной ерунды проходим, а самого главного не умеем — нравиться людям. Да, подтвердила она, проверив свои впечатления, — жена Колосова при личном знакомстве ей определенно понравилась. Надо отвести Чарлика и сбегать в «Шпильку», рассказать девочкам новости, пока все не выветрилось из головы. Хотя разговор-то, в сущности, был ни о чем, о каких-то бабских делах. К таинственной подмене ее мужа это не имеет никакого отношения.

— Ну как?

— Да нормально.

— Все в порядке?

— Угу.

— Есть новости?

— Да нет... Вроде нет.

Можно подумать, он беседует с косноязычным подростком, которого достали занудные расспросы родителей о школе и оценках. Это примитивное млекопитающее способно выдавить из себя хоть пару связных фраз?

— Ты где-нибудь бываешь?

— Да.

— Где?

— Так, гуляю. В ресторанах... немного.

— А с Алиной куда-нибудь ходите?

— Э-э... Редко.

— Но у вас все нормально?

— Да-да. Нормально.

И такая дребедень каждый день.

Вадим решил на время оставить попытки разобраться со своими чувствами, отложить их на неопределенный срок. Заранее переживая разлуку с Таней и обдумывая возможные варианты, он стал плохо спать и больше курить. Все это никуда не годится; он сам наполняет лучшие дни своей жизни бессмысленными страданиями.

Легко сказать — отложить, оставить. Мысли сами лезут в голову, и часы отстукивают свое тик-так, теперь уже непонятно, в чью пользу. Единственный способ справиться с соплями — сосредоточиться на деле. В конце концов, чувства — это надстройка, а дело — базис, на котором все тонкие материи стоят, как мир на трех китах. Так учили нас бывшие классики. Дело запускать нельзя; запущенное, оно начнет тухнуть с головы, и тогда пиши пропало — киты потонут, надстройка рухнет, а ты, мой изобретательный, останешься ни с чем.

В сущности, что он может сейчас сделать? Прокрутить весь фарш назад? Абсолютно нереально. Оставить все как есть? Допустим. Но для этого надо прежде понять, *как* все есть. Пора прояснить ситуацию и призвать к ответу потерянное поколение. Что-то оно слишком потерялось.

Встречаться с Кириллом было рискованно, но необходимо. Его вечно невразумительное бормотание по телефону в последнее время стало настораживать Вадима. Что-то братец темнил, и, возможно, у него с Алиной все не так уж шоколадно, как он пытается представить. Может, струсил и под каким-то предлогом уклоняется от процедуры осеменения? А если нет, то где результат? В свое время Кира сетовал, что от него залетают даже садовые скамейки, и Вадим пару раз передавал ему сверхнормативные суммы, чтобы предотвратить непрошеное рождение маленьких скамеечек. Почему же теперь знаменитый кольт дает осечку? По расчетам Вадима, жене в это время уже полагалось высиживать яйцо.

Близнецы, тем более взрослые, все-таки привлекают внимание. Поэтому Колосов выбрал для встречи с братом самое укромное место — вьетнамский ресторанчик возле Савеловского вещевого рынка. Сюда забегали пообедать либо свои, вьетнамцы, торгующие в соседних павильонах, либо одуревшие от магазинов покупатели. Народу было мало, низкие

зальчики тускло освещались красными китайскими фонариками. Кроме того, Вадим рассчитывал на справедливость легенды, что для азиатов все белые люди на одно лицо.

Случайно встретить знакомого в Москве? Вадим снисходительно улыбнулся, когда Кирилл задал ему этот вопрос. А что смешного? Допустим, ты идешь по улице, и вдруг к тебе с распростертыми объятиями бросается какой-нибудь приятель Вадима Колосова, которого Кирилл, естественно, ни сном ни духом не знает. Или приятельница. Ты жмешь руку (или целуешь) — и что дальше? Разыгрывать амнезию?

Ноль целых ноль пять сотых процента вероятность такой встречи, объяснил Вадим. Или еще меньше, ты у нас технарь, просчитай сам. Москва — это тебе не Петрозаводск, где, если чихнешь, телеграмма летит из Швеции: «Будь здоров». (Кирилл, к его удивлению, Бродского читал и здоровым хмыканьем показал, что оценил метафору.) Москва — это планета, архипелаг, мегаполис, тут восемь миллионов населения и еще примерно столько же приезжих. И все бегут, спешат, опаздывают по своим делам. Никто не разглядывает толпу в поисках знакомого лица, а потому, даже если люди изредка и оказываются рядом (поскольку это не противоречит законам природы), то чаще всего они друг друга не замечают.

То-то и оно! Кирилл, в отличие от заносчивых москвичей, смотрел вокруг и замечал людей. И быстро обнаружил, что Москва не многим отличается от Петрозаводска. Если приглядеться, окажется, что одни и те же лица ты встречаешь на улице по нескольку раз в день. Вот эта девушка в розовой футболке перед тобой покупала минеральную воду в киоске, а через полчаса она же, на этот раз под руку с приятелем, прошла мимо тебя на бульваре. Этот старичок каждый день в одно и то же время приходит к памятнику Пушкина кормить голубей. После этого он отыскивает свободное место и усаживается на скамейку — непременно спиной к улице и лицом к кинотеатру. Иногда к нему подходит поболтать кто-то из «бутербродов» — людей, обвешанных рекламой. Они тоже все друг друга знают, что, впрочем, неудивительно. А ведь это Пушкинская площадь, Пушка, как небрежно произносил Вадим, самый что ни на есть центр Москвы.

Кирилл проводил много времени в центре, потому что боялся заблудиться в городских закоулках. Он и ездить домой предпочитал через Тверскую, самую забитую, но изученную трассу. А Пушки он просто любил. Оставлял «хонду» на платной парковке и шел гулять по площади и окрестностям. Сидел на бульваре, разглядывая стайки лесбиянок, которые облюбовали это место для своих тусовок. Обычные девчонки, молодые, веселые; если ничего о них не знать, то даже привлекательные. Хотя большинство из них страшенькие. Тем более не стоит бросать в них камень — некрасивые тоже должны иметь свой шанс на счастье, пусть даже такое странное.

Не было дня, чтобы какие-нибудь парни не попытались познакомиться с этими раскованными девушками, и Кирилл от души развлекался, наблюдая, как юные последовательницы Сафо презрительно отшивают непрошенных ухажеров.

Потом он шел к Пушкину, тихонько приветствовал Александра Сергеевича, вместе с ним изучал народ, ожидающий кого-то под памятником. Ему были симпатичны люди, которые назначают свидание у Пушкина. Среди них было много одухотворенных интеллигентных лиц, много женщин и мужчин среднего возраста, хотя попадались и совсем юные ребята. Он любил наблюдать встречи, радостные улыбки, поцелуи, вручение цветов и погружение парочек в бурное море московских улиц. В такие моменты он сам себе казался молодым, восторженным, влюбленным, ждущим кого-то возле старого друга Пушкина.

Кириллу нравилась жизнь зеваки. Она отвлекала его от всего запутанного, постыдного и соблазнительного, что ждало дома. И от угрызений совести, которые разбухали ватным комом по мере приближения дня и часа, когда по уговору со Светкой он должен был звонить в Петрозаводск. Он вообще ненавидел телефонные переговоры и каждый раз говорил себе, что надо заранее готовиться к беседам с домашними, да и с Вадимом тоже, и тогда общение пройдет гладко и безболезненно. Но подсознание запихивало эту полезную идею в дальний угол, вместе с другими неприятными мыслями, и она вылезала только задним числом, после очередного бестолкового разговора.

Здесь, на Пушке, Кирилл и встретил приятеля. Причем не Вадимова, а своего.

Он пробирался через праздную толпу, окружившую продуктовые киоски, с вполне прозаической целью — ему надо было в туалет. Настоящий Вадим Колосов в такой ситуации, наверное, заходил в хороший ресторан или кафе, заказывал какую-нибудь изысканную мелочь и важно удалялся за неприметную дверцу. Но для Кирилла каждое посещение дорогого кабака до сих пор было испытанием. Ему казалось, что невозмутимые мальчишки на фейс-контроле высматривают на его манжетах пятна, выдающие плебейское происхождение, а официанты отмечают каждый неловкий жест и неуверенную интонацию. В безукоризненной вежливости персонала ему чудилась издевка. Короче, в качестве общественной уборной его вполне устраивал «Макдоналдс».

И тут кто-то тронул его за плечо. Вздвогнув, Кирилл обернулся и оказался лицом к лицу с улыбающимся богатырем, чья обширная лысина, как линза, концентрировала солнечные лучи и сама сияла ярче солнца посреди жесткого рыжего ежика. Богатырь был одет в отличный костюм с алым галстуком, и его красная мясистая физиономия казалась Кириллу страшно знакомой. Он только никак не мог припомнить, где он видел этого лысого...

— Не узнал? — еще шире улыбнулся лысый. — Просто я тогда был с волосами. У меня твое имя тоже вылетело. Никакой памяти на имена. Сергей?

— Вадим, — осторожно поправил Кирилл.

— Точно, Вадим. Сейчас погоди, фамилию сам вспомню. Колосов? Йес! А я Илья, Илюха Михлин. Ну, вспомнил? Кавказ!..

И Кирилл действительно вспомнил Кавказ, их сплав на байдарках по горной речке и рыжего, никогда не унывающего Илюху. Это было безумно давно, в нереальном прошлом, в другой жизни, но две недели бок о бок, в одной байдарке, в одной палатке, из одного котелка — такое остается навсегда, как первая любовь. И это было с ним, черт возьми, а не с братом, чью холеную шкуру он носит второй месяц, забывая уже, как его зовут на самом деле. Правда, Илюха Михлин теперь тоже будет звать его Вадимом, но эти издержки конспирации можно потерпеть.

— Здорово все-таки! — рокотал Михлин. — Идешь по улице — а тут Вадька Колосов. Аж горным ветром повеяло. Слушай, ты занят? Меня тут один деятьель продинамил. Иду злой, голодный, как собака. Пойдем посидим где-нибудь за встречу!

— Я за рулем, — робко заметил Кирилл.

— Так ведь и я не на веслах. Мне еще на службу. Посидим всухую, за обедом. Пошли, угощаю!..

— Ну, пошли, — согласился Кирилл, сообразив, что спешить ему некуда, а туалет в ресторане наверняка будет.

В кафе «Пирамида» Кирилл выбрал столик у окна — он не мог ни на минуту лишиться себя удовольствия разглядывать прохожих на своей любимой Пушке. За обедом они с

Илюхой вспоминали поход и девчонок, хохотали, заставляя оглядываться солидную публику. О настоящем не говорили. Только однажды Илья вдруг спохватился:

— А ты ведь в каком-то другом городе жил. Теперь в столицу перебрался?

— Угу, — насторожился Кирилл. Он знал, что не отличается быстротой реакции и любой каверзный вопрос может загнать его в угол.

— Чем занимаешься? — не отставал Михлин.

— Э-э... литературоведением.

— О, супер! А мне казалось, ты больше к физике тяготеешь. Я ведь тоже пописываю...

Ну, не надо о грустном.

Колосов и не собирался о грустном.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

На прощанье Михлин вручил другу свою визитку, которую тот рассеянно сунул в карман, не читая. Сам Кирилл, помявшись, продиктовал номер своего мобильного. Вернее, Вадькиного, но того, который сейчас кирилловский, тьфу, запутаешься. Он тут же запоздало подумал, что настоящая путаница возникнет, когда все вернется на круги своя, в том числе и телефоны, и Илья начнет звонить по этому номеру своему старому другу Кириллу, а попадет к ничему не подозревавшему Вадиму... Ну и навязал братец узлов! Ладно, как навязал, так и распутает, а он, Кирилл Колосов, в это время уже окажется далеко, у себя в Петрозаводске, и будет жить своей жизнью.

Они с Ильей похлопали друг друга по спине и разошлись, уговорившись «связываться».

Возвращаясь на работу, Илья пытался вспомнить, что еще ему навевает вдруг всплывшее имя Вадима Колосова, кроме путешествия по рекам Кавказа. Литературоведение... Может, он читал что-то? Но от литературы и ее ведения Михлин был далек. Зайдя к себе, он открыл в компьютере базу данных, но никакого Колосова там не оказалось. Пришлось звякнуть всеведущему Леониду Матвеевичу и спросить этот ходячий справочник «Who is Who», кто есть Колосов.

— Не «кто», а «что» — золотая рамочка, — ворчливо ответил Матвеич. Он уже собирался домой, и Илья поймал его у двери. — Никто твой Колосов, пустое место.

— А откуда вы его знаете? И я тоже?

— А откуда ты его знаешь? Он вроде бы нигде не рисовался.

— Да кто же это, Леонид Матвеевич, не томите девушку!

— Тебе, девушка, на Колосова заглядываться нечего. Он Зять. Чей-чей... Ну, думай, чьих зятьев ты не знаешь. Ага, прояснилось в голове. Вот именно. Но номер твой, Илюша пустой, даже не знаю, откуда и зачем ты его вытянул. Да объясняю, что ж вы, молодежь, такие нетерпеливые! Колосов Вэ-Гэ входит в семью чисто номинально, к телу не допущен и никакой информацией не владеет. Проверено. Кем надо, тем и проверено. Тут люди немножко раньше тебя родились. Так что лови в другом болоте, только время потеряешь.

— Угу, мерси на добром слове, — пробормотал Михлин и повесил трубку.

Бегло проанализировав свой треп с Вадиком Колосовым, Илья понял, что Матвеич, скорее всего, прав. Вадим держался довольно скованно, о себе говорил неохотно, и это легко объясняется. Если ты принц-регент без права голоса и вклада, тебе лучше вообще не афишировать принадлежность к августейшей фамилии, чтобы не вызывать насмешек и вопросов, на которые нечего ответить.

Тем не менее имя его где-то мелькало. Значит, журналюги на первых порах подъезжали к нему и сразу соскакивали, как только выясняли его несолидный статус. А это обидно, с

какой стороны ни посмотри. Видно, Колосов наглотался этих обид досыта, потому и избегал любых посторонних тем, кроме воспоминаний юности. Он наверняка в курсе, кто такой Михлин и чем он занимается. Просто до сих пор не связывал имя экономического обозревателя модного еженедельника со своим походным приятелем. Неудивительно — ведь и сам Илья слышал в каких-то кулуарах о Вадиме Колосове, но не сообразил, что знает его.

Поразмыслив, Илья решил знакомство с Вадимом продолжить. Во-первых, он хороший парень — был и, похоже, остался. Во-вторых, с ним хотя бы есть, о чем поговорить. С каждым годом в кругу общения Ильи Михлина становилось все меньше людей, которые ничего от него не хотели и от которых ничего не хотел он. Даже старые друзья в компании журналиста опасались лишней раз раскрыть рот. Потому с большинством своих знакомых Илья говорил либо строго по делу, либо о тошнотворно политкорректных вещах вроде гольфа, автомобилей и погоды на знаменитых курортах.

То ли дело Вадим Колосов, с которым можно отдыхать душой, вспоминая романтическую юность. Илья почувствовал себя помолодевшим от этого разговора, как будто окружающую его грязь и мразь не полностью, но хоть отчасти смыло хрустальной водой горных речек.

В-третьих, Вадька сам одинок и нуждается в друзьях. Это сразу видно — и неудивительно. Прежние друганы откололись, потому как рылом не вышли, а для круга жены и тестя рылом не вышел он.

И все же странно, что он так охотно пошел на контакт с Михлиным — в его положении это довольно рискованно. Да еще демонстративно уселся с ним трапезничать прямо у окна, на виду у всей Пушки, где их могли лицезреть сотрудники сразу нескольких редакций и издательств. А ну как стукнут папе-олигарху, что зять обедает с модными журналистами!

Но Вадим взрослый человек и, наверное, знает, что делает, он ведь не первый год замужем за скандальными миллионерами. Может, таким образом он хочет показать, что ему так же плевать на семью, как семье — на него. Ну что ж, Илья не против помочь старому приятелю устроить такую демонстрацию протеста. Он готов встречаться с Вадимом просто так, без дальнего прицела. Можно позвонить ему на следующей неделе, пригласить в сауну или в боулинг. В конце концов, если Колосову это знакомство не нужно, он откажется, только и всего.

Не исключено, впрочем, что Вадим не случайно сделал стойку на Михлина и он ему необходим именно как журналист. Что бы там ни говорил мудрейший Леонид Матвеевич, совсем ничего не знать Колосов не может. Возможно, зять великого человека потянуло на подвиги и он решил поведать миру кое-что из того, что может всколыхнуть народные массы. Или еще не решил, но такое решение зреет. В тот момент, когда оно созреет, Илье Михлину не мешает оказаться рядом. Очень даже не мешает.

Кирилл бы несказанно удивился, узнав, какие сложные мотивы приписывает ему случайно встреченный знакомый. Он уже отошел от первого испуга и подумал, что было бы здорово повидаться с Илюхой еще раз — ведь это человек из такого давнего прошлого, которое не имеет отношения ни к Вадиму, ни к Алине, ни ко всей их истории.

Лелея воспоминания о приятно проведенном дне, Кирилл опять не успел обдумать, что он скажет Вадиму, который на этот раз вызвал его на личную встречу.

Как и следовало ожидать, утром во вьетнамской забегаловке было пусто. Вадим заказал для них двоих рисовую лапшу. Кириллу было все равно.

— Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка, — проворчал Вадим, с усмешкой наблюдая, как брат неловко орудует палочками. — Ты должен уметь это делать, как я. Или уже нет смысла учиться? Как продвигается?

— Что продвигается? — машинально переспросил Кирилл, уныло ковыряясь в липкой лапше. Он прекрасно знал, что должно продвигаться.

— Алина не беременна? — брякнул Вадим в упор.

— Н-не знаю.

— А кто знает?

— Нет. Думаю, что не беременна.

— Думаешь или знаешь?

— Ну, знаю.

— Спрашивал?

— Спрашивал.

— Прекрасно. А почему?

— Что почему?

— Кира, не валяй дурака. Ты приехал не развлекаться, а работать. Почему работа не сделана?

— Откуда мне знать! Я не врач.

— Слушай, я не шучу. Если бы я хотел, чтобы оплодотворением моей жены занимался врач, я бы пошел к врачу.

— Ну, не получается пока. Что ты пристал! Это же не происходит по заказу.

— Нет, дорогой мой, у тебя это должно произойти по заказу. А раньше как получалось? Может, мне Светку спросить?

— Вадь, я сам не знаю. Может, у нее какие-то проблемы.

— У нее проблем нет, мы проверяли. Ты хоть спишь с ней?

— Да.

— Часто?

— Часто, — буркнул Кирилл.

— Как часто? Сколько раз в неделю? Что ты мнешься, как красна девица? Я тебе за это деньги плачу.

— Ну, семь, восемь, девять...

— Как девять? — удивился Вадим. — В неделе семь дней!

— А в дне двадцать четыре часа! — огрызнулся Кирилл. — И мне, кроме этого, занять их нечем. Тем более, за *это* ты мне деньги платишь!

— Силен, бродяга, — восхитился Вадим. — Ну и как? Нравится тебе?

Он почувствовал что-то похожее на ревность. Тем более что по глазам брата понял: нравится! И ему, и Алине. Она бы не кувыркалась с ним по нескольку раз в день только ради ребенка. Ей-то торопиться некуда.

— Нравится — не нравится, — сердито поддразнил его Кирилл. — Я не развлекаюсь, а работаю.

Вадим промолчал. Вот оно что. Им хорошо вместе. Они нашли друг друга. Наверное Кира действительно знатный трахальщик, если сумел так раскрутить Алину. А она думает, что это результат лечения, и наслаждается неожиданно повторившимся медовым месяцем.

Тем более что их настоящий медовый месяц был довольно вялым — Вадим еще не отошел от обстоятельств своей женитьбы и в спальне ему чудилось недреманное око тестя.

Ну, а Кирилл, петрозаводский Казанова? Ему просто по кайфу, что никто не достает, дети не орут, жена не пилит, на работу ходить не надо, молодая баба под боком, а главное — бабок завались. Вот он и тянет резину. Резину?.. Нет, презерватив там вряд ли присутствует, все-таки они поставили задачу родить ребенка. Но, может, Кирилл украдкой использует какой-то другой способ предохранения. Вадим знал, что наука в этой области шагнула далеко вперед, хотя в деталях разобрался плохо.

Итак, если представить, что брат решил обдурить его и превратить беременность Алины в желанную, но недостижимую цель вроде построения коммунизма... Да запросто! Мы строим, мы работаем, мы все ближе с каждой пятилеткой. Вадиму нужен результат, никуда не денешься, и пока результата нет, он будет безропотно платить, а этот мудила — оттягиваться за его деньги. Неплохо придумано!

Вадим не был уверен, что все обстоит именно так, но ему хватало одних подозрений. Он разозлился. Никто не смеет делать из него лоха, тем более этот гондон, донашивающий его штаны.

— Ну вот что. Даю тебе сроку еще месяц. Если ничего не случится, закрываем лавочку. Может, у тебя тоже с возрастом проблемы появились. Будем считать эксперимент неудавшимся.

— А бабки? — заикнулся Кирилл.

— Аванс ты уже прожрал, черт с тобой. Больше, естественно, никаких бабок. У тебя с собой сколько?

Кирилл молча достал бумажник — его бумажник! — и протянул брату. Вадим бегло пересчитал деньги и забрал половину толстой пачки. Потом подумал и взял еще.

— Понадобится, попросишь у Алины, — сквозь зубы прокомментировал он. — Так запомнил? Месяц! Время пошло.

К вечеру, напозавшись по земле и налазившись по деревьям, натаскавшись тяжелых ведер и надышавшись яблочным духом, обессиленные Люба и Наташа устроились в саду под раздвоенной березой, где стоял хромоногий столик, висел гамак и старые, уже почти не востребованные качели. Отсюда только что отчалило в сторону озера младшее поколение. Несмотря на надежды обеих мам, Настя не пожелала найти общий язык с четырнадцатилетним Юрой и совсем уже салагой шестиклассником Никитой. Яблоки они собирали в гордом молчании. Только к концу дня, после долгого раскачивания в гамаке, их высочество милостиво согласилось совершить прогулку по окрестностям.

Наташа с наслаждением улеглась в освободившийся гамак и выудила из-за спины книгу в любимом карманном формате, но Любочка сказала: «Не вздумай» — и разложила на столике материалы «дела» — свои заметки, тщательно записанные отчеты Лены и Карины, листочек с данными, полученными Мариной Станиславовной от Барабаса, и Настины рисунки.

Она казалась озабоченной, но счастливой от того, что дело не закончено, в нем есть еще какая-то тайна и ее надо разгадать. От уныния, которое охватило ее после встречи с Колосовым, не осталось и следа. Любочка снова шла по следу, и ее курносый носик даже чуть-чуть подергивался от нетерпения, как у охотничьей собаки.

— Давай с самого начала. Что у нас есть на сегодня? Благородный Вадим, который подложил своей жене брата-близнеца, чтобы она забеременела, потому что сам он детей иметь не может. Почему тогда не усыновить ребенка?

— Некоторые люди не хотят чужого, — заметила Наташа.

— Ну и дураки. Столько малышей брошенных в детских домах, хоть своих не рожай, так их жалко. Ну, ладно, не в этом суть. С другой стороны, выясняется, что эта самая жена, которая так мечтает о своем ребенке, пьет противозачаточные таблетки. Вопрос: кто кому врет про ребенка? Вадим нам или жена — Вадиму?

— А ведь она пьет их недавно, — напомнила Наташа.

— Точно! И — подожди-ка, как там Ленка говорила? Спираль ставить не хочет, потому что это на долгий срок. То есть она решила принимать таблетки недавно и ненадолго. Что это означает?

— Что она обо всем догадалась и не хочет беременеть от чужого мужика. Ты об этом?

— Об этом. Молодец, подруга, сечешь в корень.

— А почему она продолжает с ним жить?

— Этого мы не знаем. Но не знаем, кстати, продолжает она с ним жить или нет. Когда он приходил к нам на стрижку? С тех пор могло что-то измениться.

— Я не думаю, — возразила Наташа. — Ты помнишь, Леночка говорила про эту женщину, что она спокойная и... какая еще?

— Приветливая, — подсказала Люба, заглянув в записи.

— Представь, что ты обнаружила на месте своего мужа кого-то другого. Приветливой ты, может, еще останешься, но спокойной...

— Возможно, она его боится, — рассуждала Любочка. — Только непонятно кого — Вадима или близнеца. Хотя испуганной она тоже не выглядит. Вообще-то Ленка еще молодая, она могла и не разобраться. Некоторые люди так умеют держаться, что нипочем не

догадаешься, что у них внутри. На портрете она вполне... довольная жизнью. — Любочка подвинула к себе рисунок и не без гордости заметила: — Хорошо девочка изобразила, правда?

— Обсуждаете новый сериал? — с усмешкой поинтересовался Наташин муж Сергей. Он чинил на лавочке дряхлую соковарку и вполуха слушал их разговор. — Какие-нибудь «Улицы обдолбанных ментов» или «Я всех затрахую сама»?

— Любаша ведет следствие, — сказала Наташа, потягиваясь в гамаке. — Мы вот-вот раскроем преступление. Только не знаем еще какое.

— Я уж представляю! — хмыкнул Сергей, подходя и разглядывая Любочкины бумажки. — Ого, целое досье! Я смотрю, девочки, дело у вас поставлено серьезно. А это кто рисовал, неужели Настюха? Вот молодец!

— Она рисовала со словесных портретов, — объяснила Любочка. — Очень похоже получилось. Это главный подозреваемый, это его жена, а это незнакомец, который встречался с же...

Она осеклась на полуслове, потому что подруга сделала ей отчаянный знак: замолчи!

Наташа всегда считала, что кровь отливает от лица только у героев романов. И вдруг она увидела, как это происходит с ее собственным мужем. Он стал не просто бледным, а каким-то пепельным. Портрет незнакомца с пустым лицом он держал за края, как будто боялся обжечься. А когда он поднял глаза, в них стоял настоящий страх.

— Наташа, — тихо произнес он, — и Люба. Вы знаете, кто этот человек?

— Да в том-то и дело! — воскликнула Любочка. — Мы его только видели...

— Вы его видели — а он вас?

— Вроде бы нет. Это наша новая косметичка Лена...

— Девочки, — внушительно сказал Сергей. — Я вас очень прошу. Прямо-таки настойчиво прошу. Просто приказываю. Слышишь, Наталья! От этого человека. От всего, что с ним связано. От мест, где он бывает. Как можно дальше! На другой конец земли! Ясно?

Он почти кричал.

— Ничуть не ясно, — сказала Любочка. Мужского крика она слышала предостаточно, и ее не так-то просто было взять на испуг. — Почему?

— Сереж, ты только не волнуйся, — успокоительно произнесла Наташа. — Нас никто не видел. А уж меня там и близко не было. Ты знаешь этого типа? Кто он такой?

— Кто такой? — пробормотал Сергей. — Хороший вопрос... Это вроде как мой начальник. Но кто он такой?..

Сергей Градов выразился не совсем точно. Человек с портрета не был его начальником в буквальном смысле слова. Формально ай-тишники^[4], к которым относился Сергей, конечно, подчиняются директору по общей безопасности, но на деле он редко вмешивается в компьютерные дела, потому что ничего в них не понимает. Отделом сетевой секьюрити командовал бывший фээсбешник Павлодарский, тип скользкий, но профессионал. А генеральный, Тимофей Петрович Андрущенко, появлялся в банке не так уж часто, и Сергей видел его считанные разы. Зато слышал о нем много.

Было известно, что Андрущенко — правая рука хозяина холдинга, в который входил банк. А если точнее — то не правая, а левая, о которой правая не знает, что она творит. Андрущенко выполнял самые щекотливые поручения и решал самые запутанные вопросы. Про него рассказывали вещи, которые сотрудники частных фирм держат в секрете от своих

жен не из-за подписки о неразглашении, а чтобы те спали спокойно. Приближенные называли его Тимур. Просто Тимур, без отчества и фамилии.

— Он кавказец? — спрашивали непосвященные.

Он не был кавказцем. Просто когда-то счел, что с таким именем его будут больше бояться. Он добился своего, и теперь его боялись, даже когда он назывался Тимофеем Петровичем. Но имя осталось, и он его любил. Подчиненные об этом знали.

Сергей слышал, например, историю о том, как несколько лет назад никому не известный Тимур устроился начальником секьюрити в компанию, чей хозяин был главным конкурентом босса Тимура, тоже в те времена малоизвестного начинающего предпринимателя. Разумеется, не прошло и года, как в работе конкурирующей фирмы начались необъяснимые проколы и накладки, и все кончилось банкротством, разорением и всенародным позором. Но это еще не все. В разгар катаклизмов семнадцатилетнего сына хозяина похитили и неделю держали в заложниках, пока отец не назвал реквизиты своих зарубежных счетов. После этого милиция обнаружила тело мальчика на городской свалке. Он был мертв уже шесть дней.

В мире бизнеса были склонны считать эти два события трагическим совпадением — мол, банкротство устроил Тимур, а убийство ребенка провернули посторонние, возможно, заезжие деятели. Даже российским беспредельщикам двойной удар казался слишком жестким. Можно отнять у человека последнее, но зачем отнимать все? Кое-кто, правда, подозревал, что у хозяина Тимура к тому парню был особый счет. И лишь немногие, в том числе и Сергей Градов, не сомневались, что и разорение фирмы, и похищение — дело рук Андрущенко и часть одного плана.

У Градова к Тимуру был свой счет. В банке он подружился с одним инженером, и они все договаривались собраться семьями, познакомить жен и детей, но не успели. Случилось несчастье — жена Геннадия покончила с собой. Повесилась на люстре прямо в спальне, над супружеской кроватью. Почему и как это произошло, никто не знал. На Гену было страшно смотреть, а не то что спрашивать его о чем-то.

Сергей тогда малодушно радовался, что не успел познакомить Наташу с семьей друга, — вот бы она переживала. Он вместе с другими ребятами старался, как мог, прикрыть Генку, который находился в состоянии транса, не понимал, что он делает, и сажал один ляп на другой. Но роковой ошибки избежать не удалось.

Получив приказ об увольнении, заторможенный Геннадий сперва почти не отреагировал. Но потом, наученный сердобольными кассиршами, отправился в кабинет к Тимуру и заплетающимся языком объяснил, что у него дети, мальчик и девочка. Если он останется без работы, кормить детей будет некому. Что ему делать?

И тогда Андрущенко спокойно вынул из ящика и показал бывшему подчиненному крепкую гладкую веревку.

Охранники, которые, как ни странно, оказались рядом с кабинетом шефа, быстро скрутили Гену, врач мгновенно приехавшей «скорой» вколол какой-то укол, обмякшее тело унесли на носилках, и больше Геннадия никто в банке не видел. Сергей несколько дней набирал домашний телефон, но ответа не было.

Эта история имела продолжение, о котором не знала ни одна живая душа, кроме Сергея и еще одного человека.

На следующий день после изгнания Генки его друг и главный заступник Сергей Градов получил предупреждение. Придя на работу, он обнаружил на своем столе ту самую веревку.

Или, может быть, другую.

Настоящий мужик должен был пойти к Андрущенко и бросить ему эту дрянь в лицо, в его подлую морду, швырнуть со всей силы, чтоб остался след от удара. Пусть ему после этого заламывают руки, увозят в психушку и выгоняют с работы. Но Сергей этого не сделал. Не потому, что боялся увольнения или преследований. Он просто боялся. Воровато спрятал веревку в непрозрачный пакет и выбросил в мусор.

Это воспоминание до сих пор обжигало его кипятком стыда, но он знал, что, случись такое снова, он все равно не найдет в себе сил поступить по-мужски. Мало того — каждый раз, входя в свою комнату, он еще от двери с ужасом смотрел на стол.

Градов бы не поверил, если б прежде ему сказали, что он будет так кого-то бояться в своей жизни. И в то же время он понимал, что не бояться Тимура нельзя, иначе пропадешь. Узнав, что Наташа и Люба каким-то образом пересеклись с Андрущенко, он испугался уже потому, что никаких иных эмоций, кроме страха и ненависти, этот человек у него не вызывал.

Сергей тут же решил взять с жены и ее подруга слово, что они немедленно прекратят свои игры в мисс Марпл и отцов Браунов. Но он не недооценил женскую логику. Вместо этого они почти убедили его, что не происходит ничего страшного, а наоборот, все интересно и загадочно, и взяли с него слово выяснить, какая связь существует между Тимуром и женой Вадима Колосова.

Узнать это не составило труда. Придя на работу, Сергей поднялся в пиар-службу, важно поведал восторженным девушкам про идею электронного фейс-контроля, которой одержим в последнее время Павлодарский, перелистал альбомы с презентаций и приемов и деловым тоном задал несколько вопросов. Чутье его не обмануло — женщина, которая встречалась с Тимуром, изредка, но присутствовала на снимках. И оказалась она ни больше ни меньше как дочерью владельца холдинга, человека, чье имя было так обмусолено желтой прессой, что среди рядовых сотрудников оно не произносилось вслух. В банке говорили просто: там, наверху.

Если некий клиент салона красоты по фамилии Колосов решил обмануть женщину, за которой стоит семья «там, наверху», он либо очень смел, либо глуп и самонадеян. Сергей Градов встречал на своем веку довольно мало смелых людей, поэтому он предполагал второе.

Отец Алины Колосовой, он же хозяин Тимура, он же владелец банка, где работал Сергей Градов, раз в неделю просматривал подборку публикаций о себе, Великом и Ужасном. Как правило, они его больше веселили, чем раздражали, недаром обзор прессы он проводил в конце недели, в качестве развлечения на выходные. Этих развлечений ему хватало на полчаса, и обычно они совпадали с семейным завтраком.

В этот раз бульварный журнал написал, что Великий и Ужасный собирается купить спутник. «Почему не Луну?» — проворчал он, оскорбленный тем, что ему приписывают слишком мелкую для его размаха сделку. Но его юмора никто не оценил. Жена печально накручивала на вилку какие-то фиолетовые водоросли и беззвучно бормотала мантры, которые необходимо было повторять, вкушая пищу просветленных. А охранник не был обучен реагировать на шутки хозяина.

Алина бы, конечно, посмеялась над папиным остроумием и добавила бы что-нибудь свое, еще более едкое. В часы, а точнее, минуты редкого семейного досуга ему не хватало ее. Он подумал, не пригласить ли дочь с мужем в гости, допустим, на следующей неделе — там, кажется, есть какой-то временной просвет.

Нет, лучше позвать одну Алину, хоть это и неприлично. При мысли о ее муже он привычно подавил чувство омерзения, подобное тому, какое в детстве вызывали у него жирные волосатые гусеницы. Родственники — это крест, который должен нести каждый, и он, увы, не исключение. За все золото мира ты не заставишь близких быть такими, как тебе хочется. Алина сделала то, что сделала, это ее право. А у него есть право ограждать себя от неприятных ощущений.

Он не был таким уж равнодушным отцом, и, конечно, его волновала судьба дочери. Просто он считал, что человек должен сам строить свою жизнь. Как дом — что построил, в том и живешь. Его самого никогда никто не опекал, не поддерживал, не защищал — именно поэтому он стал тем, кто он есть. Алина выросла в тепличных условиях — папины деньги, папино имя, папины связи и так далее. Все, что у нее было, она воспринимала как должное и слишком мало ценила, даже могла чем-то высокомерно пренебречь — карьерой, выгодным браком. Например, решила изучать литературу и вышла замуж за бородатого бездельника с блудливыми глазами. За потасканного болтуна, который влез в постель к своей студентке, девочке с богатым папой, и заморочил ей голову, как последний сукин сын.

Карманные деньги — вот все, что этот охотник за приданым будет иметь от семьи тестя. Так решил Великий и Ужасный, когда Алина сообщила ему о своем замужестве. Карманные деньги, как школьник, и гостинцы к праздникам, передаваемые через слуг. И пусть подавится.

Зятя он за глаза называл «Мочалкой». Он не любил бородатых, волосатых и прочую шушеру и не доверял мужчинам, которые занимались пустопорожними бабскими делами: сочинением книжек и статей, рисованием картинок, музыкой. Конечно, если ты Толстой или Хачатурян, или, на худой конец, Кобзон, еще куда ни шло. Но Колосов Вэ-Гэ не имел никакого права на существование среди уважающих себя людей. Алина могла бы выбрать что-нибудь более приличное. Могла — но выбрала именно это.

Великий никогда не ждал поддержки от людей, даже самых близких. Не надеялся, что они будут болеть за его дело, разделять его заботы, нести ответственность за семейную

честь. Да и что она такое — семейная честь, если не сопли из бразильского сериала...

Он сам разберется со своими делами. Единственное, чего он требовал от окружающих, — не нарушать *его* правила. Пока Мочалка соблюдал правила, он готов был его терпеть. Разумеется, если его терпит Алина — он был уверен, что дочери рано или поздно наскучит седеющий ловелас и она найдет себе другую игрушку или действительно встретит стоящего человека.

Но вместо этого Алина поставила цель во что бы то ни стало родить ребенка. От Мочалки, бр-р... Вообще, непонятно, откуда взялась эта одержимость: пример собственной матери мог только отвратить девочку от желания иметь детей, а других семей она не видела. Очевидно, природа все-таки берет свое.

Ладно, пусть рождает, может, это к лучшему. Погрузившись в заботы о младенце, она отвлечется от своего благоверного, и того можно будет аккуратно вывести из игры. Возможно, Алина даже не заметит потери бойца, в ее возрасте материнство поглощает женщин целиком. Ради такого дела Великий согласен даже оплатить лечение Мочалки от бесплодия, хотя проще было бы оторвать ему яйца раз и навсегда. Ну ничего, еще успеется.

От этих умиротворяющих мыслей и оттого, что в прессе никаких опасных гадостей в этот раз не было, Великий человек пришел в хорошее настроение.

— Вера, — негромко позвал он жену.

Та медленно подняла длинные ресницы, посмотрела на него отрешенным взглядом. Когда-то она с ума сходила, пытаясь сохранить молодость и красоту, проводила полжизни в каких-то ваннах, обертываниях, массажах, перестала улыбаться и почти не говорила, чтобы избежать появления мимических морщин. Вместо того чтобы есть, Вера через едва открытые губы «принимала пищу», и по большей части мягкую, которую не надо жевать. О супружеских обязанностях нельзя было и заикаться. Даже дотронуться до нее — упаси бог! Чужой пот, чужая секреция, не говоря уж о механическом раздражении, причиняет необратимый ущерб нежной коже!

Вначале он пробовал ее дразнить, нарочно щипал и тормозил. Она стала избегать его, уезжала или запиралась в своей спальне, когда он бывал дома. Впрочем, это случалось все реже. Он и так-то много работал, а от этого безумия и вовсе начал спасаться в офисе, перенеся туда всю свою жизнь, в том числе и интимную — мягкий диван, жесткий регламент, прекрасно обученный персонал.

К счастью — уже не для него, а для себя, — в какой-то момент жена поняла, что время не ухватишь за хвост. Теперь пришла очередь духовного самоусовершенствования. Китай, Индия, Шамбала, беседы с духами, водоросли в тарелке.

— Вер, помнишь, как Алинка родилась? — спросил он.

Спросил на всякий случай, для проверки. Он знал, что последует в ответ, но вдруг случится чудо...

Последовало ровно то, чего он ожидал. Жена несколько секунд пребывала в ступоре, видимо, процеживая вопрос через прану, потом не спеша кивнула, опустив глаза: мол, помню. Просветленные не любят многословия.

— Люди приходят в этот мир, чтобы пройти сквозь него в высшие миры... — прошептала она как бы про себя.

Ё-мое, подумал он, ну за что мне это. Впрочем, ясно, за что. У тебя свои игры, у нее свои. Когда перед тобой стоял выбор — быть нежным мужем и заботливым отцом или крутить бизнес, ты даже не задумался. И не спросил, как к этому относятся самые родные

люди — жена и маленькая Алинка. Так чего же ты хочешь от них?

Теперь, должно быть, к старости, его все чаще посещали философские мысли о родственной близости, о семье, и он досадовал на то, что семья давно превратилась в голую формальность. Жена с головой ушла в мистику, а дочь замужем за человеком, которого противно пускать на порог. Недосмотрел, упустил.

Про себя он решил, что с внуком все сложится по-другому. Он будет много с ним разговаривать, постепенно посвящать в дела и вырастит своим единомышленником. Вот только Мочалку для этого надо будет нейтрализовать, однозначно.

А если будет внучка? Ну что ж... Из девочки тоже можно сделать человека. У Алинки, например, ясная голова. Жаль...

— Вера, твоя душа готова стать бабушкой? Ты встретишь нового человека, который придет в этот мир?

Теперь он уже явно подкалывал ее, но она не ответила.

Да, не повезло Алине с родителями.

В какой-то момент он подумывал привлечь дочь к делу. Однажды, еще совсем молодая, она дала ему неглупый совет. Они вот так же сидели за завтраком, только втроем, и он зачитывал самые выдающиеся перлы из публикаций о себе, любимом. Вера лишь слегка шевелила ресницами — то была решающая стадия в борьбе с беспощадным временем, а Алинка хохотала, откидываясь на стуле и обхватывая руками колени в пестрых колготках — в старших классах она вдруг полюбила яркие цвета и короткие юбки.

— Знаешь, папа, — сказала она, отсмеявшись. — Тебе надо самому распускать такие слухи. Чем абсурднее, тем лучше. И пусть твои люди их регулярно пристраивают в газеты. Тогда, если кто-то нарочит на тебя настоящий компромат, он в этом бреде просто потонет.

Мысль была вовсе не такой наивной, как казалось ей самой. Но у него в то время не было помощников, способных организовать эффективную дез-пресс-службу. Тут нужна была, кроме преданности делу, фантазия, дерзость и здоровое чувство юмора.

— Возьмешься? — спросил он в лоб.

Наверное, для нее это был слишком резкий переход от легкомысленного воскресного трепа к тем нудным, нескончаемым, ненавистным делам, которые день за днем отбирали у нее отца. Она сразу поскучилась и помотала головой. Увидев, что он разочарован, пробормотала извиняющимся тоном:

— У меня же уроки...

Второй раз он не предлагал, это было не в его правилах. А она еще и еще раз обозначила свое отношение к его интересам, сначала выбрав постороннюю, никому не нужную профессию, потом выйдя замуж за Мочалку. Но все равно она оставалась его дочерью.

То, что перед посторонними он демонстрировал полную отстраненность от семьи дочери, — это особая тема. Он намеренно выключил их из круга своего делового общения, но не из-за обиды на Алину и не потому, что не переносил Мочалку. Он попросту постарался оградить их от внимания журналистов — и преуспел в этом. Нынешнее поколение писак даже не подозревает, что у него есть взрослая дочь, и сопляки с фотоаппаратами не караулят ее у подъезда. Потому Алина может жить в обычном доме и ездить без охраны, о чем она мечтала, еще будучи стеснительным подростком и страдая от жадного внимания чужих глаз. А газеты чморят Великого человека по любому поводу, кроме одного. Никто не знает, что его зять — жалкая ничтожная личность.

Алина еще изредка появлялась на парадных приемах и презентациях, но Мочалка

допускался к ним, лишь когда была уверенность, что он потеряется среди сотен гостей.

Здесь имелся еще один расчет. Демонстративное пренебрежение зятем позволяло изредка, не чаще одного раза в году, прибегать к его помощи в очень щепетильных вопросах. Разумеется, Мочалка исполнял роль слепого и немомо инструмента и понятия не имел, для чего едет туда, не знаю куда, и передает то, не знаю что, неизвестным людям. Делал он это со страхом и отвращением, вопросов не задавал, понимая, что от многия знания печали могут быть просто немислимые.

Стараниями Великого зять приобрел неоценимое достоинство — за ним не следили и не наблюдали, в отличие от самого патриарха, его приближенных, помощников приближенных и всех людей, имеющих хоть малейшее отношение к делам. Мочалка, отверженный мезальянс его своенравной дочери, был никому не нужен, как Неуловимый Джо, и в этом своем качестве порой очень полезен.

А ведь никакого временного просвета на следующей неделе не будет, вспомнил Великий. Ему нужно срочно и сверхсекретно отправиться в зарубежную поездку. Он чуть не забыл об этом, потому что в официальном расписании его дел это мероприятие не значилось. О нем знали считанные люди из самых надежных.

Он едет один. Билет и паспорт на чужое имя уже готовы. Послезавтра он прибдет на Озерковскую в один из своих офисов и пропадет там на пару дней, как уже случалось не раз. В аэропорт его отвезут с двумя пересадками, этим занимается Тимур. А вот на обратном пути его должен встретить человек, не вызывающий никаких подозрений. Посомневавшись, он все-таки остановил свой выбор на зяте. Придется полтора часа потерпеть близость волосатой гусеницы. Этот слизняк давно ничего путного не делал, пусть отрабатывает свои карманные бабки не только в постели у Алины.

Кирилл позвонил очень поздно, когда Таня уже легла — у нее наутро была назначена важная встреча. Вадиму, напротив, спешить завтра было некуда, и он хотел почитать перед сном. Он собрался было устроиться на кухне, но Таня попросила, чтобы он побыл рядом, а свет бра ей совсем не мешает.

Вадим уселся в кресле, укутал ноги пледом (в последние дни лета похолодало, но закаленная Тата продолжала держать балкон нараспашку) и раскрыл Рокуэлла Кента, наслаждаясь сказочным комфортом. И тут его мобильник запел «Оду к радости».

Нет ничего отвратительнее и наглее телефонного звонка, разбивающего хрупкую тишину ночной квартиры. Он ничем не лучше камня, разносящего вдребезги оконное стекло. Вадим вскочил, как ошпаренный, уронил книгу, запутался в пледе, ударился коленкой о журнальный столик, чертыхнулся — и Таня, конечно, проснулась, подняла с подушки встрепанную светлую голову. Схватив проклятый телефон, он махнул ей — спи! — и захромал в кухню.

— Чего тебе? — спросил он невежливо, успев разглядеть номер Кирилла, точнее, свой бывший номер.

Но брату было не до обид и политеса. Он говорил тихо и быстро, по всей вероятности, прямо из дома, и Алина была где-то неподалеку.

— Вадь, у меня проблемы! — прошептал он испуганно.

У Вадима заныло в животе. Он не любил проблем, и нежный желудок интеллигента моментально реагировал на них тоскливой болью и тревожным урчанием.

К счастью, проблема, которую сбивчиво изложил ему Кирилл, оказалась полной ерундой. Вадим сначала рассердился, что брат на ночь глядя пристает к нему со всякой мутотенью, но потом сменил гнев на милость, тем более что чуткий к переменам живот тут же успокоился.

Итак, речь шла о том, что Кирилл, то есть Вадим, поскольку информация адресовалась ему, должен завтра с утра съездить в Шереметьево и встретить рейс из Лондона. Повезло парню!

Совершенно умиротворенный Вадим снисходительно растолковал брату, что это одно из редких поручений тестя, которое, разумеется, надо выполнить по первому свистку. «Везение» Кирилла состояло в том, что такие задания поступали не чаще раза в год. Вадим никак не мог ожидать, что оно выпадет на время их рокировки, и потому не предупредил брата о подобных подарках судьбы.

Он попробовал дать ему необходимые инструкции, но Кирилл совсем запаниковал. Алина сказала, что нужно встретить самого папу, а это никак не возможно. Кирилл его даже не знает в лицо, только по газетным фотографиям, да и в Шереметьево ни разу в жизни не был.

— Там от Ленинградки прямое шоссе! Прямое, как твои извилины! — шепотом кричал Вадим в трубку, боясь снова разбудить Таню.

— А где я буду искать зал прибытия? И этот рейс? А если не найду и опоздаю? А вдруг он начнет со мной говорить, а я не знаю, что ответить? Он же сразу обо всем догадается! Вадька, нет, слушай, поезжай сам, — лихорадочно шептал ему в ответ Кирилл.

Тащиться с утра в Шереметьево было ну очень некстати. Но Вадим в конце концов

понял, что другого выхода нет. Этот слюнявый действительно закатит истерику и все испортит. Тесть — человек на редкость подозрительный, наблюдательностью его бог не обидел, догадаться может запросто. Рисковать не стоит, ему хватит прокола с парикмахерской. Они договорились встретиться на Речном вокзале, где Кирилл отдаст Вадиму машину.

— Заправиться не забудь, — буркнул Вадим и отправился спать.

Испортил песню, дурак. Тихий вечер с Рокуэллом Кентом придется отложить до завтра.

Он постарался лечь как можно тише, но Таня спала чутко и тут же открыла глаза.

— Алина звонила? — спросила она протяжным сонным голосом.

— Да, — пробормотал он. — Извини.

— Что-то случилось?

— Ерунда. Тестя надо завтра из Лондона встретить.

— Тебе?! — Таня даже проснулась от удивления.

О том, что Вадим принимает участие в жизни и деятельности Великого человека, она слышала впервые.

— Ну да, тайны Мадридского двора. Не обращай внимания, спи.

— Ты уже ложишься? — Таня подвинула свою подушку ближе к его половине.

— А что делать? Завтра вставать ни свет ни заря. У тебя будильник на сколько стоит?

— На полвосьмо-ого, — промурлыкала она, зевая.

— Я свой поставил на семь. Наверное, выйду раньше тебя. Ну, спи, заяц.

— Спокойной ночи, милый, — прошептала Таня ему в плечо.

Но сама еще некоторое время не спала, дышала ровно, но глаз не закрывала и о чем-то думала.

Операция «Шереметьево» прошла без осложнений. Вадим приехал раньше времени, попил паршивый кофе в зале международных прибытий и обратил внимание, что лондонский рейс совершил посадку одновременно с самолетом из Анталии.

Пассажиры двух потоков вывалились в зал одновременно, и узнать тестя в этой толпе оказалось не так-то просто. Пожалуй, Кирилл в самом деле мог не справиться с этой задачей. В джинсовых бермудах, желтой гавайской рубашке, темных очках и соломенном сомбреро Великий человек имел уж слишком придурковатый вид — русо туристо, облик морале. Но зато он абсолютно сливался с праздной загорелой публикой, что, видимо, и было целью маскарада.

Вадим ожидал незаметного знака, но тесть направился прямо к нему, и они разыграли нежную встречу родственников после долгой отпускной разлуки. До машины они имитировали оживленное общение, но в дороге было задано лишь несколько дежурных вопросов про здоровье Алины и погоду в Москве. Тесть как будто хотел и перед ним изобразить возвращение с курорта.

Сделав несколько конспиративных кругов по городу, Вадим довез Великого до центрального отделения одного из банков. Жизнерадостный турист, в центре Москвы уже больше напоминающий иностранца в своих бермудах и сомбреро, бодро вскинул на плечо слишком легкую для трудового отпуска сумку и проскользнул в неприметную дверь служебного входа, не подавая виду, что является владельцем этого банка, да и не его одного.

— Я здесь, у меня все в порядке. А у тебя? — сказал Вадим, набрав номер.

У Тани с утра родилась идея совместного ланча, и она просила позвонить, когда он

вернется в город.

— Ага, у меня тоже. Только совещание еще не закончилось, — тихо ответила она, по-видимому, прикрывая телефон ладошкой. — Ты встретил?

— Да. Надо еще машину поставить на место.

Разумеется, он не собирался ехать к «Дому под парусом» и оставлять там машину, достаточно передать ее брату. Но Тане ни к чему об этом знать.

— Ты будешь заходить туда... к себе? — спросила она.

— Нет, не думаю. Зачем?

— Ну ладно, солнышко, меня уже дергают. Бай, целую тебя.

— А уж как я тебя...

Он улыбнулся своим мыслям и набрал номер Кирилла. Брат в ожидании «хонды» по-прежнему болтался где-то в парке Речного вокзала, разглядывая причудливые клумбы ежегодного фестиваля цветников. Достойное занятие для зятя олигарха. Хоть бы в бильярд для разнообразия поиграл, деревня!

Их с Таней ланч в безлюдном подвальчике возле Никитской оказался на редкость удачным, и Вадим подумал, что зря он в последнее время чурается ресторанов. Совершенно не обязательно ходить туда, где его могут узнать, в городе достаточно тихих, укромных и симпатичных мест. Никогда не следует отказывать себе в маленьких радостях, которые предлагает жизнь.

То, что произошло дальше, было вселенской катастрофой, но Вадим Колосов ее даже не заметил. Он не читал газет и журналов, а потому не узнал, что на следующий день после его поездки в Шереметьево в одном желтом издании вышла статья с претенциозным названием «Все реки текут в Лондон». Она была проиллюстрирована портретами известного всему миру человека, застигнутого камерой врасплох в момент зевка, глотания пищи или перешептывания с не менее знаменитыми собеседниками. В этой подборке ярким пятном выделялась гавайская рубашка и лоснящаяся физиономия другого персонажа, Вадимова тестя, который был вполне узнаваем, несмотря на сомбреро, темные очки и несвойственную ему радушную улыбку. На заднем плане просматривалось табло шереметьевского зала прибытия. Фото было подписано так же вычурно и бессмысленно: «Ария московского гостя». Из пространного текста становилось ясно, что Россию продали с потрохами, и даже те олигархи, что выставляют себя патриотами, на самом деле давно спелись с отщепенцами и предателями.

На ту же тему, но не так махрово, вскоре выступил солидный еженедельник, предлагающий читателю подумать, для чего некий российский предприниматель, претендующий на тендер в строительстве крупного нефтепровода, тайным образом посетил столицу Великобритании и с кем он мог там встретиться. Автор изъяснялся очень тонкими намеками, не называл никаких имен и сам явно прятался под псевдонимом, но, не рассчитывая на догадливость туповатого читателя, вплотную подводил его к ответам на каверзные вопросы. Статья называлась: «А и Б сидели на трубе».

Тот, кого бульварный листок обозвал «московским гостем», провел среди недели внеочередной обзор прессы и завибрировал так, что затрясло всех подчиненных сверху донизу. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять, что паршивые газетчики не только раскрыли тайну его поездки, но и проникли в самые сокровенные помыслы.

Он действительно раскатал губу на тендер, и у него, с его связями и чистой биографией,

были все шансы. А вот активов на данный момент не хватало, и он решил негласно ввести в долю некоего отщепенца, проживающего ныне за границей. Самое подлое — и этого не знал никто, даже приближенные и посвященные, — что лондонские переговоры закончились неудачей. У коллеги были свои планы на кровные миллиарды, он вообще старался изъять все свои деньги из закровов родины, чего от души желал и своему собеседнику, пророча в ближайшем будущем большие неприятности всему российскому капиталу.

У «московского гостя» еще оставались варианты найти недостающую сумму, но после вони, которую подняли газеты, с тендером можно было попрощаться. И это еще полбеда, тендер-то шут с ним, ухнетя этот, будет другой. Главное, теперь поползут слухи, что у него не хватает собственных капиталов, он разоряется, ходит на поклон к братьям-олигархам, чтобы занять в долг, и так далее. Раздутой истории с лондонской поездкой врагам достаточно, чтобы начать хоронить его заживо. Пупок у них развяжется от этих попыток и только, но убытков все равно не избежать. А если до зарубежных партнеров дойдет...

Олигарх не считал себя злым и мстительным, но ублюдка, который вольно или невольно продал хозяина, следовало размазать по стенке и прах развеять по ветру в назидание другим. Он лично накрутил хвосты службе безопасности и потребовал прошерстить все каналы, по которым могла утечь секретная информация. Перепуганные подчиненные просканировали каждого, кто появлялся в радиусе злополучных событий, и для порядка решили проверить Вадима.

Результат оказался обескураживающим. Через пару дней шефу безопасности Андрущенко доложили, что господин Колосов В. Г. уличен в контактах с журналистом, правда, из другого издания, не замешанного в «лондонской» травле, но того же пошиба.

Тимур вначале не поверил информации, но сведения подтвердились. Колосов даже дважды встречался с экономическим обозревателем Михлиным — один раз в кафе «Пирамида» и один — в боулинг-клубе «Апельсин». Михлин же был давно известен, среди прочего, как автор едких уничижительных статей об отмывании капитала, и олигархи — его тема. Правда, «компра» по поводу Лондона подписана никому не известными псевдонимами (люди Тимура успели выяснить, что журналистов с такими фамилиями не существует ни в данных газетах, ни вообще в Москве). Это не в характере Михлина, повернутого на собственной популярности. Но мало ли что бывает — наверное, даже такие наглецы опасаются гнева богов.

Оценив ситуацию, Тимур понял, что с писакой сейчас ничего нельзя сделать, не подставляя хозяина. От публикаций пошли круги по воде, скорый акт возмездия будет сразу связан с лондонским делом и вызовет нежелательный резонанс. Михлина придется оставить на потом, но черт с ним, никуда не денется. А вот предательство безответного зятя привело в замешательство даже невозмутимого Андрущенко. Он не ожидал от Мочалки такой прыти. Не иначе все смешалось в доме Облонских. Следовало готовиться к большим серьезным переменам.

Итак, ему остался месяц. Не все коту масленица. Вадим разозлился всерьез и вряд ли изменит свое решение. Что ж, это его право. Он платит, он и музыку заказывает.

Честно говоря, Кирилл и сам не понимал, почему их бурная личная жизнь проходит вхолостую. Ему было хорошо с Алиной, и он старался как мог. Она славная. Такая спокойная и строгая в быту — и такая безудержная в постели. Ничего подобного у него не было даже в бурной молодости.

Они ни разу за это время не поссорились и даже не повздорили — вот что удивительно. Или это особенность обеспеченного существования? Все есть, деньги считать не надо, если что — возьми на тумбочке. Так из-за чего собачиться? Сказка, а не жизнь.

Но ведь богатые тоже плачут. И скандалят, и расходятся, и убивают друг друга из-за денег. Или это только в сериалах? А истинные богачи все такие, как Алина, — сдержанные, аристократичные. «Налить еще кофе, дорогой?» «Я поеду по делам и зайду в магазин — что бы тебе хотелось на ужин?» «Я купила рубашку, надеюсь, тебе понравится, ты ведь любишь светлые тона».

Кирилл не любил светлые тона, они легко пачкались, и Светка одевала его в практичные темные ковбойки. Алина, понятно, ориентировалась на вкус своего мужа. Но дело было не в рубашке, которую на ее же деньги он мог купить и сам, а в ее голосе, такте и нежном взгляде, при воспоминании о котором у Кирилла становилось тепло в груди. Он старался не думать, что эта страсть и нежность адресована не ему, а Вадиму в благодарность за будущего ребенка и за усиленную заморскими врачами потенцию.

Интересно, как она отреагировала бы, если б узнала, что рядом живет совсем другой человек? Может, это все оказалось бы не так страшно — наоборот, она не пожелала бы с ним расстаться, потерять их потрясающие ночи и полные гармонии дни. И послала бы подальше этого козла, который готов одолжить такую женщину чужому мужику, чтобы не лишиться ее денег.

Вадим дерьмо. Во всяком случае, он совсем ее не любит.

Ну и какое мое дело, остановил себя Кирилл. Я-то разве люблю ее? Алину, жену брата, источник моего благосостояния? Нет, конечно. Стон, тогда что же означает это тепло в груди и эта трепетная радость, когдаходишь в дом и знаешь, что она — здесь?..

Да ничего не означает. Хорошее отношение. Особенность обеспеченного существования. Благодарность за потрясающие ночи и полные гармонии дни.

Неужели этого скоро не будет?..

Тогда, подъезжая к дому, он думал, что еще не поздно остановить такси, вернуться на вокзал, и пропади все пропадом. Измена Светке, обман чужой жены, торговля собственной спермой — все по отдельности, может, было не так уж и страшно. А вот вместе...

Вернуться и послать все подальше можно, только как Вадьке деньги отдавать? И как потом жить без его посылок?

Перестройка, взбаламутившая всю страну, практически не изменила жизнь Кирилла Колосова. Заводик, где он служил инженером, по ходу приватизации несколько раз переходил из рук в руки и менял профиль, отчего зарплата не росла, а, наоборот, уменьшалась в сравнении с ценами. Чтобы найти в их городке другую работу, нужно было

напрягаться, а этого Кирилл не любил. В самые трудные времена он подрабатывал ремонтом квартир и частным извозом, да и брат из Москвы подкидывал денюжат.

Эти ритуальные пожертвования начались с рождения первенца Мишки. Вадим прислал тогда телеграфным переводом символическую сумму с большим количеством нулей (в те годы все суммы были с нулями) и припиской, что подарков делать не умеет, так что пусть счастливые родители сами купят младенцу все необходимое. С тех пор деньги от дяди Вади регулярно поступали на все дни рождения, а после его женитьбе на дочери такого человека, чье имя даже страшно произнести вслух, эти переводы стали существенной статьёй бюджета петрозаводских Колосовых.

Жизнь в Петрозаводске текла вяло и неторопливо, делать там было, по большому счету, нечего, и Кирилл, наверное, спился бы, если бы не Светка. Он встретил ее в студенческие годы на слете бардовской песни, вместе они прошагали сотни километров и накормили в карельских болотах не одну стаю комаров, деля на двоих спальник, котелок и гитару. Потом стали появляться дети, и многодневные походы с ночевками в сырой палатке сменились короткими выездами «на природу» в редкие солнечные выходные.

Умная Светка быстро поняла, что в семейной рутине единственное спасение — сама семья. Она родила трех сыновей и говорила, что хочет еще одного ребенка — девочку, а лучше сразу двойняшек. Кирилл в притворном ужасе закатывал глаза, но он и сам любил детей и был не против, если б их стало больше. Вот только денег мало... Но это же не причина, чтобы маленькому человеку не родиться на свет.

С мальчишками он возился все свободное время, бегал с ними на лыжах, учил ездить на велосипеде, ловить рыбу, ставить палатку, разводить костер. У них была своя компания, эксбарды со своими женами, бывшими походницами, и многочисленными детьми. По выходным они собирались друг у друга в гостях или в лесу, брэнчали на гитарах, умеренно квасили, беззлобно ругали времена и нравы. Казалось, для них ничего не изменилось за эти пятнадцать лет, и страна не совершила кульбит, поставив многих вверх тормашками. Вот только дети росли, а вместе с ними росли потребности. Детям нужны были частные школы, кружки, репетиторы, выкуп из армии, компьютеры, кроссовки, джинсы. Дети были не виноваты, что их родители застряли в своих молодых восьмидесятих и не хотят видеть новой, родившейся вокруг действительности.

Кирилл Колосов не был таким уж «пофигистом» и видел действительность, но поделаться с ней ничего не мог. Подвижница тетя Валя вырастила его в честной бедности, и он хотел бы, да не умел рыпаться. Предложение Вадима было для него чудовищным по форме и идеальным по содержанию решением целого клубка проблем: зубные протезы для Светки, Мишкина электрогитара, смена древней «копейки» на приличную тачку... Он сопротивлялся до упора, чтобы его, как Алису в Стране чудес, все уговаривали, уговаривали и наконец приперли к стенке, где отказаться уже никак не возможно.

Уже согласившись и оставив муки совести для внутреннего пользования, он вдруг сказал себе: но ведь я действительно помогаю! И не только брату и его несчастной жене, но и тому малышу, который никаким другим путем появиться на свет не может. В конце концов, грязь и обман забудутся, и останется ребенок, еще один маленький Колосов будет бегать по траве и улыбаться солнышку...

В общем, в Москву Кирилл приехал, будучи почти в полной гармонии с самим собой. И только подъезжая к дому Вадима, где ему теперь предстояло жить, вновь вернулся к пугающим мыслям о встрече с чужой женщиной, перед которой надо будет разыгрывать

другого человека. Ну да, разумеется, ложь во спасение. Но ему-то откуда взять на это душевные силы?

Спать с Алиной... Вадим считает, что это так просто! Разумеется, у Кирилла были любовницы. Несмотря на природную лень, в нем время от времени пробуждалась колосовская гулящая порода. Молодые практикантки и стареющие чертежницы не могли устоять против его черных глаз и простодушной улыбки. Со своей нестриженной, по допотопной бардовской моде, шевелюрой он казался им гостем из другой, романтической эпохи. Прозвище у него было на службе — граф Монте-Кристо.

Но то были СВОИ женщины! Они не принимали его за другого! И он обманывал свою, не чужую жену! То есть, дело не в том, конечно, что именно свою, но — только одну женщину. И ситуация стандартная, всегда можно было отбрехаться: мол, бес попутал. Бес этот всем замужним бабам был хорошо знаком.

Но Светка мудро не замечала его вылазок налево, а он тоже старался ее без нужды не огорчать. Вообще в их отношениях было больше дружбы, чем любви. Потому Кирилл за нее как раз беспокоился меньше всего, и оказался прав.

Неожиданное явление Вадима и скоропалительный «выгодный контракт в Москве», в одночасье оставивший семью без мужика, его жена восприняла философски, как смену сезона. Она, конечно, поняла, что в этом деле что-то нечисто, но десять тысяч баксов, выданные ей наличными на руки, — это десять тысяч баксов. Это зубные протезы, Мишкина электрогитара, обувь для младших и так далее.

Она подмигнула ему на прощанье, посоветовала не звонить слишком часто, чтобы не тратить деньги и не травить душу. Дети пообещали не ссориться и помогать маме. Дядя Вадя отдал всем общий салют, Кирилл получил прощальную порцию поцелуев, и они отправились на вокзал, где сели не в московский скорый, а в питерский экспресс. И первый раз Кирилл ехал в СВ, наслаждаясь комфортом и пропуская мимо ушей Вадимово ворчание на идиотски тесные и вонючие купе, где невозможно повернуться одному, не то что вдвоем.

Самое интересное, что он не боялся Алину так, как мог бы ее бояться. Почему-то он привык считать ее женой Вадима, а не дочерью Великого и Ужасного. Может, потому, что брат в разговорах почти не упоминая о тесте. Кирилл никогда не видел ее и принимал как должное тот странный факт, что жена брата не знает о существовании петрозаводской родни. Ему было даже несколько любопытно, какая она из себя. И вообще — хм! — и в частности.

Но по мере приближения к дому его любопытство и прочие отвлекающие чувства испарялись, уступая место одному только страху.

Элитное здание с громоздким бирюзовым козырьком над крышей носило романтическое название «Дом под парусом». Жители близлежащего не столь престижного квартала именовали его «Смерть под парусом», намекая на популярный некогда детектив и ненадежное крепление «паруса», парящего в небе на высоте семнадцатого этажа. Вадим вскользь рассказал эту историю брату, и Кирилл, выйдя из машины, бросил оценивающий взгляд на голубой купол. Снизу не удалось разглядеть досконально, но ему показалось, что «парус» решен вполне грамотно с инженерной точки зрения, хотя его эстетика была Кириллу чужда.

Страх прошел сразу же, когда круглолицая женщина в тонких очках вышла в коридор и улыбнулась ему спокойной домашней улыбкой. Он не мог не улыбнуться в ответ. И дальше

все пошло само собой, как будто они разыгрывали хорошо знакомую обоим пьесу и радовались каждой успешной реплике партнера.

В его доме всегда стоял детский гомон и вопли телевизора, перекрываемые бодрыми Светкиными командами. А здесь было удивительно, неправдоподобно тихо. Стеклопакеты не пропускали снаружи ни одного звука. Но и при открытых окнах шум улицы почти не доносился до пятнадцатого этажа. Иногда они с Алиной за целый день не обменивались и парой слов, ощущая сквозь стены необременительное присутствие друг друга.

Ему было хорошо в этом плавном, будто в замедленной съемке, быту без громких звуков и резких движений. Но он понимал, что когда-нибудь это кончится. Теперь уже ясно, когда. А все-таки жаль... Он как раз проезжал мимо Пушки и грустно кивнул Александру Сергеевичу.

А не послать ли все? И в первую очередь предприимчивого братца. Пусть попробует хоть что-то вякнуть. Папаша его живым похоронит за такую перестановку слагаемых. В самом деле, если набраться наглости и поставить Вадима перед фактом: мол, все останется как есть, на жизнь я буду тебе отстегивать, а Вадим Григорьевич Колосов теперь я и баба моя, — то сильно возбужать он, пожалуй, не станет. Светке можно отписать, мол, так и так, встретил свою судьбу, пойми и постарайся простить.

Ну, а как же мальчишки? Деньги, подарки, шмотки — это стопроцентно. Но они не заменят папу, даже такого дурного. Кататься тайком в Петрозаводск? Привозить их к себе на каникулы? А Алине сказать, что племянники?

Полный бред. Да и сколько времени можно прожить под чужим именем, с чужими документами?

Кирилл безумно скучал по мальчишкам, да и по Светке тоже. На себя он денег почти не тратил, но с любопытством изучал витрины, отмечая, что перед возвращением можно прикупить своим. В петрозаводских бутиках продается все то же самое, торговая цивилизация давно докатилась до самых отдаленных уголков планеты, но там ему никто не позволит тратиться на фирменные детские шмотки — есть более насущные расходы. А в Москве он чувствовал себя свободным и богатым. Даже время от времени ловил себя на фантомном желании послать деньги в провинцию бедному брату.

Кстати, о бедном брате и о деньгах. В Петрозаводске есть свои неразрешенные проблемы, с которыми Светке теперь приходится возиться одной. Хорошо, если их можно разрулить с помощью бабок, оставленных Вадимом. А если нет? Ладно, разберемся. Он ведь все равно скоро приезжает. Месяц остался, пустяки.

Но пусть этот месяц запомнится надолго им обоим. Надо прямо сейчас купить Але цветы и ее любимый банановый ликер. И отменить воскресную рыбалку с Илюхой Михлиным — у Кирилла теперь слишком мало времени для встреч с друзьями из прошлого.

Месяц, надо же. Круто. Это себе он поставил срок, а не Кириллу. Месяц, и все вернется на круги своя.

Никто не тянул его за язык. Он завелся и окрысился на брата, хотя... Хотя именно благодаря фокусам Кирилла ситуация складывалась именно так, как он хотел. Может, вообще заморозить ее в нынешнем состоянии? Он будет жить с Таней, Кирилл с Алиной. Папаша, сам того не подозревая, станет содержать уже не одну, а две семьи. Вернее, три — придется посылать Светке в Петрозаводск, вешая ей на уши лапшу о продлении контракта. Но в какой-то момент она захочет тоже перебраться в столицу...

Нет, не царское это дело — делить пайку на троих. Одно дело быть альфонсом, другое — состоять у альфонса в нахлебниках. Впрочем, и то, и другое — побирушничество, недостойное джентльмена. А что будет, когда Алина охладет и ко второму Колосову?

— У тебя есть брачный договор? — спросила однажды Таня.

— Ты не в Чикаго, моя дорогая, — грустно ответил он.

Брачный договор, неплохо придумано. Чтобы при разводе ему досталась половина. Интересно, половина чего? Ну, допустим, всего. Квартиры, обстановки. Одна машина из двух, причем он согласен на свою, более дешевую. Собственных сбережений у Алины нет, но есть акции папиных компаний, и это лучше любых денег. А ей достанется половина его литературоведческих трудов, что тоже ценно, потому что сама она в жизни ничего подобного не напишет.

Но в случае смерти супруга (супруги) оставшийся в живых забирает все! Квартиру! Две машины! Акции! Не говоря уж о статьях и книгах.

Таня не собиралась смеяться с ним за компанию — напротив, была вполне серьезна.

— На Западе люди давно уже не заключают брак без договора. И у нас это тоже встречается все чаще. Вместо того чтобы судиться и скандалить при разводе...

Ему пришлось объяснить, что если он произнесет слово «договор», папаша заставит его расписаться каленым железом на собственной — колосовской, а не папиной — заднице. Таня возмущенно взмахнула руками, но слов не нашла.

— Зачем ты полез в это змеиное гнездо? Ради денег? — спросила она, успокоившись.

— Нет, — сказал он честно. Она бы не осудила его, но это действительно было не так. Тогда он еще не знал, что тесть будет полностью обеспечивать их с Алиной.

— Я тебе рассказывал. Меня угораздило связаться с дочерью очень сильного и опасного человека, а ее угораздило в меня влюбиться. Я боялся. Просто боялся за свою жизнь. Я ведь не герой, Татка, и не супермен. Ты это знаешь.

— А сейчас? Тоже боишься?

— Тоже, — на этот раз он соврал.

— Ладно, — вздохнула она. — Бойся, заяц. Но, по-моему, в случае смерти супруга другой супруг все равно является наследником имущества.

— Тогда это будет моя смерть.

Но поскольку Тане по-прежнему было не смешно, он снова объяснил, что в качестве наследника может претендовать разве что на свои тапочки.

— А что, тапочки будут очень кстати. Твои уже давно каши просят, — заметила она.

И наконец-то улыбнулась.

Безвыходных ситуаций не бывает. Это Таня знала всегда. Не бывает, потому что не может быть, потому что это противоречит законам природы.

Безвыходное положение — когда человек лежит под крышкой гроба. Оттуда уж действительно не выйдешь. Хотя — кто это может знать наверняка...

Когда-то в советские времена было выражение: человек — кузнец своего счастья. Танины друзья-однокурсники любили придумывать смешные аналогии: человек — повар своего счастья. Сапожник, редактор, программист, извозчик, сантехник своего счастья, и так далее.

А ведь все это правда. Жизнь каждого в его руках. Да, бывают запертые двери, извилистые лабиринты. Это не значит, что выхода нет.

Но Вадим принадлежит к поколению, которое всегда было готово к тому, что его загонят в угол. И так, загнанное, в углу и жило. Или умирало, оставляя потомкам прекрасные книги о боли и безысходности.

Но Вадиму еще рано умирать, он свою книгу написать не успел. А жить в углу больше нет смысла — время другое.

Удивительно в нем это сочетается. Такой умный, такой уверенный в себе — и абсолютно беспомощный перед окружающим миром. Плывущий по течению. Закрывающий глаза перед опасностью. Сидящий перед открытой дверью клетки, не решаясь выйти на свободу. В юности Таня играла в студенческом спектакле о таком человеке. Пьеса называлась «Похожий на льва».

Похожий, но не лев. Большая красивая кошка. Но она его любит.

А если любит, то и не судит. Человек имеет право быть самим собой. То есть быть трусом, лентяем, сибаритом — если это и есть он сам.

Взрослого мужика не переделать. Но можно изменить его жизнь. Таня не сомневалась, что у нее это получится. Человек может все, если захочет.

Дело не в том, что ей мешает его женатое состояние. Она не хочет выходить за него замуж и вообще не собирается ему навязываться. Ее вполне устраивают их теперешние временные отношения. Пожалуй, такая плотная совместная жизнь даже несколько надоедает — словно они день за днем обречены на общество друг друга. В обществе Вадима нет ничего плохого, а вот обреченность...

Таня не любила рутину и лишние обязательства, ей хватало этого на работе. Наверное, надо сделать перерыв. Например, поехать отдохнуть на море с подругой. Или с другом — для их отношений с Вадимом это будет только полезно. Такой тонизирующий холодный душ после теплой ванны. А потом можно опять нырять в тепло его рук и обожающих глаз. Она успеет соскучиться, и все начнется с новой страстью и упоением.

Вадим ревнив? Верно, но это и плохо. Как раз за время короткой разлуки он должен понять, что для него важнее Таня как личность, а не его собственнические чувства по отношению к ней. Он поймет, он умный. И не обидится, ведь они ничего друг другу не должны. Это самое главное. Они оба свободные люди и потому так любят друг друга.

Проблема в том, что Вадим не вполне свободный человек. Тане даже это было бы все равно, но он сам от этого мучается. А она не хочет, чтобы он мучился.

Неужели этот олигарх такой страшный зверь? И зачем ему нужен Вадим, если сама Алина давно к нему равнодушна? Возможно, достаточно обычного разговора, и все разрешится мирным путем, гордиевы узлы развяжутся и выход найдется именно там, где ему

положено быть. Великая семья просто отпустит Вадима на все четыре стороны.

Просто решиться и поговорить. Миллионы лет назад люди изобрели язык именно для того, чтобы договариваться.

Вот только Вадим, гордый и обидчивый лев в открытой клетке, никогда на такой разговор не отважится. Даже заикаться об этом не стоит. Ну и не надо, у него ведь есть храбрая Таня, которая не боится зубастых олигархов и их жадных дочек. Она сломает эту клетку, чтобы он наконец понял, что его ничто не держит. Во всяком случае, попробует. Нет, правда, нужно что-то сделать для Вадима до того, как она уедет на море с кем-нибудь из молодых приятелей.

«На волю птичку выпускаю при светлом празднике весны», — продекламировала Таня про себя и улыбнулась. План казался ей правильным. Она решила срочно встретиться с Алиной.

Алина никогда не откровенничала с отцом. С детства папа был для нее белыми манжетами за завтраком, исчезающим лысоватым затылком в дверях, негромким, чуть скрипучим голосом, дававшим короткие указания слугам. Она могла бы по пальцам пересчитать, сколько раз они смотрели друг другу в глаза. Обычно он был погружен либо в бумаги, либо в компьютер, либо в недоступное другим пространство собственных расчетов и планов. Папой, данным в ощущении, были молчаливые охранники, открывающие перед ней дверь машины, подарки ко дню рождения, которые она находила утром у кровати, утомительные поездки по модным бутикам и ювелирным магазинам. Грязные сплетни в газетах. Грязные типы с фотокамерами за углом.

В девятом классе, когда она переживала первую любовь, первую измену и первый порыв уйти из этой жестокой и пошлой жизни, отец вдруг заговорил с ней так, как будто все знал.

— Ты уже взрослая, — сказал он ей без всякого умиления в голосе. — С тобой могут происходить вещи, о которых ты не захочешь мне рассказывать. И не надо. Пусть твои тайны останутся с тобой. Но если тебе понадобится помощь, ты ее получишь. Для этого не надо обращаться ко мне. Есть Тимур. Он сделает все, что нужно, и об этом никто не узнает, даже я.

Так Алина получила лицензию на управление этим миром руками всемогущего Тимура, начальника папиной охраны. Лицензию на отстрел, уточняла она про себя, не заблуждаясь по поводу поручений, которые готов выполнять Тимур по ее приказу. Она ни разу этим не воспользовалась, да и особой необходимости не возникало. Одно имя ее отца автоматически решало большинство проблем. Став постарше, она поняла, что таким необременительным для себя образом он исполнил то, что считал отцовским долгом.

Все последующие годы Алина только радовалась, что он именно так понимает родительские обязанности и не лезет в ее жизнь. Так продолжалось до этого лета, когда все изменилось.

Прежде ей незнакомо было чувство страха. А сейчас она боялась, но не за себя, разумеется. Она слишком хорошо знала, что Тимур и другие отцовские гвардейцы держат ее под постоянным наблюдением. Конечно, из самых добрых побуждений, чтобы всегда иметь возможность вмешаться и спасти хозяйскую дочь от неприятностей.

Но этого нельзя было допустить. Никто не должен заметить, что в ее жизни появилось что-то особенное. Никто, даже те, кому положено знать все. Потому Алина прятала счастливые улыбки, остерегалась новых знакомств и совершала обычные променады по

магазинам, художественным галереям и кафе, хотя больше всего ей хотелось остаться дома.

Красивый дом, отметила Таня, паркуя свой темно-синий, не женской расцветки «пежо» напротив «Дома под парусом». Но ей бы не хотелось здесь жить. Претенциозное здание слишком выделяется на фоне девятиэтажек, выстроенных в эпоху урбанистического минимализма. Эта порочная московская практика — втыкать дорогое жилье где попало, не учитывая специфику окружения, — появилась в последние годы. В цивилизованном мире города давно разделены по принципу благосостояния и престижности. Таня не была снобом и сама не принадлежала к элите, но такое разделение казалось ей разумным, полезным и для бедных, и для богатых.

Она открыла входную дверь магнитным ключом и, внятно поздоровавшись, прошла через сканирующий взгляд седой консьержки. Ей приходилось бывать в таких домах, и всякий раз она поражалась огромным пространствам вспомогательных помещений. В подъезде можно было развернуть полевой госпиталь, а на лифтовой площадке поселить несколько семей беженцев. Таня даже пожалела всех бездомных, которые в стылую пору не найдут пристанища в этом царстве света и тепла. Все-таки в душе она плебейка. Но тсс! — никто не должен об этом догадаться! Особенно в «Доме под парусом».

Лифт остановился на пятнадцатом этаже, и дальше, как в компьютерной игре, следовало открыть еще один замок и выйти на следующий уровень. Таня долго крутила Вадимовы ключи, подбирая нужный, а когда наконец нашла, то заветная дверца из лифтового холла оказалась незапертой. Наверное, кто-то из жильцов забыл закрыть. На самом деле, полный геморрой — возиться с четырьмя ключами, да еще запирает за собой двери. А если руки заняты тяжелыми вещами? Или обитатели подобных апартаментов не носят тяжелые вещи в руках?

Еще один долгий марш-бросок — до квартиры. Боже, возвращение домой для этих людей превращается в утомительное путешествие, посреди которого не мешает несколько раз остановиться на перекур. Странно, что по пути не расставлены киоски с прохладительными напитками.

Таковыми шутками Таня развлекала и подбадривала себя по дороге к Вадимовой квартире, хотя, зная ее, никто бы не сказал, что она нуждается в подбадривании. На самом деле она, конечно, волновалась. Но волнение, как и страх, всегда толкало ее вперед, заставляя преодолеть себя и совершить задуманное.

Перед дверью Таня остановилась и шепотом произнесла свое заклинание для трудных случаев: «Но если я чего решил, я выпью обязательно».

Она позвонила в звонок и подождала. Потом позвонила снова, настойчивее. Вадим когда-то говорил, что жена редко выходит, разве что за покупками или прогулять собаку, поэтому Таня надеялась застать ее дома. Она позаимствовала у Вадима ключи вовсе не для того, чтобы вламываться в чужой дом. Ей надо было просто дойти до квартиры: вряд ли Алина сможет захлопнуть дверь у нее перед носом, и ей придется пообщаться с возлюбленной мужа, даже если она этого не хочет. Накануне Таня обдумала все варианты и решила, что такой внезапный визит при всей его бесцеремонности будет гораздо эффективнее телефонных звонков, назначения встречи, вежливо-отстраненных бесед за столиком кафе и прочей тягомотины.

На звонки никто не откликнулся. Досадно, подумала Таня, уже готовая ринуться в бой за свою любовь и совершенно не готовая ждать. А подождать, пожалуй, придется — когда

еще она выберется в эту глушь, именуемую экологически чистым районом. А потом — «если я чего решил»...

Конечно, стоять на каблуках, подпирая стенку, довольно противно, и жаль, что архитекторы не догадались устроить в этих бескрайних коридорах зал ожидания для неизвестных гостей. Но она подождет, сколько сможет. Скорее всего, Алина ушла с собакой, судя по тому, что в квартире не слышно лая в ответ на звонки. Если нет — ну что ж, отложим освобождение любимого из оков до другого раза.

Таня наклонилась поправить врезающийся ремешок босоножки, оперлась о дверь, — и она вдруг открылась сама собой. Поколебавшись, Таня шагнула в прихожую, невнятно освещенную лишь дневным светом из полуоткрытой двери. Мягкий коврик на полу, матовый блеск одежных шкафчиков из какого-то темного дерева. Все, что ей удалось разглядеть, было достаточно стильно и красиво. Впрочем, ничего другого Таня и не ожидала. А вот что-то белеет на вешалке — кажется, любимая итальянская ветровка Вадима — надо бы ее забрать.

Но в квартире кто-то был! Она услышала тихие торопливые шаги и не успела моргнуть, как на пороге комнаты, словно из воздуха материализовался, вырос невысокий женский силуэт. От неожиданности Таня перепугалась так, как будто это к ней в дом вломилась неизвестная особа. Она сделала то, что делает любой человек, когда встречает незнакомца в темноте, — ударила ладонью по выключателю. Зажглось несколько невидимых лампочек, и по прихожей разлился мягкий янтарный свет.

Женщина в дверях оказалась гораздо выдержаннее. Она не закричала, не бросилась прочь и вообще не двинулась с места. Просто стояла и озадаченно смотрела на Таню, как будто хотела что-то сказать, но не могла подобрать слова. Тане она показалась слишком серой и какой-то задерганной. Не такой она представляла себе Вадимову жену, дочь всесильного Гаруна-аль-Рашида.

— Здравствуйте, Алина, — вежливо, но решительно произнесла Таня.

Она сразу все поняла. И не потому, что изменилась их сексуальная жизнь или мужчина допустил какой-то прокол. Просто он был совершенно другой.

Другой не в постели, не в быту, а по сути. В нем не было ни капли Вадимова лживого и притягательного актерства. Этот человек, обманом занявший чужое место, был гораздо естественнее, чем ее муж в роли самого себя.

Как она любила его — первого, настоящего Вадима! До обморока, до судорог, до самозабвения. Любила и упивалась этой любовью, как вином, не боясь пьянеть. Она бы разделась посреди лекции, если б он только бровью повел. Однажды вечером они занимались сексом в полутемной аудитории, в сиянии уличных фонарей, под шорох шагов в коридоре, и она замирала от стыда и обожания.

Не она одна сходила по нему с ума, и трудно подсчитать, сколько поколений филфака он оттрахал на скрипящей деревянной кафедре после лекций. Девчонки пачками записывались на спецкурс по Булгакову, чтобы услышать бархатный баритон Колосова, увидеть его демоническую бородку и черные бесовские глаза. Прозвище на филфаке у него было — Воланд.

Она впала в панику, поняв, что для него это лишь рядовой эпизод, что скоро он ее бросит ради новой влюбленной дурочки. Она была готова на все: звать на помощь папу, угрожать, шантажировать, отдать его в руки отцовским опричникам — пусть запытают до полусмерти, лишь бы остался с ней. Но он оказался сообразительным, все-таки уже не мальчик. Принудительных мер не понадобилось, он женился на ней без сопротивления.

В первый год он безраздельно владел ее душой и телом. О, эти плавные кошачьи движения, медленные улыбки, ленивые ласки! Завораживающая игра днем и ночью. В нем было что-то фальшивое и одновременно чарующее, как в театральном действе. Но чтобы любить театр, надо приходить в него по праздникам, а не жить изо дня в день за кулисами.

«А моя любимая со щек маков цвет стирает сальной тряпкой...», — про себя цитировала Алина высоко ценимого ею поэта, наблюдая, как муж читает на диване, картинно закинув одну голую ногу на другую и не замечая неэстетично распахнувшегося атласного халата.

Его обаяние действовало на нее и сейчас, но любви не стало. И она уже не ревновала, как сумасшедшая, к его неистребимым бабам. Она знала, что он от нее никуда не денется, даже если очень захочет. И даже если этого захочет она. Ей придется всю жизнь содержать и поддерживать этого вечного мальчика, придется вечно разыгрывать его любимым спектакль для одного зрителя и одного актера.

И вдруг затянувшееся действие кончилось. В зале зажегся свет, и рядом оказался другой человек, с такой же мягкой улыбкой и насмешливыми глазами, но простой и бесхитростный. Он, этот человек, сидел с ней в зрительном зале, а не витийствовал на сцене. Он проводил между двумя точками не округлую, а прямую линию — просто смотрел в окно, просто сидел в кресле, просто, без подтекста мазал бутерброд.

У него были самые обычные, без всякого магнетизма, руки, и когда он обнимал ее, она впервые в жизни чувствовала себя защищенной. Спрашивается, от чего, от кого ее надо было защищать, — а вот поди ж ты! В одну из первых ночей она неожиданно для себя попросила его не уходить — и он остался. Теперь они спали вместе. А иногда любили друг друга среди

дня, почти без слов. Они вообще мало говорили; ей было страшно, что он скажет или сделает что-то не так и обман станет таким явным, что она уже не сможет притворяться слепой.

Да, она боялась его потерять. Он помог ей обрести себя, найти золотую середину в той жизни, которая до сих пор состояла из двух полюсов. На одном полюсе находилась умная, ироничная, блестяще образованная Алина, контролирующая себя каждую минуту и особенно в те моменты, когда можешь показаться испорченной и вульгарной, дать повод презирать себя. На другом было... много чего. Посередине пустота, которую она хотела заполнить материнством. Но сейчас пустоту занял этот мужчина. За несколько дней он стал ей ближе, чем Вадим за все годы совместной жизни.

Да, они мало разговаривали, но кто сказал, что общность людей проявляется только в трепе? «Ах, было б только с кем поговорить!» Глупости все это. Было б только с кем — и ничего больше.

С ним — было, и было хорошо. А в постели особенно, хотя в том не было его чрезмерной заслуга. Просто она знала, что он вошел в ее жизнь ниоткуда и скоро уйдет в никуда, а потому не все ли равно, что он про нее будет думать. Это напоминало детский сон, когда вдруг понимаешь, что спишь и можешь делать все, что угодно.

С маленькой Алиной такое случилось всего однажды; во сне она в упоении начала скакать и громко орать, чего наяву никогда не позволялось, — и была среди ночи разбужена перепуганными родителями, потому что, как оказалось, кричала по-настоящему. В те времена они еще жили в обычной квартире, и мама с папой могли слышать ее через стенку.

Потом папа начал зарабатывать деньги, они переехали в большой дом, потом в другой, еще больше, но для нее, Алины, жизнь становилась все труднее. Теперь вокруг постоянно были чужие люди — горничные, охранники, гувернантки, — и при них надо было вести себя безукоризненно, чтобы не давать повода к насмешливым взглядам за спиной. Контролировать себя даже во сне. Держаться королевой и «думать об Англии».

Чувство вседозволенности она испытала вновь уже гораздо позже, и оно было таким же сладким и постыдным, как в раннем детстве, когда среди ночи выпускаешь из себя горячую струю и переживаешь ни с чем не сравнимое наслаждение, которое сменяется липким холодом мокрой простыни, пронзительным электрическим светом, возмущенным ворчанием взрослых.

С Вадимом она всегда «думала об Англии». Это был стиль их отношений: она — стыдливая принцесса, он — разнузданный свинопас.

Итак, подмену она обнаружила с первого дня, с первой минуты, когда он только появился на пороге ее квартиры в знакомой белой ветровке. Но для окончательной проверки на вшивость, для собственного успокоения Алина использовала ту самую фривольную английскую легенду. Вадим-то знал ее прекрасно, они вместе в Лондоне покупали в сувенирной лавке женские трусики с сердечком, раскрашенным в цвета британского флага, и надписью «Think of England»^[5]. А этому, другому, она рассказала, будто в первый раз, как одна из королев Британии (забыла, какая именно, вот позор!) поучала свою дочь перед замужеством, предупреждая ее об омерзительных для истинной леди сторонах супружеской жизни: «Закрой глаза и думай об Англии».

Это было после одного из восхитительных полуденных всплесков страсти, которая пробуждалась в них синхронно, заставляя каждого выходить из своей комнаты и искать другое тело, чтобы сплестись с ним в жадном танце. В тот раз они свалились на ковер с дивана в гостиной, бедного узкого дивана, который совершенно не был приспособлен для

таких упражнений. Солнце, продираясь сквозь занавески ручного плетения, било ей в глаза, и она кричала в полный голос криком ослепительным, как солнечный свет. Прямо на полу она рассказала ему английскую байку, и он посмеивался, развалившись на ковре и щурясь на солнце, как сытый кот.

Метаморфоза произошла неожиданно. За несколько недель она привыкла не сдерживаться, давать себе волю, и оказалось, что так можно жить с женщиной наяву, а не во сне. Жить изо дня в день, не опасаясь насмешки и скрытого презрения. Почему-то она все больше проникалась уверенностью, что от этого, другого, можно не ждать подвоха.

Про себя она так и называла его — Другой. Вслух — Дик, в минуты особой нежности — Дикий. Вадим рассказывал, что так звал его покойный отчим. После смерти Степана Алексеевича имя не использовалось, лежало в глубине памяти, как старая фотография. Алина сняла его с полочки, сдула пыль и отдала Другому.

Двухходовку Вадима она тоже раскусила быстро — уж слишком часто мужчина кстати и некстати поминал свое чудодейственное исцеление и рождение будущего ребенка. Значит, он исчезнет, как только она забеременеет. А это случится скоро, наверняка Вадим подобрал для своей авантюры настоящего, проверенного профессионала. Смена караула пройдет незаметно, потому что под предлогом заботы о здоровье плода любовные утехы немедленно прекратятся вплоть до появления малыша на свет. Потом она родит, начнет нянчить и кормить, и ей станет не до того. А спустя год или больше ее тело просто забудет, как это вообще было до родов.

Ей очень хотелось ребенка, хотелось давно, и возраст уже поджимал. Но она решила растянуть удовольствие. Пусть Другой побудет с ней подольше. Заслужила же она хоть немного счастья. Простого бабского счастья, как написали бы в романе.

Она пошла в частную клинику и попросила выписать ей самые надежные контрацептивы, которые действуют с первого дня употребления. Такие сильные средства долго употреблять не стоит, предупредила ее врач, это вредно для здоровья. Да я и ненадолго, успокоила Алина ее и себя, всего на несколько месяцев. А потом — черт с вами! — пусть все возвращается на круги своя. Зато у нее останется ребенок от этого чудного мужика.

В самых сокровенных мечтах она представляла себе, как это было бы здорово — и справедливо! — если бы с ней остались и ребенок, и чудный мужик.

Женщина в комнате наконец открыла рот.

— Здравствуйте, — удивленно произнесла она. — Но я не Алина. Я думала, Алина — это вы. Я Света из Петрозаводска.

Щелкнула и открылась дверь ванной. Из яркого света, кафельного блеска и клубов пара вывалился Вадим в халате и с махровой чалмой на мокрых волосах. Край полотенца от движения сполз ему на глаза, и он, видимо, не успел разглядеть ни фигуру на пороге комнаты, ни незваную гостью в коридоре.

— Аля, ты вернулась? — спросил он в пространство, разматывая чалму, прежде чем Таня успела подумать, что, собственно говоря, делает здесь ее возлюбленный, которому полагалось сейчас в ее кухне готовить к ужину китайскую лапшу.

Аля? То есть Алина? Он принял ее за Алину? У Тани все внутри похолодело, и тут же, без перехода, ее бросило в жар. Значит, он обманывал ее все это время! Он никуда не уходил от жены и уходить не собирался. Ему не нужна никакая свобода, а нужна молодая

любовница без комплексов.

Но он же ночевал у нее целый месяц! Что он, интересно, врал Алине о том, где проводит ночи?.. И что он соврет сейчас ей, Тане, обнаружив ее в своей квартире?

Она могла многое простить мужчине. Но только не вранье. Врун не уважает себя и других, с таким человеком нельзя иметь дело. Неужели она могла так ошибиться?

Тане стало противно, как будто она попала в дом, где прорвало канализацию и вонючая жижа чавкает под ногами. Чувство брезгливости было таким натуральным, что она непроизвольно отступила в первую попавшуюся дверь — кажется, это была кухня, — чтобы оказаться подальше от всей грязи, в которую так неосторожно влезла.

Но Вадим, справившись с полотенцем и обретя способность видеть, даже не заметил ее, хоть и скользнул по ней взглядом. Словно она была пустым местом, старой вешалкой, наткнувшись на которую хозяева каждый раз удивляются, почему она до сих пор не на помойке. Он во все глаза смотрел на невзрачную Свету, крутил головой и пытался что-то выдать из себя.

— Светка! — вырвалось у него наконец с мольбой и отчаянием. — Свет, послушай!

Итак, есть еще Света, пятый угол в нашем тесном треугольнике. Сейчас он объяснится со Светой, а там, может, и до маленькой Таты дойдет очередь. Нет уж, ребята, разбирайтесь сами.

Таня рванулась мимо оторопевшего Вадима и дамы из Петрозаводска, прочь из этого гадюшника, на лестницу, на улицу, чтобы никогда никого из них не видеть.

Она больше никогда никого не увидела.

Лена шла к «Дому под парусом» по инерции. Свою миссию она считала выполненной, а расследование — завершенным. Любочка все выяснила, сказала ей по телефону Карина. Девочки уже в курсе, а Лену эпилог детектива ждет сегодня после обеда.

Лену это немного задело — все-таки она старалась, выслеживала Колосову, заводила с ней знакомство, а Любочка вдруг раз — и все выяснила. Да и в голосе Карины почему-то не слышно было радости по поводу раскрытия тайны. Ладно, на месте разберемся. А пока им с Чарликом нравился новый маршрут прогулок, и они решили ходить по нему, пока не надоест.

На этот раз Чарли почему-то нервничал. Дойдя до «Дома под парусом», Лена поняла почему. Он не любил скопления народа и шума, а тут напротив подъезда толпились люди. Много людей. И милицейская машина с крутящейся мигалкой. И еще какая-то сирена пела вдалеке.

Когда Лена подошла к людям, из-за угла, завывая, вынырнула «скорая». Взвизгнули тормоза. Толпа качнулась и пропустила врача и двух санитаров с носилками.

— Что случилось? — спросила Лена у стоящей поодаль старушки. Чарлик упирался и не давал ей подойти поближе.

— Задавили, прости осподи, — сокрушенно покачала головой та. — Деушку задавили.

— Из этого дома? — брякнула Лена первое, что пришло в голову.

— Грят, нет, нездешняя. В гостях, что ли, была. Грят, выскочила из подъезда, как ошпаренная, и прям под колеса. Женщина в машине была, грит, не ожидала, затормозить не успела. Звестно, как они ездют на этих аномарках, ничего не видят. Почитай, насмерть.

Лена огляделась по сторонам, нашла на газоне подходящий кустик и привязала возмущенного Чарли. Пробраться в первые ряды было невозможно, но с ее ростом это и не требовалось. Через головы она разглядела серебристый джип «тойота» и белое как мел лицо Колосовой. Она что-то настойчиво объясняла насупленному милиционеру. Тот меланхолично кивал и делал пометки в записной книжке. Другой гаишник, огрызаясь на зевак, растягивал по асфальту рулетку. Молодая врачиха с легкомысленной рыжей челочкой подошла к машине и заговорила с милиционером. Люди закрывали от Лены ту часть дороги, где санитары укладывали на носилки тело сбитой девушки. Она увидела их уже около «скорой».

«Выскочила, как ошпаренная, и прямо под колеса, — шелестело вокруг. — Известно, как они ездют». Лена вздохнула и стала выбираться из толпы на голос скулящего Чарлика.

— Черепно-мозговая, — растягивая слова, произнесла рыжая врач «скорой» с неприлично ярко для ее профессии накрашенными губами. — Внутреннее кровоизлияние. Скончалась на месте.

Алина закусила губу. Девушка действительно вылетела из подъезда прямо ей под колеса. Какие там тормоза — светловолосую голову и раскинутые руки она увидела уже после удара, в полете. Готовясь парковаться, Алина ехала с черепашьей скоростью, но тяжелый бампер «лэндкрюзера» не оставил жертве никакого шанса.

— Угу, — кивнул гаишник. Ничего другого он не ожидал. — Ну что, отметил? Можно уносить? — крикнул он напарнику и махнул рукой.

Санитары положили носилки на землю и склонились над телом. Алина отвернулась, чувствуя, как накатывает тошнота. Вот уж не вовремя эти побочные симптомы.

Крашенная врачиха разглядывала ее в упор с усталым презрением. Алина старалась смотреть поверх нее, поверх собравшихся людей, в перламутровое летнее небо. Ее познабливало, несмотря на теплую погоду, и она чувствовала, как колючие взгляды словно царапают ее с ног до головы.

Ладно, пяльтесь на меня, это ваше право, право толпы. Я к этому привыкла — мало, что ли, грязных глаз липло ко мне, стоило показаться на пороге папиного дома. И ты пялься, оборванная размалеванная дурочка, хоть какое-то тебе развлечение. Что ты видела в своей тусклой жизни, кроме черепно-мозговых да полостных, да поллитровки для согрева на бригаду, да приставаний главврача? Одна у тебя радость — убедиться, что богатые тоже плачут, ха-ха. Да, ты права, сегодня не мой день, день черный, страшный, но он кончится, и завтра я снова проснусь на шелковых простынях рядом с лучшим мужчиной в мире. Проснусь с улыбкой и выпью в постели кофе с душистым кардамоном под какую-нибудь хорошую музыку, а потом лягу в джакузи и никуда, никуда не буду спешить, торопиться, опаздывать... Спешка — удел бедняков. Богатые уже все успели. Им и поплакать можно.

— Вам придется проехать со мной.

Алина кивнула. Лучше не качать права на глазах у зевак и соседей, а прояснить ситуацию в отделении, без посторонних. Этот угрюмый мент и так понимает, что она не виновата, но позвонить адвокату все же не мешает. Для виду — по-настоящему она не станет никому звонить, потому что адвокат тут же доложит отцу, а Тимур и его команда сгоряча разнесут все московское ГИБДД. Достаточно просто сказать: «Я позвоню адвокату моего отца» — и назвать фамилию. Не отца, конечно, а адвоката. А может, и это не понадобится, они ведь понимают, что случайные люди в «Доме под парусом» не живут.

Хорошо, что их окна выходят на другую сторону. Она боялась, что Другой выйдет в этот момент из подъезда и как-нибудь неадекватно вмешается в ситуацию. Лучше уехать побыстрее. Она протянула милиционеру ключи.

— Лех, припаркуй джип, — крикнул он, перебрасывая помощнику ключ с позолоченным брелоком в виде сторукого Шивы. И указал Алине на «Волгу» с синей полосой. — Садитесь в машину.

Милиция уехала, любопытные, вздыхая и охая, разошлись. На асфальте не осталось даже пятен крови, только меловые отметки там, где мешком упало сбитое тело и замер бампер «тойоты». Когда Лена возвращалась с собачьей прогулки, на месте происшествия уже было пусто. Никто, кроме нее, не обратил внимания на мужчину и женщину, которые вышли из подъезда и, взявшись за руки, быстро зашагали в сторону метро. На плече у мужчины болталась полупустая спортивная сумка. Лена со спины приняла его за Колосова, но он, не оглянувшись, прошел мимо черной «хонды», и она решила, что ошиблась. Ей вообще было не до прохожих. Начинался дождь, а она, как всегда, оказалась без зонтика.

Кирилл сжимал руку жены и смотрел прямо перед собой, поэтому не заметил припаркованный у подъезда джип Алины.

Она вернулась смертельно усталая и полностью опустошенная, хотя все обошлось. У нее даже права не отобрали. Поднимаясь на лифте, она загадала, что если Дик сейчас дома, у них дальше все будет хорошо, не просто хорошо, а так, как ей хочется.

Впрочем, бог с ними, с этими приметам, пусть он просто будет дома, чтобы прижаться к нему, зарыться, согреться в его теплых руках. А потом как бы случайно упасть на неудобный диван... Ей нужен секс для разрядки, для выплеска эмоций, хотя это безнравственно, ведь она только что убила человека. Но этой девушке уже не поможешь, а вот она, Алина, нуждается в помощи. Ведь она без всякой вины, за здорово живешь, перенесла такое потрясение. Наверное, в ближайшие ночи ее будут мучить кошмары. Надо попринимать успокаивающее. И он, Другой, пусть все время будет рядом.

Она вошла в квартиру, смутно чувствуя что-то неправильное, какое-то отклонение от обычного хода вещей, но ей было не до невнятных ощущений. *Его* не было. Алина, не зажигая света, села на диван, засунула ледяные руки под мышку и закрыла глаза. Жаль, но это не страшно. Он скоро придет, надо только набраться терпения и дожидаться. Вот так сидеть и ждать, ждать, ждать. Ей хотелось снять одежду, полежать в джакузи, выпить чаю, но она боялась шевелиться, как будто любые действия могли разрушить ее ожидание, и тогда придется начинать сначала.

Из оцепенения ее вывел пес. Подошел, свернулся под боком, положил морду ей на колени. «Господи, Фагот! — спохватилась она. — С тобой же не гуляли! Подожди немножко, псина, хорошо?» Она потрепала собаку за длинные уши, заглянула в круглые карие глаза: ты-то все знаешь? Молчишь...

Когда она решила взять щенка, один крупный собачник спросил:

— Кого вы хотите — сторожа или друга?

— Друга, — ответила она без колебаний.

— Тогда берите охотничью. Охотничьи псы воспитаны в убеждении, что человек — друг. Но любой человек, понимаете? Может быть, она облает вашего обидчика на улице, но не защитит дом от чужого.

Ей не надо было защищать дом. Фагот встречал приветственным лаем каждого входящего и ставил на него лохматые лапы — знакомился. Вадима этот лай раздражал, они с собакой вообще не ладили, и Фагота пришлось водить на специальный курс дрессуры, где он вообще разучился лаять в помещении и набрасываться на гостей.

К Другому пес отнесся так же радушно, как ко всему остальному человечеству. Он недолюбливал только грязных, пахнувшим потом и перегаром бомжей, а от мужчин, бывающих в этом доме, всегда пахло хорошо.

Переодеваться не было сил. Алина нацепила на Фагота поводок и вышла на улицу как была, в узкой юбке и пиджаке, только туфли надела без каблука. Прогулка затянулась, потому что Алина решила, что чем позже она придет, тем больше шансов застать Дика, а возвращаться в пустую квартиру ей не хотелось. Они прогуляли до сумерек, и когда вернулись, в доме было уже совсем темно. И по-прежнему никого.

Не снимая обуви, Алина подошла к телефону и набрала его номер. Обычно они не звонили друг другу, соблюдая неписаное правило автономии. Но сегодня слишком многое происходило не по правилам.

В трубке сначала стояла потрескивающая тишина, а потом раздались очень громкие гудки и одновременно послышался звук, который заставил ее вздрогнуть. Это была мелодия из «Шербурских зонтиков» — звонок его мобильного. Аппарат лежал здесь же, на журнальном столике, и увлеченно наигрывал трогательную музыку.

Она положила трубку, уговаривая себя, что он просто забыл телефон дома, но уже сама себе не веря. Прошла по квартире, зажигая свет и открывая шкафы. Вся его одежда была на

месте, кроме пары джинсов и джемперов; его любимая белая ветровка с «кровоавым подбоем» висела на вешалке в прихожей. «Значит, вернется, — без надежды сказала она себе, — он никогда не расстанется со своим прокураторским плащом». Но ведь ветровку любил не Другой, а Вадим, ее настоящий, вернее, прошлый муж. И раз он отдал ее Другому и придачу к жене, значит, все-таки мог с ней (тогда уж — с ними) расстаться. Странно, до сих пор она об этом не задумывалась.

Она коснулась алого шелка подкладки и помотала головой, отгоняя воспоминание о крови на лице той девушки. Машинально подергала дверь, проверяя, заперла ли замок после собачьей прогулки. И вспомнила, что ее насторожило, когда она вернулась из милиции. Дверь! Дверь была открыта, но она спешила увидеть Дика и не обратила на это внимания.

Значит, что-то случилось, иначе он не убежал бы, позабыв запереть квартиру. Убежал стремительно, даже мобильник оставил. Может, ему нужна помощь? Она поймала себя на желании позвонить Тимуру.

Надо успокоиться. Все в порядке, он ее не бросил, просто ему срочно понадобилось куда-то уйти. Она ведь ничего не знает о жизни, из которой он к ней пришел. Он найдет ее, и они вместе решат все его проблемы. И тогда — да, так и будет! — она расскажет ему наконец, что все знает; ложь и недомолвки уйдут из их жизни, и останутся только нежность и гармония. Сейчас она переоденется, выпьет чаю и будет ждать дальше.

Алина вернулась в свою комнату, сменила уличную одежду на домашний костюм, открыла секретер, чтобы положить на место браслет и цепочку, и закусил губу: шкатулка для драгоценностей была пуста.

Под утро, еще раз осмотрев квартиру, она обнаружила пропажу антикварных настольных часов и пяти тысяч долларов, хранившихся в тумбочке и предназначенных на текущие расходы. Крупные ценности вроде столового серебра, мейсенского сервиза и электроники были на месте.

Она не стала никому звонить.

Фагот опять привел ее в чувство, напомнив о прогулке. «Через десять минут», — попросила она собаку. И нырнула под горячий душ. Времени на джакузи уже не оставалось. Ладно, потом.

«Уже было несколько морозных утренников», — выпало из памяти что-то давнее, детское — «Серая шейка», рассказы русских писателей. Как раз в такой морозный утренник она и попала — как-никак конец августа. На газонах лежали клочья тумана, солнце еле пробивалось сквозь молочные облака. Выскочив из дома распаренная, с мокрой головой, Алина тут же замерзла и всю дорогу бежала вприпрыжку к полному восторгу Фагота. На этот раз прогулка получилась короче обычной, но Алина взбодрилась и даже слегка повеселела от быстрого движения. Кроме того, ей в голову пришла одна мысль, но проверить ее можно было только дома.

В квартире она быстрыми шагами прошла к секретеру. Вот она! Стоит на полочке, как ни в чем не бывало. Слава Богу! Неизвестно пока, за что, просто слава Тебе, Господи, что Ты есть. Алина перекрестилась и поцеловала икону в темном окладе, хотя, вопреки моде, не была верующей. Богоматерь смотрела на нее жалостливо. «Вот и хорошо», — прошептала Алина, все еще дрожа от утреннего мороза. Она сбросила одежду прямо на ковер, голая прошла в ванную и наконец улеглась в вожденную джакузи.

Итак, вор не взял самую ценную вещь — икону XIV века, приписываемую чуть ли не

Андрею Рублеву. Видимо, он не был специалистом и принял изображение Богородицы за ширпотреб, который украшает сейчас практически каждый русский дом. Это хорошо само по себе, потому что расстаться с Богородицей было бы жалко. Но это еще и кое-что означает. А именно: Вадим не имеет отношения к ограблению, потому что он-то прекрасно знал, что икона дороже всех побрякушек, вместе взятых. Конечно, продать ее труднее, но при нынешних нравах это не проблема.

Его дублер в искусстве не разбирался — это Алина поняла уже давно. Значит, кража была чистой импровизацией с его стороны. Вадим подсунил ей двойника, только чтобы сделать ребенка, а не стащить ее драгоценности.

В принципе, возможно и то, и другое. Даже поделив деньги пополам, эти двое обеспечили бы себя на всю оставшуюся жизнь. Но Вадим, конечно, взял бы икону в первую очередь.

Кроме того, для того чтобы разыграть ограбление, не нужно было это обременительное раздвоение личности. Ведь Вадиму теперь придется возвращаться, делать вид, что это он ушел из дома вчера, как-то объяснять внезапное бегство, забытый Другим телефон и незапертую дверь. Ах, Колосов, ты сам попал в свою ловушку. Теперь тебе нужно заново примерять на себя жизнь, разношенную твоим заместителем. Я могу тебе помочь, а могу и попутать, задавая невинные вопросы вроде: «Так что с нашими планами на выходные?», «Когда ты выполнишь свое обещание?» или даже — ах! — «Повтори то, что ты делал со мной вчера, милый».

Последняя мысль отозвалась внезапной горечью. Больше никто не сделает с ней то, что было вчера, позавчера и каждый день. А ей это было нужно, причем прямо сейчас! Этого требовали взвинченные нервы и тело, возбужденное теплыми упругими струями. Она закусил губу, вспомнив, как они занимались сексом в джакузи.

Алина дотянулась до душа, переключила воду и опустила его между ног. Она не делала это давно, с тех пор, как появился Дик, у нее не сразу получилось, пришлось помогать себе руками. Через несколько минут долгожданная горячая судорога прокатилась по телу с ног до головы. Алина несколько раз глубоко вздохнула, восстанавливая дыхание. Сразу захотелось спать. Она выключила джакузи, перевела режим на простой подогрев и закрыла глаза.

Алина Колосова проснулась через четыре часа в теплой ванне, растерлась мягким полотенцем и вышла на кухню. День был в разгаре, солнце сияло. Вместо обычного аристократического завтрака — мюсли с обезжиренным йогуртом, китайский зеленый чай, — она приготовила себе яичницу с беконом и налила огромную кружку кофе со сливками, а Фаготу открыла новую банку консервов. Голова было ясной, а настроение — почти лучезарным.

Ей предстояло решить один вопрос.

— А тебя там ждут, — сообщила Наташа, вернувшись с очередного перекура.

Карина удивленно подняла глаза.

Никто не мог ее ждать. Это Наташу или Вику иногда встречали мужья после работы. При этом они старались не заходить в салон, зная, что им тут же предложат чай, кофе, кресло, журнал, а жена будет трепаться с подружками и копать еще сто лет. Поэтому мужики обычно курили снаружи, у витрины, время от времени постукивая по стеклу и выразительно поглядывая на часы.

Даже самым предприимчивым черноглазым мальчикам не пришло бы в голову навестить Карину в салоне, да она бы и сама этого не допустила. Работа — это работа, сюда в гости не ходят. Что касается родственников, то они бы побеспокоили ее в рабочее время только в экстренном случае, и то по телефону.

Она выглянула на крыльцо и не поверила своим глазам. Ждали действительно ее. Саша, механик из автосервиса, стоял напротив входа в салон, прислонившись к дереву и что-то насвистывая. Он был в старой рубашке с засученными рукавами, в которой обычно работал в гараже, и выглядел усталым, но в глазах, как всегда, пряталась хитрая улыбка. Эта улыбка перестала прятаться и озарила все его лицо, когда удивленная Карина показалась за дверью.

Она подбежала к нему. Был конец рабочего дня, люди взад и вперед шагали по улице, и ей казалось, что все на них смотрят. Но неизвестно, что лучше — стоять на виду у прохожих или позвать его в «Шпильку», где девочки, и Марина Станиславовна, и запах шампуней, и перешептывания. Она решила, что лучше остаться.

— Здравствуй, Каринэ, — сказал Саша, и в его глазах Карина прочитала, что она сегодня необычайно красива.

Обычно ей говорили это вслух, и она с юности привыкла не обращать внимания на комплименты. Сашино молчаливое восхищение неожиданно заставило ее покраснеть.

— Здравствуй, — прошептала она.

— Ты прости, что я тебя от работы отрываю. Есть одно дело. Важное или нет, не знаю. Сама реши.

— Да-да, — ответила Карина. — Конечно. Войдем внутрь?

Она сказала это таким напряженным тоном, что он должен был отказаться. И он отказался:

— Не стоит. Поговорим здесь, если ты не возражаешь.

Она не возражала. Ей пришлось подойти совсем близко, чтобы слышать его сквозь шум улицы. От его рубашки пахло бензином, машинным маслом и горячим металлом — настоящий мужской запах. Карина испуганно подумала, что не успела заесть «Орбитом» ту единственную сигарету, которую выкурила недавно за компанию с Викой. Она вообще-то не курила, а так, баловалась, и ей не хотелось, чтобы Саша об этом знал. Она решила поменьше открывать рот.

— Помнишь, ты приходила узнавать про одного человека и его жену? Она привезла свой джип в ремонт...

Алина Колосова появилась в гараже рано утром, еще до Сашино прихода, объяснила, что попала в аварию, и попросила, чтобы машиной занимался «тот молодой мастер, который здесь недавно». Так что Сашин рабочий день начался с «лэндкрузера».

Никаких внутренних повреждений он не обнаружил, из чего следовал вывод, что авария не была серьезной. Лишь на бампере была характерная вмятина, слишком характерная, чтобы Саша мог ее с чем-то спутать. Не было никаких сомнений, что хозяйка «лэндкрузера» сбила человека. Саше не раз приходилось видеть последствия таких аварий.

Бампер выправили и отрихтовали за полчаса, но Саша задумался. Его, конечно, не касалось, что происходило с машинами, которые он чинил. И вообще в его положении лучше всего было молчать в тряпочку. Но он вспомнил, как Карина спрашивала про эту семью, и подумал, что, может быть, ей будет важно об этом узнать. Честно говоря, то был просто повод ее увидеть. Он знал от родственников, где она работает, и, сдав исправленный джип ребятам, отправился к салону, решив ни в коем случае не заходить внутрь, чтобы ее не смущать.

Она слушала, широко раскрыв глаза. И уже собиралась ответить, что очень ему благодарна, но они знают про аварию, Лена уже все рассказала и... И тогда он попрощается и уйдет, и она не будет больше стоять под каштаном так близко к нему и ловить сквозь уличный гул его слова.

Поэтому она закивала с серьезным видом, отодвинулась подальше, чтобы он не почувствовал запах сигареты, и переспросила:

— Ты уверен, что этот джип наехал на человека?

Ей пришлось почти крикнуть, и на них стали оглядываться.

Саша кивнул.

— А почему ты не пошел в милицию?

Тут Саша почему-то засмеялся, сначала тихо и как-то грустно, а потом, заметив ее удивление, громче и веселее. А отсмеявшись, объяснил:

— Ты настоящая москвичка, Карина. Какая милиция? Никто из нас не пойдет в милицию. Особенно я.

— Почему особенно ты? — вскинулась она, и Саша тут же пожалел о некстати вырвавшихся словах.

— Да ни почему. Не имеет значения.

Но Карина смотрела на него с такой тревогой, что ему пришлось ее успокаивать:

— Не бойся, я никого не убил и не ограбил. И ничего не взрывал. Правда. Просто у меня регистрация кончилась. С милицией лучше не встречаться.

— А! — облегченно выдохнула Карина. Это действительно было не страшно. — Но ведь можно сделать новую, да?

— Можно, — каким-то очень скучным голосом согласился Саша, и она поняла, что все не так просто.

— Тебе же делал кто-то прежнюю регистрацию? Наши делали и сделают еще. Правильно?

— Каринэ, — вздохнул он. — Не надо тебе об этом беспокоиться. Я сам разберусь.

— Нет, — взволнованно сказала Карина, шагнув к нему. Она тут же забыла о запахе табака. — Ты не разберешься. Почему ты не сделал этого до сих пор?

Саша снова вздохнул. Он знал, что от армянской женщины так легко не отвяжешься, даже если она почти коренная москвичка. И ему пришлось объяснять этой москвичке, такой наивной, хоть она и была армянской женщиной, что свои своим помогают, но за деньги. Так принято. И деньги эти сравнительно небольшие, но даже их у Саши в данный момент нет, потому что ребенок в Ереване болеет и ему надо срочно делать операцию. Так совпало, и

сейчас ему, Саше, надо все отправлять туда. Но он выкрутится. С квартиры его пока не гонят, за нее заплачено вперед, он нигде не бывает, кроме дома и работы, и шансы напороться на проверку документов у него ничтожные. Домой его возит приятель, у которого настоящие, не купленные права. Так что все образуется.

— Ничего не образуется, — удрученно сказала Карина.

В салоне все время работал телевизор, и она знала, что после теракта на Рижской правила регистрации стали гораздо жестче и городские власти поставили задачу очистить Москву от нелегалов. Милиция может найти Сашу и дома, и в гараже, и тогда его ждет штраф или тюрьма (в этом она плохо разбиралась). А потом депортация. Выдворение из страны, где он не имеет права находиться. Никого не волнует, что он не взрывает метро, не захватывает заложников, а чинит машины полноценным и полноправным москвичам. И хорошо чинит, недаром жена Колосова только ему доверяет свой драгоценный «лэндкрузер».

Хоть Карина и была наивной москвичкой, но она знала, что происходит вокруг. Тысячи людей живут в столице без регистрации и водят машины без водительских прав. Это возможно, если есть деньги. Любой участковый или гаишник считает такого человека законным источником дохода. Милиционеры прекрасно понимают, что армяне не террористы, но зато уверены, что все они поголовно — подпольные миллионеры. Поэтому можно не иметь документов, но всегда держать в кармане сумму, которой хватит на взятку. У Саши такой суммы сейчас нет.

Первой мыслью Карины было предложить ему денег, ведь регистрация, как он сам сказал, стоит не очень дорого. Но она тут же отмела эту идею — не возьмет. Зарегистрировать его у себя, попросить родителей? Не выйдет, их в квартире и так много, а там есть какие-то нормы квадратных метров на человека.

— Так нельзя. Я что-нибудь придумаю, — пообещала она. — Подожди немножко.

Саша ласково улыбнулся. Москвичи очень самоуверенны, а уж о москвичках и говорить нечего. Он так и не понял, пригодится ли ей информация, что джип «тойота лэндкрузер» недавно сбил человека.

Карина думала до следующего дня, но единственное, что она смогла придумать, это поделиться своей заботой с Любочкой.

Про Любочку одна пожилая клиентка говорила, что та напоминает ей рекламу памперсов с повышенной способностью впитывать влагу. За свою не особенно долгую жизнь Люба выслушала не одну сотню душераздирающих историй, и на ее тонкие плечики действительно вылились потоки чужих слез. Но, в отличие от многих людей, стойчески выполняющих роль жилетки, Любочка не умела просто слушать и сочувствовать. Она не выносила жизненной несправедливости и старалась найти выход даже из самой отчаянной ситуации. Сколько разбитых сердец загоралось надеждой, когда маленькая парикмахерша решительно произносила: «Ну хорошо. А теперь давай подумаем, что можно сделать».

Но Карину Любочка обнадеживать не стала.

— Мутная история — эта регистрация. У москвичей помощи не допросишься.

— Да ведь им это ничего не стоит! Зарегистрированный не имеет никакого права на жилплощадь и вообще ни на что!

Эта тема иногда всплывала в доме Карины в связи с вновь приезжающими родственниками, и она более или менее разбиралась в законах.

— А им все равно. Одни боятся и не верят, другим просто неохота связываться.

Любочка тоже в свое время накушалась пивидла с этой регистрацией, когда двоюродная

сестра из Керчи попросила помочь дочери. Та поступила в московский платный вуз, который вопросами проживания и размещения студентов не занимался. Сколько пришлось кланяться в ножки родственникам и получать ничем не мотивированные, но категорические отказы! Люба до сих пор таила обиду на Пашиных теток и сохранила искренние отношения лишь с теми, к кому, наученная горьким опытом, уже не пошла. Ладно, что вспоминать о плохом!

Сама Любочка при всем желании не могла никого зарегистрировать — метры не позволяли. Их «двушка» с одной проходной и одной девятиметровой комнатой была тесна даже для троих. Об этом Любе официально сообщили в ДЭЗе, когда она собралась прописывать племянницу, — но решения по расширению жилплощади не предложили. Повздыхав, они с Кариной стали составлять список знакомых, к которым можно было бы обратиться, — в порядке убывания надежды на успех.

Наташу исключили сразу. Во-первых, в ее сравнительно просторной квартире и так уже помещалось четыре человека, да еще была прописана Сережина сестра, на самом деле уже пять лет проживающая в городе Геттинген, Германия, с мужем-профессором, преподающим в тамошнем легендарном университете. Во-вторых, зная характер Сергея, Любочка не сомневалась, что он никогда не станет делать то, что ему не нужно. Пусть каждый разбирается со своими проблемами, я же ни у кого помощи не прошу, и у меня не просите. Таково было жизненное кредо Сергея Градова, и Наташа, хоть и не высказывалась так резко, но, по большому счету, была солидарна с мужем.

По той же причине отмели Вику. Любочка и Карина сошлись на том, что Вика отличная девка, но жадноватая как на материальные ценности, так и на добрые дела. Свою новую, недавно купленную квартиру они со Славой вылизывали и доводили до ума с почти религиозным рвением. Посягнуть на незыблемую святыню родового гнезда Горюновых (это была фамилия Славы и Вики) казалось невыносимым. Хотя ни гнезду, ни Вике со Славой ничто не угрожало, но так уверяли Люба с Кариной, а на самом деле, кто знает... Горюновы, как и большинство москвичей, изучать правила регистрации иностранных граждан были не обязаны и не хотели.

После второй сигареты подряд в горле у обеих запершило, но ситуация не стала проще. Спасительный список состоял всего лишь из двух человек: новенькой Лены, о которой пока никто ничего не мог сказать, но попытка не пытка, — и Марины Станиславовны. С каждой из них Любочка пообещала поговорить сама, и в тот же день, улучив минутку, нырнула в Ленин кабинетик.

Лена по молодости не сразу разобралась, чего от нее хотят, но в конце концов оказалась просто сокровищем. Она согласилась сразу, только надо было переговорить с мамой, но мама очень добрый человек и возражать не станет. Эмоциональная Любочка взвизгнула от восторга, чмокнула Лену в щеку (для этого ей пришлось встать на цыпочки и вытянуть шею) и позвала Карину.

— Все устроилось, Леночка — чудо! — провозгласила Люба, и они втроем, взявшись за руки, устроили хоровод вокруг косметического кресла.

Карина, сияя и рассыпаясь в благодарностях, на всякий случай уточнила, кто еще живет в Лениной квартире, потому что на регистрацию нужно письменное согласие всех совершеннолетних жильцов.

И тут оказалось, что они рано обрадовались. Ленин папа в данный момент находился в командировке, из которой собирался возвращаться не раньше чем через месяц, и получить от

него письменное согласие не было никакой возможности. Мало того, как с трудом припомнила Лена, папа и являлся единственным собственником этой квартиры, доставшейся им от бабушки, потому что мама была прописана с другой бабушкой, а сама Лена... короче, это уже неважно. Главное, что папиного согласия, которое Лена с мамой могли бы сочинить сами («ну, напишем, что же делать!»), было недостаточно. Для регистрации механика Саша из Еревана требовалось, чтобы папа самолично явился в ДЭЗ, и это было возможно только через месяц.

— Месяц нельзя подождать? — расстроено спросила Лена. Ей было страшно неловко, что она подвела девочек.

У Карины опустились руки. Конечно, если ничего другого не останется, придется ждать. Но неизвестно, что случится с Сашей за этот месяц. Да и Ленин папа может отказаться.

— Посмотрим, — сказала неунывающая Любочка. Она тут же уловила, что Лену в этой ситуации тоже необходимо утешить. — Мы еще попробуем, а если нет, то снова придем к тебе. Ага?

— Не расстраивайся, еще ведь Станиславовна есть, — произнесла она, выводя Карину покурить на крыльцо. И добавила: — Что-то ты, мать, много куришь.

— Нервы, — жалобно вздохнула Карина.

— Это ты завязывай, из-за мужиков нервничать. Никакого здоровья не хватит.

— Да это не то, что ты думаешь... — начала было Карина, но Любочка только рукой на нее махнула: «Ладно уж, молчи».

— Станиславовна — и все, — грустно заметила Карина, чтобы сменить тему. — Этого же мало.

— А зачем тебе много? — возразила Любочка. — Тебе же не армию народу прописывать. Нужен только один человек. Один, который согласится.

— Ты думаешь, она согласится?

— А почему нет? Живет одна, квартира большая, да и с тобой ей не захочется портить отношения. Ты не бойся, Марина — нормальная тетка.

Карина в сомнении покачала головой.

Как выяснилось, она разбиралась в людях лучше многоопытной подруги. Любочкин визит в кабинет заведующей потерпел сокрушительное фиаско. Марина Станиславовна не только отказалась, но и сделала Любочке внушение.

— Удивляюсь я тебе, Люба, — раздраженно произнесла она, — то ты преступников ловишь, то нелегалов опекаешь. Как маленькая. Странно, что тебя до сих пор никто не надул и не ограбил с твоей доверчивостью.

— Но почему, Марина Станиславовна... — начала задетая Любочка.

— А потому! С какой стати, зачем, почему я должна кого-то устраивать? Да, мне жалко, представь себе! Поможешь одному от чистого сердца, пожалеешь — так они всей бандой на шею сядут. Я этих хачиков знаю, им только дай палец, всю руку откусят. А увидят, что женщина одинокая, одна живет, — вообще проходу не дадут. Брось, Люба, не будь дурочкой! Нашла кому помогать! Да у них денег больше, чем ты за всю жизнь заработаешь. Смотри, и так всю Москву скупили. Скоро от них дышать тут будет нечем.

— Карина тоже армянка, — тихо сказала Люба.

От таких разговоров ей всегда становилось противно и хотелось уйти куда-нибудь подальше.

— А с Кариной я отдельно поговорю. Живешь в Москве — помни, что ты москвичка. И выбирай — с нами ты или с ними. Если с нами — то наплюй на них, нечего тебе с ними делать. Тебе жизнь такой шанс дала. А с ними — скатертью дорога. И наглеть не надо. Скажи спасибо, что русский народ тебя принял, поселил, обогрел. Никто тебе тут ничего не должен.

Переубеждать людей, которые говорят такие вещи, Любочка не умела и считала бесполезным. Она молча вышла от заведующей, расстроенная до последней степени. Во-первых, ей не удалось выручить Карину, только гадостей наслушалась. Во-вторых, она всегда тяжело переживала, когда знакомые люди оказывались хуже, чем о них думаешь.

Сама Люба выросла в семье партийных работников и была воспитана убежденной интернационалисткой. Где-то до тринадцати лет она вообще не подозревала о принадлежности людей к разным народам и лишь во взрослом возрасте обнаружила, что национальности не только существуют в природе, но и делятся на «хорошие» и «плохие». Эта система показалась Любе средневековой дикостью, а прочитав в первый раз Библию, она страшно рассердилась на гордецов, задумавших строить в Вавилоне башню до неба, из-за чего Бог перемешал все языки.

Ее молодость совпала с периодом всеобщего разъезда по «историческим родинам», и Любочка так же искренне радовалась за людей, которые наконец обрели свободу передвижения, как позже жалела беженцев из «горячих точек».

Агрессивные высказывания в адрес «тех, что понаехали» ей казались редкой глупостью. Ее не впечатляли зловещие сводки терактов и растущей преступности. Нельзя ставить клеймо на целом народе из-за нескольких бандитов, считала она. Любочка вообще с трудом верила в существование по-настоящему плохих людей, мошенников и злодеев, зная по опыту, что и хорошие люди способны причинить друг другу немало горя. Но это уже не относилось к проблеме национальности.

Марина Станиславовна сразу после их разговора куда-то уехала, и Любочка решила пока не рассказывать Карине о своей неудаче. Погруженная в невеселые мысли, она постригла и причесала двух клиенток, достала свой обеденный бутерброд и ушла с ним в Викин закуток, чтобы не жевать на глазах у очереди, которая неожиданно набежала к Лене на маски и массаж. Хорошо хоть Карина при клиентах не может отойти, и в ближайший час ей, Любочке, не придется отвечать на тревожные вопросы.

— Чего грустишь, подруга? — спросила Вика.

Она тоже устроила себе обед и с аппетитом поглощала разогретую в микроволновке котлету величиной с ладонь, но в три раза толще. У Вики не было комплексов по поводу лишнего веса, и она всегда издевалась над Кариной и Наташей, мучивших себя всеми по очереди модными диетами.

Любочка в другое время не стала бы откровенничать с Викой на такую болезненную тему. Хватит того, что она уже подставила Карину под воспитательную беседу с заведующей. Ей совсем не хотелось выслушивать Викино мнение о «тех, что понаехали» и «дурочках», которые им помогают. В ее представлении, Виктория Федотовна Горюнова (прямо перед Любой висел Викин сертификат об окончании курсов с полным именем-отчеством) в национальном вопросе недалеко ушла от Марины Станиславовны Борисоглебской. Если не хочешь разочаровываться в людях, лучше не давать им повода тебя разочаровывать.

Но Вика настаивала, совала ей четверть своей необъятной котлеты и наконец забеспокоилась не на шутку, что же случилось с подругой. И Любочка, которая не любила,

когда о ней беспокоятся, рассказала ей вкратце про Карининого знакомого Сашу, его просроченную регистрацию и больного ребенка в Ереване.

— Это из автосервиса, что ли, Сашка? Механик? — перепросила Вика. — Тот, к которому Каринка ходила про джип узнавать?

Любочка кивнула.

— А ему только регистрация или жить негде?

— Только регистрация. Но у него денег нет.

— Всего-то! Тачку чинить будет?

— Что? — растерялась Любочка.

— Я говорю, тачку он будет нам чинить за то, что мы его пропишем?

— Вик, ты серьезно?

— А то нет! Но только если с машиной поможет. Мне уж надоело, что Славка каждое воскресенье в гараже торчит.

— Да поможет, конечно! Я уверена, что поможет. Нет, Вика, ты в самом деле согласна? А Слава что скажет?

— Да что он скажет! — отмахнулась Вика, отправляя в рот последний кусок котлеты. — Кто его спросит? Давай Сане мой телефон, и дело с концом. Только побыстрее, а то у нас клапана стучат. И расскажешь мне потом, что там с этой регистрацией делать, куда идти, с кем скандалить, а то я мимо темы.

Да, подумала Любочка ошарашенно, я ни черта не понимаю в людях. А туда же, помогать лезу. Ну и ладно, главное, что у Каринки все утряслось. Что бы такое придумать, чтобы Станиславна ее не доставала?..

Но Станиславна Карину достать не успела, потому что тем же вечером произошло новое событие.

Итак, Другой не вернется, он исчез вместе с ее драгоценностями. Можно сообщить Тимуру, что ее обокрали, но она не хочет подводить под монастырь лучшего из своих мужиков. Даже если представить дело анонимным ограблением, отцовские люди начнут искать украденное, выйдут на след Дика и обнаружат, что у ее мужа есть двойник. А это лишнее. Пусть гуляет на воле, а брильянты — ерунда, папа купит новые — будут платой за прекрасные ночи и дни.

Следующий шаг — Вадим. По логике вещей, он должен поддерживать связь с Другим и знает, что тот оставил пост. А значит, в ближайшие дни следует ждать возвращения блудного попугая.

Вот это ей и нужно было решить. Она не хотела, чтоб он возвращался. Не хотела больше видеть эти масляные глаза, которые будут напоминать ей о Другом. Слушать его фальшивый голос, подставлять губы равнодушному рту и делать вид, что все идет как надо. Казаться ему близорукой дурой, которая не видит дальше собственного носа.

Нет, нет, хватит, закончим на этом. Она хочет быть свободной. Пусть уходит. Она не желает его видеть больше ни одного раза, никогда. Самое лучшее — встретиться с Тимуром и сказать, что ей нужен развод. Пусть этим занимаются адвокаты. И надо что-то сделать, чтобы он не появлялся здесь вообще.

Пожалуй, она поговорит с Тимуром дома.

Вечером в «Золотую шпильку» явился Барабас. Визит был неожиданным — все из «дела» с Мариной Станиславовной на текущий месяц закончились. Да он и не пошел в кабинет заведующей, которая сама недавно откуда-то вернулась, а уселся посреди зала за итальянский столик и начал с умным видом листать каталоги причесок.

Марина Станиславовна и Карина пытались подкатиться к нему с вопросами и предложением кофе, но он лишь бурчал: «Работайте, работайте, после». Как нарочно, у Любочки под вечер была сложная укладка феном, они и так задержались после закрытия, а когда благоухающая лаком клиентка удалилась и Барбос знаком велел закрыть дверь, стало ясно, что домой сегодня до темноты попасть не удастся. По счастью, Вика, Лена и Наташа закончили свою смену днем.

— Вот теперь и кофейку можно, — благодушно промурлыкал Барбос. — Садитесь со мной, красавицы, разговор есть.

Любочка и Марина Станиславовна подсели к низкому журнальному столику. Карина задержалась на кухне, принесла кофе и блюдечко с кубиками рафинада. Заведующая укоризненно покачала головой — уж если Карина забыла, что Барабас всегда пьет кофе без сахара, значит, разволновалась не на шутку.

А Карина волновалась не зря, — что-что, а интуиция у нее работала. Свой первый вопрос участковый адресовал именно ей:

— Вот скажи, красавица, правда ли, что ты тут мужчиной одним интересовалась, или мне твоя начальница мозги полоскала?

— Правда, — прошелестела Карина, не поднимая глаз.

— Нет, неправда! — рявкнул мент и стал действительно похож на Карабаса-Барабаса. — Фраера из меня делать не надо! Я уже стар становлюсь — конечно, сразу и не

сообразил. А вчера увидел, как твой хахаль из мастерской здесь деревья подпирает, мне в голову и стукнуло. Ты, девушка, — он назидательно ткнул пальцем в покрасневшую Карину, — русским мужчиной интересоваться не можешь. Не положено тебе. И голову мне не морочьте. Я на участке уже пять лет, с вашими людьми хорошо знаком и ваши порядки знаю.

— При чем тут порядки! — вскинулась Марина Станиславовна. — Сердцу не прикажешь.

— Сердцу, говоришь? Вот и сидела бы тихонечко со своим сердцем и страдала. Зачем ей знать, как зовут, где живет, какая машина? Все равно мужик не про нее.

— Виктор Семеныч, это я виновата, — сказала Любочка. — Колосов понравился нашей новой косметичке, Леночке. Она мне призналась и так стеснялась, бедная, что мы уж уговорили Карину взять на себя...

— Эта баскетболистка-то стеснялась? Да она вас всех побойчее будет. Ты мне, Любаша, ври да не завирайся. Зачем вам этот Колосов понадобился? Для чего старика гоняли?

Любочка пошла во встречную атаку:

— Ну, понадобился и понадобился! В чем проблема? Наше дело спросить, имеем право. А вы могли не узнавать ничего, если вам так трудно. Никто вас не гонял.

— Ну и упрямый вы народ, бабы, — неожиданно миролюбиво вздохнул Барабас. — Как с вами мужья ваши живут? Застрелиться легче.

Он сделал несколько медленных глотков из пенопластового стаканчика. Посопел себе под нос. Окинул притихших женщин хитрым взглядом.

— Знаете, как меня мой наставник учил? Хороший опер, как хороший артист, должен уметь паузу держать!

Он выжидающе замолчал. Но его собеседницы паузу держать тоже умели.

— Получилось, — выдохнула наконец Любочка. — Победили, Виктор Семеныч. Ваша пауза лучше!

— То-то же. Ладно, девки. Давайте честно. Если вы что-то знаете про этого Колосова, выкладывайте как есть.

Марина Станиславовна посмотрела на Любочку. Но та сдаваться не собиралась:

— Ну, а вы что знаете? Почему вы вдруг про него вспомнили и пришли к нам? Честно так честно.

— Язва ты, Любка, — добродушно проворчал Барбос. — Тебя бы в прокуратуру, следователем, цены б тебе не было. Ладно. В общем, было сегодня у нас на участке ДТП с смертельным исходом. Наезд на пешехода. Совершила Колосова А. А. Жена вашего Алена Делона.

Женщины переглянулись.

— По всему, водитель не виноват. Колосова подъезжала к своему дому, а пострадавшая выскочила из подъезда на проезжую часть. Короче, несчастный случай. А вот когда доехали до отделения, выяснилось, что у отца этой Колосовой А. А. та-акая лапа!.. Нам даже протокол оформить не дали. Дело забрали наверх, женщину отпустили, за ней тут же «мерседес» приехал. Но данные записаны. И вспомнил я, что кто-то меня за этого Колосова пытал. А людьми, у которых такие родственники, просто так не интересуются. Так что я решил узнать, в какую историю вы, красавицы, свои любопытные носы суете.

Теперь пришел Любочкин черед держать паузу. Вернее, она просто не знала, что сказать. Первой не выдержала Марина Станиславовна:

— Давай, Люба, или ври что-то убедительное, или правду говори. Домой пора.

— Да что говорить-то? Виктор Семеныч, история действительно есть. Но она не имеет никакого отношения ни к аварии, ни к родственникам Колосова. Вернее, к родственникам его жены. И потом, извините... Это же не наша тайна.

— Ого, тут уже тайны! — довольно хмыкнул Барбос. — И сколько же вас здесь эту тайну знает? Вся компания? Ну, тогда от одного меня ничего не изменится. Говори, Люба, не тяни kota за хвост.

Любочка вздохнула и начала рассказывать. Как она обнаружила колосовского двойника, как заподозрила что-то страшное и они с девочками начали расследование. Как потом она встретила настоящего Колосова и выяснила, что тут никакого криминала нет, а просто семейная драма. И были в этой драме некие непонятки и нестыковки, но опять же ничего незаконного, и им, женщинам, просто нравилось следить за интригой, хотя это и в самом деле очень глупо. А про отца Алины Колосовой они ничего не знали, и то, что она сбила человека, — ужасно...

Она умолчала только о зловещем незнакомце, который оказался начальником Сергея Градова. Во-первых, он был уж совершенно ни при чем; во-вторых, ей не хотелось вмешивать еще и Сережку с Наташей.

— Да, чушь какая-то... — недоуменно и с некоторым разочарованием произнес Барабас, когда она закончила. — Я думал, и правда что серьезное. Может, эта баба с расстройства человека задавила? Хотя один хрен... Ладно, красавицы, все с вами понятно. И чего вы не в свое дело полезли, спрашивается? Скучно жить на свете?

Любочка ничего не ответила. Их расследование действительно теперь казалось глупостью, и ей было стыдно, что она морочила девчонкам головы, посылала их на дурацкие задания и заставляла черт знает на что тратить время.

И все же одна мысль не давала ей покоя. Даже не мысль, а просто мелочь, вроде оторвавшейся пуговицы на старой рубашке, которую давно собираешься пустить на тряпки, но пуговицы все равно исправно пришиваешь.

— Виктор Семеныч, — все-таки решилась Любочка. Пусть над ней смеются, она уже все выяснит до конца и успокоится. — А кто эта девушка, которую задавили?

— Девушка? Зачем тебе девушка? Девушка никакого отношения к Колосовой не имеет. Случайная прохожая. Тебе что — имя, фамилию? Опять что-то придумала? Хватит, Люба!

Любочка поглядела на него умоляюще:

— Ну, Виктор Семеныч, так нечестно. Я вам все рассказала.

— Скажите, пожалуйста! Еще бы ты мне не рассказала! — Он перевалился с боку на бок в слишком низком для него кресле, с трудом засунул руку в карман брюк.

Барабас относился к той породе мужчин, которые не признают ни «дипломатов», ни портфелей, ни миниатюрных сумочек, тех, что сейчас именуются барсетками, а раньше назывались совсем неприлично. Эти мужчины все свое предпочитают носить с собой, напихав в карманы, преимущественно брючные.

— Ох! — Он выудил из недр своего пуза аккуратную записную книжку. В огромных лапах Барабаса она казалась игрушечной. — Что делает со мной, а? Девушку тебе, говоришь. Сейчас... Вот и девушка, Важова Татьяна Георгиевна, семьдесят восьмого года рождения, — совсем молодая, надо же. И что?

— Адрес, — прошелестела Любочка.

Она очень боялась рассердить Барабаса, который вдруг оказался столь любезен.

— Адрес? Еще чего! Погодь... Серпуховской вал, двадцать один. Вот тебе и адрес. Достаточно? Или паспортные данные нужны?

— Не нужны, — для Любочки того, что она сейчас услышала, было не просто достаточно, а даже слишком много. Это «много» с трудом помещалось в ней, и она боялась выплеснуть свое открытие до ухода участкового.

— А на что тебе ее адрес, красавица? — не отступал Барбос.

Он что-то почуял.

— Ну как же! — с энтузиазмом начала Любочка, поднимая вверх глаза, как она всегда делала, когда приходилось врать. — Ведь получается, она в том доме не жила, а только выскочила из подъезда. Почему?

— Ну знаешь... — протянул Барабас. — Мало ли из каких домов люди выскакивают! В гостях у кого была. И вообще, кто тебе сказал, откуда она выскочила?

Так, попалась красавица.

О том, что девушка «нездешняя», сказала Лена со слов свидетелей аварии. Это и навело Любочку на кое-какие подозрения, которые она пока боялась озвучивать, особенно при Барабасе.

— Да все только об этом и говорят! — моментально пришла на помощь Карина. — Мы эту историю от наших клиенток уже во всех подробностях слышали. Это же рядом было, среди бела дня, столько народу видело!

— От клиенток? Ну-ну... — проворчал Барбос.

— Ну что, прения кончились? Можно закрывать заседание? — подвела итог Марина Станиславовна. — Семеныч, проводи хоть до метро, страшно в потемках-то блуждать.

— Это тебе-то страшно? — прищурился Барбос. — Да ты коня на скаку остановишь. Хитрая баба, гляди-ка, норовит с участковым под ручку пройти, чтоб все потом боялись — вот, мол, какие у меня ухажеры. Давай, ладно, я снаружи подожду, покурю.

— Чего опять надыбалла? Говори быстро! — зашептала Марина Станиславовна, когда Барабас выполз на крыльцо.

Любочка тоже перешла на шепот, про себя удивляясь, что и заведующую захватил сыщицкий азарт:

— Серпуховской вал — это там, где я Вадим Григорьича встретила. Он во двор заходил. И там моя тетя живет. Вернее, не моя, а Пашина.

— Погоди, при чем тут тетя? — не поняла Карина.

— Да тетя ни при чем. Просто Вадим заходил во двор дома двадцать один, на Серпуховке. И шел, как к себе домой. Правильно, ведь должен же он где-то жить, раз его место занято. Где-то, с кем-то, у кого-то, так? И скорее всего, живет он там, где я его увидела, на Серпуховском валу. А Лена сказала, что девушка, которую задавила его жена, вроде как чужая, не из того дома. И я подумала: а вдруг? Ну, ведь может быть! Каждую версию нужно проверять, вот я и вцепилась в Барабаса. Оказалось, и правда — она с Серпуховки. Ничего себе совпадение, да?

— Да уж, — хмыкнула Марина Станиславовна.

— Ой, Люба, что ты такое говоришь! Выходит, Колосова специально ее задавила! — ужаснулась Карина.

— Вот об этом ничего не скажу. Лена говорит — случайно, но она сама не видела, только слышала разговоры. Я хочу поспрашивать свою тетю: может, она знает эту Татьяну. Или ее родителей. Там старые дома, еще коммуналки остались, многие люди давно живут.

— А почему ты Барабасу не рассказала? — спросила Карина.

— А что рассказывать? Мы ж еще ничего не знаем. Скажешь, а потом опять получится

— чушь какая-то, не в свои дела лезете, — передразнила Люба бурчание участкового.

— Ничего себе чушь — человека убили, — пробормотала Марина Станиславовна. — Ладно, девушки, давайте выметаться. Завтра работа, а не только шпионов ловить.

Напроситься в гости к тете Васе было несложно. Любочка позвонила ей и сказала, что будет рядом у клиентки, в доме, где магазин «Двенадцать месяцев», и хочет кое-что занести. «Кое-что» было черешней с Даниловского рынка, куда Василиса Трофимовна все равно сама бы не доковыляла, хоть и близко.

— И что ты мне ягоды таскаешь, Люба? — укорила ее старушка, открывая дверь. — Мне уже толку-то от них никакого. Молодые пусть едят, дочке отнеси.

— Витамины всем нужны, тетя Вась, — весело отвечала Любочка. — Здоровье еще никому не мешало, ни молодым, ни старым. Чаем угостите?

За чаем и плюшками она завела разговор о том, как интересно жить в старом доме, где люди рождаются, вырастают, женятся, старятся — и все знают друг друга. То ли дело у них в Чертанове — с соседями по площадке здороваешься, и то хорошо.

— Я здесь прежде всех знала, — согласилась Василиса. Она жила в этом дворе с послевоенных лет. — Только сейчас старые жильцы поразъехались, а кто поумирал. Здесь же раньше коммуналки были, расселяли их. Кто-то покупал эти квартиры, хоромы себе отстраивал. Там, где раньше четыре семьи ютилось, теперь одна живет. Да и правильно, человеку должно быть просторно. Я вот одна в двух комнатах, и мне не мешает.

Она запнулась, вспомнив, что для Любочки это большая тема. Они с Пашей и взрослой дочерью жили в крошечной «двушке», и им это очень мешало.

— Интересно, — гнула свое Любочка, — а кто-то из старых соседей остался?

— Гавриловы остались, — взялась перечислять тетя Вася, — Погребенский Людвиг Францевич. Это все те, кому достались квартиры, когда соседи разъехались. Ну, Погребенский профессор, он всегда большую площадь занимал. Кто ж еще-то? А, Важова Клавдия! Та, правда, все больше в деревне живет. Ой, бедная она, несчастная! Дочь похоронила.

— Молодую? — участливо спросила Люба, стараясь скрыть охватившую ее дрожь: воспоминания тети Васи потекли в нужном направлении.

Впрочем, ей тут же стало стыдно. Человек погиб, а она радуется, что удалось получить информацию от не подозревающей подвоха старушки.

— Молодую, лет двадцать пять, двадцать шесть ей было. Под машину попала. Совсем недавно это случилось. Почитай когда же — вчера или позавчера? — хоронили. Меня звали на поминки, да я не пошла, что-то ноги опять разболелись.

— Да, — вздохнула Любочка. — Семья есть?

— У Клавы? Клава-то разведенная, муж в Твери живет. А, ты про Таню. Нет, не замужем. Был у нее друг, интересный такой, в возрасте. Последнее время, бабы болтали, вроде даже жил у нее. Я-то Клавдию давно не видела, она в деревню переселилась, дом у нее там, сад. А Танька здесь жила. Замуж вроде не выходила. Ну, друзья там, парни — этих всегда хватало, девка красивая. Опять же с квартирой, с машиной, зарабатывает хорошо. Вот и мужик этот у нее жил. А кто он — жених или так, неизвестно.

— Такая молодая — и со стариком? — вполне натурально удивилась Любочка.

— Да он не старик, — обиделась за соседку тетя Вася. — Старше ее, ну, сорок с лишним. Седоватый, но не старик. Высокий, с бородкой. Все в темных очках ходил. Любил ее! Я, бывало, в окно погляжу — вон там у нас площадка для детей, и молодежь сидит. И эти двое как голубки, Танька со своим, в обнимку, все хохочут. Жалко девку, ой, как жалко! И Клавдию жалко, одна она осталась...

— Теть Вась, — прервала ее причитания Любочка, потому что сама боялась расплакаться над горем женщины, потерявшей единственную дочь. Как всегда, слыша подобные истории, она начинала думать о Насте, представляла себя на месте несчастной матери, и внутри у нее все холодело. — Теть Васенька, а где эта бедная Клавдия живет, в вашем подъезде или в другом?

— Да в том-то и дело, Любанечка, что в соседнем. От меня спускаться три этажа, да к ней четыре подниматься. А то, думаешь, почему я не пошла. Ноги не дойдут. Кабы еще лифт был...

— А давайте я вас провожу, — предложила Люба. — Табуреточку возьмем, будете отдыхать, когда захотите. Навестить-то надо, беда такая у человека.

— Любаш, да что ты время свое будешь тратить! Некогда тебе, — всполошилась Василиса Трофимовна.

— Ничего, потрачу. Дело это такое, святое дело, надо навестить человека, — решительно сказала Любочка. — Давайте вам что-нибудь накинуть найдем, а то ветер на улице.

— Да я переодеться... Я ж в халате-то не пойду, — засуетилась тетя Вася.

Любочка мужественно дождалась, пока старушка наденет «партийное» платье — «на партсобрания в нем ходила, когда еще в машбюро работала», помогла ей причесаться и натянуть на опухшие ноги уличные туфли. Они были сильно разношены, но Василиса Трофимовна все равно скривилась от боли. И они пустились в путешествие, во время которого Любочка десять раз прокляла добротные сталинские дома с их высокими потолками и свое неумное любопытство.

Складного стульчика, который имела в виду Люба, когда говорила про «табуреточку», у Василисы Трофимовны не оказалось. Пришлось захватить табурет с кухни, массивный, цельного дерева и размером с хорошую скамейку. Эту неуклюжую «табуреточку», которая цеплялась за стенки всеми четырьмя ногами и норовила самостоятельно поскакать по ступенькам, Любочка волочила в одной руке, а другой поддерживала охающую тетку. С передышками и привалами чуть ли не на каждой площадке, они добрались до квартиры Важовых за полчаса.

— Василиса! — всплеснула руками худенькая, с осунувшимся лицом Клавдия Важова. — Пришла-таки. Спасибо тебе, родная.

Она всхлипнула. Старушки обнялись. Любочка с наслаждением поставила на пол проклятую «табуреточку» и стала разминать затекшую руку.

— Примите мои соболезнования, — неловко пробормотала она.

— Спасибо, девушка, — вздохнула Важова.

— Это Любаша, моя племянница, Павлика жена, — объяснила тетя Вася. — Без нее бы до тебя не добралась. Ну, как ты?

— Да как тут может быть...

Важова сморщила свое и без того морщинистое личико и вытерла глаза смятым платочком, который, казалось, навечно прирос к ее ладони.

— Ну, пойдёмте в комнату.

В просторной, очень уютной комнате с жизнерадостными светло-зелеными обоями сидел еще один гость — пожилой мужчина в пиджаке и темной рубашке без галстука. Этим пиджаком и смугловатым птичьим лицом он напомнил Любочке недавно умершего поэта, который так проникновенно пел свои песни под гитару, и вслед за ним их пели тысячи людей с тех незапамятных времен, когда хорошие песни чаще звучали на кухнях, чем по радио. И в ее кухне пели эти песни под гитару друзья Стаса... Она встряхнула головой. Еще не хватало вспоминать свои давние страдания в доме, где совсем недавно поселилась смерть.

— Это Леонид Матвеевич, с Танечкой по работе был связан, — представила мужчину Важова. — Соседка моя, Василиса. И Люба.

Леонид Матвеевич привстал и слегка поклонился. Перед ним на столе стояла открытая бутылка коньяка, несколько рюмок, видимо, приготовленных заранее для посетителей, и блюдечко с галетами. Судя по всему, гость пил один.

— А вы с Татьяной работали? — спросил он Любочку, приглашая ее сесть рядом и наливая ей коньяку.

Старушки тем временем устроились на другом конце стола и запричитали вполголоса.

Люба протестующе замахала руками на рюмку, потом решила не спорить и пригубила.

— Я Василисе Трофимовне дойти помогла, раз такое дело. У нее ноги больные. А Таню, бедняжку, я и не знала вовсе.

Танина фотография в черной рамке стояла тут же на столе, прислоненная к вазе с темно-красными бархатными розами. Таня лукаво улыбалась, наклонив лицо к голому плечу. Светлые волосы падали ей на щеку. Любочке стало невыносимо грустно.

— Татьяна была удивительным человеком, — вздохнул мужчина. — Большая умница, что редкость для женщины. Значит, вы к издательскому делу отношения не имеете?

— Да нет, что вы! Я парикмахер.

— А! — почему-то обрадовался Леонид Матвеевич, и Любочке показалось, что из его глаз исчезла настороженность. — Тогда мои советы вам не пригодятся.

— А что вы мне собирались посоветовать? — наивно спросила Любочка.

Господи, как удобно прикидываться дурочкой, когда люди видят твои круглые глаза и слышат, кто ты по профессии.

Ее собеседник снова вздохнул.

— Я собирался вам посоветовать... Нет, не вам, вам это не нужно... А Танечке я много раз советовал быть осторожней. Но она считала, что осторожность — такой же пережиток прошлого, как партийная цензура, как архитектура этого кошмарного здания, в котором мы с вами сейчас находимся. Она принадлежала к новому времени, только не понимала, глупенькая, что это время еще не наступило.

Он замолчал, грустно поцокал языком, покачал головой, прикрыв глаза, и Любочка подумала, что монолог окончен. Но Леонид Матвеевич вдруг посмотрел на нее пристально и внимательно, а потом подмигнул и взялся за бутылку. Но наливать ему пришлось только себе, потому что Любина рюмка стояла почти нетронутая. Леонид Матвеевич энергичным кивком заставил ее выпить с ним вместе и, посмотрев, как она морщится, справедливо констатировал:

— Не любите коньяк. Женщины вообще не понимают этого напитка. О чем мы говорили?

— О Тане и об осторожности, — подсказала Любочка.

— О Тане и об осторожности! Таня и осторожность были две вещи несовместные. Она ничего и никого не боялась. Хотя ее пугали, случалось. И, видимо, в конце концов поняли, что человека, который не боится, можно остановить только одним способом.

— Это как же? — дрожащим голосом спросила Любочка.

— Физически, моя дорогая. Да-да. Вам в вашем парикмахерском деле не приходится сталкиваться с таким страстями. А ведь и у вас опасная профессия. Ваши клиенты могут случайно сболтнуть что-то лишнее, и вы станете обладателем бесценного сокровища...

— Сокровища? — пискнула Любочка, больше всего опасаясь, что он спохватится и прервет свои хмельные откровения.

— Как вы думаете, милая, что является самой большой ценностью на земле? Золото, нефть, бриллианты? Нет! Информация. За нее отдают несметные сокровища, за нее убивают.

Он опять прикрыл глаза.

— Да не может быть! — поразились Любочка. — Разве Таню убили? Она разве не попала...?

— Под машину? — вскинулся Леонид Матвеевич. — Разумеется, Люба, она попала под машину. Это был несчастный случай. И по воле этого несчастного случая за рулем сидела некая мадам, чей отец является одним из крупнейших олигархов нашего времени. И уж совсем случайно накануне в прессе появилась статья об очередных темных делишках этого олигарха. Знаете, откуда журналистам стало известно, что он натворил?

Любочка помотала головой.

— От вашего покорного слуги! А от кого я получил компромат? Вот этого никто не знает, вернее, не должен был знать. От Татьяны Георгиевны Важовой, моего старинного друга и постоянного информатора. А где Татьяна добыла эти сведения? Не знаете? Правильно, и я не знаю. Меня это никогда не интересовало. Я могу только догадываться. В Танином издательстве выходили книги самых разных авторов, в том числе и ныне живущих сильных мира сего. Другие властители дум, или, как сейчас их называют, ньюсмейкеры, были связаны с журналами, которые выпускал тот же холдинг, — давали интервью, покупали рекламу. Татьяна встречалась с кучей народа, многое слышала, а поскольку была очень умной женщиной, то умела делать выводы из услышанного. Но она была еще и очень практичной, поэтому превращала свои знания и выводы в деньги. Она продавала их мне.

— Вы журналист? — спросила Любочка, пытаясь ухватить суть в потоке слов, многие из которых были ей незнакомы.

— Я? Да, можно сказать, журналист, хотя это чисто номинально. У меня сейчас такое небольшое полуофициальное информационное агентство. Я собираю слухи, сплетни, подозрения и продаю их в разные издания. Если про Киркорова и лесбиянок, то в желтую бульварную прессу. Если про «Газпром» и акции — в серьезный экономический таблоид. Журналист предпочитает прийти за жареной уткой ко мне, вместо того чтобы выслеживать и отстреливать ее самому. Это стоит ему чуть больше, но выходит быстрее и качественнее, а для прессы актуальность дороже денег. Мне ведь тоже эти факты достаются не за красивые глаза. Навар небольшой, зато я при деле. Я платил Тане за информацию и говорил об осторожности, поэтому совесть моя сегодня может быть спокойной. Но совесть — капризная дама, если она не хочет успокаиваться, ее никак не уговоришь...

— Но Леонид Матвеевич... — сказала Люба, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно простодушнее. — Я, может, чего не понимаю... Только, по-моему, у олигархов есть всякие, ну, киллеры или кто-то в этом роде. Зачем же свою дочь посылать?

— Я не олигарх, а потому ответить вам не могу, — почему-то резко ответил Танин знакомый. — Наверное, и у них не всегда все гладко и просчитано. Бывают и спонтанные поступки. Олигархи и их родственники — такие же люди, как мы, не стоит об этом забывать.

Он говорил как бы сам с собой, и Любочка совсем плохо его понимала.

— А вы точно знаете, что Таню убили? — спросила она, покосившись на бедную Клавдию.

— Милая моя, я не знаю абсолютно ничего. Но я старый газетный волк, и жизнь научила меня, что бывает все что угодно и не бывает ничего случайного. Вот такой парадокс. Ясно вам?

— Не особенно, — честно сказала Любочка.

— Ну и слава богу. Не надо думать о страшном. Просто выпейте за Таню. Больше вы ничем ей не поможете.

— Хороший человек, — с чувством сказала тетя Вася, когда, опираясь на Любину руку, ковьяляла вниз с четвертого этажа, — денег принес. Будто бы должен был Тане за работу, не успел отдать. Бывают же порядочные люди. Ох, Клава, Клава...

— Моих мозгов не хватает, — чуть не плача заявила Любочка. — Давайте думайте вместе со мной.

Она ехала в машине с Наташей и Сережей, которые подвозили ее домой, и пыталась передать им разговор с Леонидом Матвеевичем. Даже это получалось плохо, потому что, если убрать интонации, острые взгляды и множество непонятных слов, «хороший человек» ничего толком не сказал.

— Бедный Любчик, — пожалела ее Наташа.

— Рассуждай системно, — посоветовал Сергей. — Погиб человек, женщина. Существуют три версии ее смерти. Первая — несчастный случай. Подтверждается Леной и вашим, как его, Папой Карло.

— Барабасом! — фыркнула Наташа.

— Не суть. Вторая — ее убили из-за информации о некоем олигархе, которую она передала в газеты. Подтверждается совпадением — наезд совершила дочь олигарха.

— И еще Леонидом Матвеевичем, — добавила Любочка.

— Леонид Матвеевич подтверждает лишь то, что он получил от пострадавшей компромат на олигарха. Причем, судя по тому, что он тебе говорил, Любаша, эта ваша Таня достаточно часто поставляла ему информацию на самых разных людей, но никто ее за это не убивал. Жаль, ты не узнала, что это была за информация, ведь не за все людей убивают. И я с тобой согласен, вряд ли олигарх поручил бы такое грязное дело своей дочери.

Наконец, третья версия...

— Ревность! — вскричала Наташа. — Таня была любовницей мужа той женщины, которая ее задавила, то есть любовницей Колосова. А что? Подтверждается тетей Васей и Любой.

— Ох!.. — поморщился Сергей. — Подтверждается-то оно подтверждается... Наталя! Нет, ладно, не ты. Люба! Представь, ты узнала, что у твоего Паши есть любовница. Е порядке бреда.

— Почему же бреда, — обиделась Любочка за мужа. — Павел еще вполне ничего. И молоденькие пассажирки на него заглядываются.

Они посмеялись.

— О'кей. Есть у него, значит, любовница. И ты решаешь ее убить. Как ты это сделаешь?

— А почему не так? — вмешалась Наташа. — Подстерегу около дома, когда она будет выходить от моего мужа, и...

— Наталья, ты так говоришь, потому что машину не водишь. Люба, ты могла бы сознательно наехать на живого человека? Даже из ревности? Вот именно, что нет. Легче застрелить, зарезать, отравить, все что угодно.

— Послушайте! — воскликнула Любочка. — Мы же самого главного не знаем! Почему Таня выходила из дома Колосова? Что она там делала?

— К нему приходила, — неуверенно предположила Наташа.

— Но ведь он там не жил в это время! Он вообще жил у нее!

— Может, он ее попросил что-то забрать, — не сдавалась Наташа.

— Зачем? Он мог бы попросить своего брата или, в конце концов, зайти сам. Ну, не посылают любовницу к себе домой, когда жена вот-вот нагрянет. Правильно я говорю, Сережка? Не посылают?

— Не посылают, — согласился Сергей. — Я бы не послал.

— А может, она там компромат на олигарха собирала, — продолжала рассуждать его жена.

— Все это очень сомнительно, — подвел итог Сергей. — Версия несчастного случая самая простая и логичная. Она опровергается только наличием двух других версий. Ваш журналист прав — слишком много совпадений.

Наташа смотрела на мужа с восхищением. Она и не подозревала в нем таких блестящих дедуктивных способностей.

Когда поезд тронулся и люди перестали сновать по коридору, Кирилл вышел из купе и прислонился к окну. Мимо тянулись вагоны другого состава, сплошная тускло-зеленая стена с белыми прочерками табличек. Вот и хорошо, он не хочет больше видеть Москву.

«А все кончается, кончается, кончается, едва качаются перрон и фонари...»

Вот все и кончилось. Даже не через два месяца, а раньше.

Щелкнула дверь купе, Светка молча встала рядом. Унылые вокзальные пейзажи сменились жидкими перелесками и стремительно пролетающими загородными платформами. Он так и не побывал в подмосковном лесу.

— Как пацаны? — спросил он.

— Нормально, — сказала Светка. — Мишка все лучше играет, целыми днями бренчит. Друг предлагает ему электрогитару, не новую, в рассрочку. Начал копить. Федор опять поймал вирус в своем ай-си-кью, два дня сидели без Интернета.

— Вылечили?

— Вылечили. Строганов ругался, но все наладил.

— Денег не взял?

— Естественно. Антоша ходит в новых джинсах, воображает.

Хороший человек Светка, все понимает. Если б она была чуть поменьше другом и побольше женщиной. Она ведь не уродина, а фигура просто класс, даже после трех беременностей и родов. Почему же его так часто тянуло на других баб? Какой-то изюминки в ней не хватает — а может, просто банальной стервозности? Мужики, у которых жены стервы, ищут на стороне понимания и покорности, а те, кому повезло (Повезло? Ну да, разве со Светкой ему не повезло? Еще как!)... Так этим счастливчикам не хватает остроты поединка, победы сильного пола над слабым, хоть и predetermined, но вырванной в борьбе. А если говорить проще, словами одного Кириллова приятеля, то мужчина создан для блядства, как птица для полета. А все обоснования — в пользу бедных.

Да, Светка совсем не стерва, и это, как ни странно, идет в ущерб ее женственности. Для нее трахнуть — как выпить кофе и потрепаться. То ли дело Алина...

Кирилл больно наступил на хвост воспоминаниям. Что уж теперь... Да, так о Светке. При всей своей бесконфликтности она такой абсолютный лидер, что он всю жизнь чувствовал себя не мужем, но мальчиком, старшим ребенком в семье. И налево вырывался — как в кино с уроков сбегал. Со сладким вкусом свободы на губах и в не менее сладком страхе наказания.

Наказаний в их жизни не случилось, эту опцию Светлана держала про запас. Но он знал, что в любой момент жена может скомандовать: «Домой!», и он побежит за ней, поджав хвост.

Вот и скомандовала.

— Сколько ты взял? — спросила она осторожно.

— Две. Хватит?

Она кивнула.

Да, он взял две тысячи долларов из письменного стола Алины. Взял, обзывая себя последними словами, потому что другого выхода не было.

В каждой семье есть своя тайна, свой скелет в шкафу. Для Вадима Колосова это был его петрозаводский брат Кирилл. Для Кирилла — шурин Сергей, брат Светки.

Сергея был не просто семейной тайной — он был позором семьи, ее непрекращающимся кошмаром и дамокловым мечом.

Их родители утонули в Онежском озере, когда Светлане было шестнадцать, а Сереже только восемь. Мальчишка и раньше рос избалованным, а без отца с матерью просто пошел вразнос.

— Да-а-а! — ревел он, когда Света пыталась что-то ему запретить — например, съесть второй килограмм конфет или посмотреть мультики вместо уроков. — Хорошо ты устроилась! Взрослая, папа с мамой не нужны. Они тебе только мешали, теперь радуешься, что можно гулять с парнями и морду красить — никто не заругает. А я один остался, сирота! Конфет даже не дают! Гы!..

Он судорожно всхлипывал, завывал и давился слезами, и обычно непреклонная Света отступала. Она не могла без содрогания вспоминать, как Сереженька бился в истерике над родительской могилой.

Светка с парнями не гуляла и морду не красила, ей было не до того. После школы она готовила, убирала, стирала, чинила порванную одежду, а по вечерам бегала по улицам и искала Серегу, который вечно болтался неизвестно где и неизвестно с кем.

Формальным опекуном детей считалась бабушка, но с Сережкой она не управлялась. Так и говорила Светлане: или в детдом его отдавай, или сама расти. Светка старалась изо всех сил, но воспитать из Сергея человека было невозможно. С этим не справилась даже воспитательная колония, куда он загремел в девятом классе после ограбления магазина, уже имея условный срок за хулиганство.

Света была уже замужем, и каждый месяц они с Кириллом урывали от двух своих инженерских зарплат, чтобы отправлять Сергею в зону деньги, сигареты, шоколад и дефицитную сырокопченую колбасу, которую он обожал. Если передача задерживалась, Сергей тут же звонил из колонии и со всхлипами и завываниями отчитывал эгоистку-сестру, которая живет припеваючи, ест-пьет вволю со своим разлюбезным муженьком, а о брате-сиротке и думать забыла.

Отсидев год из двух, Серега попытался бежать, был пойман и в изоляторе порезал себе вены. Света на седьмом месяце беременности поехала в колонию в Мурманской области. Она привыкла чувствовать себя виноватой перед братом и ожидала осуждающих взглядов: вот ведь, старшая, а не уберегла, не усмотрела. Но сотрудники колонии отнеслись к ней на удивление сочувственно.

После свидания с Сергеем психолог, хрупкая молодая женщина с пышной прической и глазами невероятной синевы, пригласила ее в кабинет и довольно резко спросила:

— У вас есть лишние деньги? Почему вы его содержите как принца?

Светка пробормотала что-то невразумительное (мол, а как иначе — родной брат).

— Понятно, что вы чувствуете перед ним вину за смерть родителей, но ведь на самом деле вы ни в чем не виноваты. Вы точно так же потеряли отца и мать, остались сиротой. А Сергей привык считать вас виноватой и на вас паразитировать. Это неправильно и вредно, прежде всего для него самого. Чем дальше, тем большего он от вас требует. Я бы сказала, что вы только портите его своей добротой, но боюсь, портить дальше просто некуда. А вот он вполне способен испоганить вам всю жизнь.

— Он же еще ребенок, — возразила Света, чувствуя, как в глазах набухают слезы обиды

за несчастного, никому не нужного Сережку.

— Знаете, что писал про таких детей Януш Корчак? Он еще ребенок, и по меньшей мере семьдесят лет он будет отравлять жизнь другим. Светлана Владимировна, я вас ни в чем не упрекаю. Ваш брат... Не хочу утомлять вас профессиональными терминами... Говоря попросту, он плохой человек. Не запутавшийся, не невоспитанный, как это бывает с мальчишками, а просто плохой. Это не лечится и не исправляется. Я говорю вам как специалист. Здесь не за что зацепиться. Он уверен, что весь мир ему обязан. И в первую очередь вы.

Она вздохнула, скосив глаза на Светин живот, и спросила:

— А может, вам переехать? Он ведь вас в покое не оставит, так и будет всю жизнь жилы тянуть.

Света помотала головой.

— Ну что ж... Мое дело предупредить. А все-таки подумайте о своем будущем ребенке. Брату вы уже не поможете.

Синеглазая психологиня оказалась права на все сто процентов. Выйдя из колонии взрослым и совершенно отвязанным мужиком, Сергей превратил их жизнь в ад. То он являлся среди ночи пьяным и требовал денег, то устраивал визгливые скандалы, на шум которых выбегали из своих квартир испуганные соседи. Время от времени его сажали, и он исчезал, давая Колосовым передышку, чтобы потом появиться снова, как неистребимый призрак в фильме ужасов.

Однажды, в качестве воспитательной меры, Серега ввалился на школьный двор «проведать племяшек» и в течение часа развлекал публику тюремными байками и пьяными частушками, прижимая к себе багровых от стыда «дорогих Мишаню с Федюней» и сообщая остальным ребятам, что «мальцы-то хорошие, вот только родители у них жмоты, родному брату рубль жалеют, ну да бог им судья». Мишу и Федора после этого случая пришлось перевести в другую школу — в старую они ходить отказывались.

На счастье Колосовых, именно в это время Вадим женился на Алине и его «пособия» стали на порядок солиднее. Это позволило Кириллу предложить Сереге сделку: он ежемесячно получает некую постоянную сумму «отступных» и оставляет семью сестры в покое. Таким образом, почти все деньги, присылаемые из Москвы, уходили в дырявый карман шурина. Но периодически он все равно появлялся и гнусавым от пьянства и фальшивых от слез голосом требовал дополнительных «премии» на «лечение», «утешение», подарки к праздникам и прочие насущные нужды.

Один из таких визитов пришелся на приезд Вадима. Кирилл как раз увез брата на рыбалку, экипировав его походной одеждой и обувью. Городские вещи Вадима остались в их квартире, так что Сергей, переступив порог, обнаружил в прихожей светлые замшевые мокасины, итальянскую шелковую ветровку и бежевый лайковый плащ.

— Оба-на! — воскликнул он. — Это чей-та прикид такой попсовый?

Вытянуть из мальчишек, что прикид принадлежит московскому дяде Ваде, не составляло особого труда.

— Только тронь! — пригрозила ему Светка, загораживая вешалку. — У него тесть знаешь кто? Он тебя под землей достанет и посадит на всю оставшуюся жизнь.

— Ай-яй-яй, как не стыдно пугать маленьких! — пропел в ответ Сергей, подмигнув хмурым ребятам. Он был в этот день несильно пьян. — Конечно, мы не отнимем ботиночки у дяди Вади, он же у нас, бедненький, тогда будет босиком ходить. Сеструха, дай на

опохмел... Ну, тысчонку дай!

— Вали отсюда! — огрызнулась Светка. — Ты свое в этом месяце получил.

— Свое получил, свое получил! — зауродствовал Серега. — Свое мы на том свете получим. А на поминки мамочки с папочкой? Ведь ровнехонько дай бог памяти сколько годочков... От черт, не помню, совсем память пропадает, лечиться надо. Слышь, Светик, давай по-хорошему. А то ведь не уйду.

Он уселся на скамеечку, где ребята надевали обувь, положил ногу на ногу и замурлыкал: «Позабыт, позаброшен».

— Мишка, Федор — за уроки. Антон, тоже в комнату иди, — скомандовала Светка. — Трутень ты и есть трутень, Сереженька. Больше трехсот не дам.

Сергей презрительно свистнул. Светка ушла в спальню и вынесла ему деньги.

— Больше не клянчь, последние.

— Ой-ей-ей, последние! А дяденька этот, у которого тесть весь в шоколаде, что ж, не подкинул детишкам на молочишко?

— Не твое собачье дело, — с досадой сказала Света, гадая, как бы отвязаться.

— Не-ет, я твой брат, значит, это все мое дело. Богатый дядюшка объявился, надо же! А ты, сестренка, меня в черном теле все годы держала, лишнюю копейку жалела. Гыы, как стыдно. Что бы мама с папой-то сказали?

— Сергей, ты деньги взял? Уходи, — потребовала Света.

— Слушай, а откуда этот кент взялся? Из Москвы? Где он в Москве-то живет, знаешь? Ты че сапогом машешь, сдурела? Да ухожу, ухожу, ведьма!..

«Слава богу, убрался», — пробормотала про себя Света.

Но ее насторожила такая покладистость. Обычно браг не уходил, не поизмывавшись властью. К тому же она вспомнила, что в прихожей, в ящичке под телефоном, оставались ключи Вадима. Не таскать же их было на рыбалку.

Борясь с нехорошим предчувствием, Света выдвинула ящик. Ключей не было. Она выдернула ящик до конца, понимая, что ее попытки отыскать увесистую связку в дальнем уголке просто смешны. Разумеется, ключи взял Сергей. Как она могла, идиотка, оставить его в прихожей без присмотра! Ну да, вещи бы он не украл, с ними бы его сразу поймали. А вот ключи... И как догадался?..

Она опустилась на скамеечку, прижав к себе пустой ящик. Вот это дура так дура. Конечно, ключи Сергей вернет в ближайшие дни, он же не хочет себе неприятностей. Но предварительно сделает дубликат. Московские богачи, наверное, считают, что их лазерные-магнитные ключики скопировать невозможно, и не подозревают, каких профессиональных высот достигли уголовные умельцы даже здесь в провинции.

Ну, а дальше Серега начнет правдами и неправдами выяснять адрес Вадима. Как надавить на Колосовых, он знает. И уж конечно не захочет упускать такую жирную добычу, ради которой не грех и в Москву скататься. Если сам не решится по пьянке или лени, то дружков наведет. Что ж делать-то, мама родная?..

Светлана не рассказала о случившемся Кириллу не из страха, а потому, что не видела необходимости. С юных лет оставшись главой семьи, она научилась решать все проблемы сама, и к мужу обращалась лишь как к совещательному голосу. В этот раз совещаться было не о чем. Она так и молчала до отъезда братьев, рассчитывая каким-то образом погасить опасность в зародыше и не выпустить джинна из бутылки дальше города Петрозаводска.

Сергей действительно подбросил ключи и несколько раз настойчиво подъезжал к ней

на предмет адреса упакованного дядюшки. Светка отдала ему двойную сумму против обычной — из оставленных Вадимом денег, — но понимала, что брат не отступится от задуманного. Мыслей в его голове немного, и если одна туда попадает, то засекает крепко.

Самое простое — все-таки предупредить Вадима, посоветовать ему сменить замок. Но как это объяснить? Рассказать, что, пока он ловил рыбу, кто-то украл его ключи из квартиры Кирилла? А потом подбросил назад? Он тут же спросит, почему она молчала раньше, это ведь не шутки. Да еще, не дай бог, заподозрит, что они с Кирой причастны к этой краже...

Открыть семейную тайну? Признаться, что деньги дяди Вади все эти годы тратились не на подарки племянникам, а на подкуп опустившегося алкоголика? Не только стыдно, но и рискованно. Вадим презирает их (честно говоря, есть за что), перестанет слать деньги, да еще, скорее всего, потребует вмешательства милиции.

Она могла быть относительно спокойна, пока у Сергея не было адреса. Но у него имелся безотказный способ добиваться от семьи сестры всего, что он хотел. Они натерпелись такого позора после Серегиного школьного «концерта», что Света была готова на все, лишь бы избавить детей от новых переживаний.

Или в самом деле пойти в милицию?.. Но что она там скажет? Ведь у нее ничего не украли.

Кроме того, она сама по доброй воле никогда не заявит на Сережку. Порой, когда он становился особенно нахален и мерзок, такие мысли возникали. Но каждый раз у нее перед глазами вставало залитое дождем кладбище, расползающиеся черные комья на свежей могиле и восьмилетний мальчишка, рыдающий прямо на земле среди венков и букетов в мокром целлофане. Нет, никогда, никогда!..

У них был уговор, что Кирилл звонит сам. Это происходило раз в неделю, и в конце концов Светка коротко, экономя деньги, рассказала ему про Сергея и ключи и велела срочно поставить в известность Вадима.

Кирилл по обыкновению начал мяться:

— Слушай, а как я ему скажу? Как объясню?

— Кир, не знаю, в крайнем случае скажешь правду. Если его обчистят, будет еще хуже. Их папочка поставит на уши весь угрозыск, Сережку найдут и выяснят, откуда ключи.

— Да, — потерянно пробормотал Кирилл. — Ну, я не знаю... Ну, я попробую.

Про себя он прикидывал, можно ли сказать Алине, что потерял ключи вот прямо сейчас и нужно срочно менять замок. Да, пожалуй.

— Ты точно скажешь? — тормошила его Светка. — Давай я сама позвоню, если тебе неудобно. Какой номер у Вадика?

— Не надо! — всполохился Кирилл. — Нет, я скажу, скажу. Прямо сегодня.

Он в последнее время не нравился Свете. По телефону мямлил больше обычного, отвечал невпопад. Похоже, он пребывал в глубокой прострации, что совсем не должно быть свойственно человеку, недавно получившему выгодную и интересную работу.

С этой работой тоже было много странного. Насколько Светка себе представляла, Вадим был весьма далек от Кириной профессиональной деятельности и вообще плохо представлял себе, чем брат занимается. И вдруг такое шоколадное предложение. Что особенного может уметь простой провинциальный инженер, чтобы его, пусть и по благу, вытаскивали в столицу и платили безумные деньги? Если бы Вадим пристроил Киру в какую-нибудь фирму тестя, еще куда ни шло, но, судя по всему, Кирилл Колосов по-прежнему не был представлен пред светлые очи патриарха и о его существовании Великий даже не подозревал.

Сам Кирилл толком не рассказывал ни о работе, ни о том, где живет, а на вопрос, был ли он у Вадима дома, забормотал что-то уж совсем несусветное: мол, был, но когда Алина уезжала. В другой раз оказалось, что с Вадимом он не общался уже бог знает сколько времени, вернее, общался, но по телефону.

Врать Кира не умел совсем, и Светка понимала, что что-то не так, но понимала и то, что деньги, на которые впервые за много лет они начали жить прилично, напрямую связаны с этим враньем. Не чеши, само пройдет, решила она. А вот ситуацию с ключами надо было разруливать срочно, своими силами.

Еле дождавшись следующего звонка, она первым делом выяснила, говорил ли Кирилл с братом. Он только охнул — забыл! Светка вставила ему пистон и велела звонить Вадиму немедленно. Но она не обольщалась, зная способность своего мужа мгновенно топить в памяти неприятные поручения, заботы, обязанности.

Тем временем ей удалось совершить героический поступок. Во время последнего Серегиного визита она, воспользовавшись подпитием брата, пошарила по его карманам, зная, что он неделями не ночует в своей комнате, а потому самое ценное носит с собой. Дубликат вадимовских ключей на кривой проволоке действительно нашелся в Серегином плаще. Это была удача. На радостях она, не торгуясь, вручила брату «премиальные».

Сергей был пьяница и жулик, но дураком он не был. Он пришел к ней снова через пару

дней, злой и трезвый, сказал, что ключи у него есть запасные, не такой он осел. А если сестрица начала у него по карманам крысятничать, то пусть пеняет на себя.

Он даже денег в этот раз не потребовал, и Светка поняла, что все очень серьезно. Брат, опасаясь ее новых диверсий, готовится к московской экспедиции, от Кирилла толку не добьешься, и рассчитывать можно лишь на себя. Она договорилась с соседкой, одинокой Анной Владимировной, которая прежде уже выручала ее с детьми, и поехала в Москву.

Свой телефон Вадим никогда не давал, а вот адрес она знала. Первое время переводы от дяди Вади приходили по телеграфу, с обратным адресом на квитанции. Она надеялась, что, зная адрес, выяснит телефон, и ей не придется вламываться в чужую квартиру.

Но ее ждало разочарование. Найдя неподалеку от Ленинградского вокзала в Москве справочную, она услышала, что по адресу узнать можно лишь те телефоны, чьи владельцы внесли их в открытую базу данных городской сети. Колосова Вадима Григорьевича в этой базе не было. К счастью, Светка захватила с собой сделанные петрозаводскими умельцами ключи от московской квартиры. Усталая, растерянная, одуревшая от бестолковой суеты чужого города, она решилась ехать и объясняться с Вадимом или, в крайнем случае, с Алиной лично.

Ни в поезде, мгновенно выключившись, как любая многодетная мать, ни в Москве, крутясь по привокзальной площади и разыскивая нужный транспорт, она не замечала, что за ней идут по пятам. Она привыкла видеть своего брата шатающимся, грязным, оборванным и не обратила внимания на неприметного, скромно одетого прохожего, который наблюдал за ней от самого дома.

Сергей вышел на дело, как только обнаружил, что сеструха поперла ключики. Он умел взять себя в руки, если хотел. Перестал пить, переделся в нормальный прикид, занял наблюдательный пост у ее подъезда и, когда Светка отправилась на вокзал, понял: вот оно! Он ехал в соседнем вагоне, стоял за углом, когда она ругалась со справочной, почти наступал ей на пятки в переходе метро. Плутая и расспрашивая прохожих, она вывела его к дому, который так поразил его воображение, что он долго не решался взойти под сверкающие своды голубого парадного.

Тут чуть было не случился облом, ведь он не знал квартиры, а сестра уже исчезла за зеркальной дверью. Но ему повезло, как в сказке.

Прямо перед домом задавили человека. Серега сам видел, как огромный джип ударил выбежавшую девушку и она отлетела на несколько метров. Собрались любопытные, Сергей затесался в толпу в надежде что-то выяснить про заветную квартирку и услышал, как мент, изучая документы, переспрашивает женщину из джипа:

— Колосова... Проживаете... квартира сто пятнадцать. Здесь, в этом доме?

До него долетели не все слова, но он узнал то, что было нужно. Колосов — это фамилия Кирюхи, а значит, и его брата. То есть девушку сбила его жена, проживающая в этом самом доме, в сто пятнадцатой квартире. Что и требовалось доказать.

Была, конечно, еще одна опасность, ведь Светка наверняка приехала к родственникам, чтобы поднять шухер. А может, и нет, ведь она могла это сделать уже давно, однако не сделала по каким-то Сереге неизвестным и неинтересным причинам. И зачем ехать-то, если есть телефон?..

Он приготовился ждать, чувствуя, что теперь удача его не оставит. Все равно, пока сеструха там, внутри, соваться в квартиру бессмысленно. Может, она скоро выползет, никого не застав дома, ведь колосовскую бабу увезли в ментовку разбираться, и, похоже, надолго.

Сергей видел, как Светка вышла из подъезда за руку с Кирюхой (он-то здесь откуда? Живет у брата, что ли?), и решил действовать. На крайний случай у него был с собой чугунный пестик, отличная вещь, особенно для тех нервных ребят, кто не любит всякой громкой стрельбы из пушек — а Серега считал себя нервным. Но вряд ли в квартире кто-то есть; баба с джипом, попав в аварию, должна была немедленно позвонить мужу, чтобы он мчался вывозить ее из лап ментуры. И если бы братец Кирилла был дома, то давно уже выскочил бы отсюда, как миленький, на глазах у Сергея.

Он оказался прав. Квартира была полностью в его распоряжении вместе с брюликами, золотишком и баксами. Громоздкую мишуру вроде серебряных ложек и дивидишника он решил не брать, хотя жалко было оставлять добро. В последний момент, обшарив взглядом салон, он обнаружил старую икону, наверняка ценную — дешевку в таком доме держать не станут. Под икону была подсунута сложенная вдвое бумажка, и Сергей, развернув ее, прочитал наспех нацарапанное: «Аля, срочно смени все замки, тебя могут обокрасть. Целую Прости. Дик». Ага!

Опасную записку он сунул в карман и выбросил в ближайшую урну, когда шел от красивого дома, посвистывая и размышляя от нечего делать, кто такой Дик. В душе царил такая благодать, что и выпить-то не особенно тянуло. Он и без того приготовился держаться до Петрозаводска.

Только у вокзала, заметив над крышами сверкающие на солнце церковные купола, Сергей вспомнил, что забыл взять икону. Но даже это его не огорчило.

Вадим отпустил такси за квартал от дома и пошел пешком по знакомым улицам. Солнце садилось за край города, пробивая пространство косыми лучами. Трава и деревья отливали золотом, золото вспыхивало в витринах и автомобильных стеклах, свет слепил глаза, и прохожие, несмотря на вечерний час, надевали темные очки. Ему это не требовалось — свои он не снимал уже несколько дней. В них все обретало цвет крепкого чая, такой достоверный, что горький вкус чаинков он ощущал во рту.

Хотя вкус, скорее всего, был натуральным. Вот уже несколько дней он питался только чаем, иногда вприкуску с кубиками сахара. Еда не лезла в рот, а напиток было страшно. Он боялся потерять контроль над собой; кроме того, в глубине души таилась какая-то безумная надежда, что Таня вдруг появится — мало ли что может быть: ошибка, сон, кошмар. Таня вернется, а он пьяный!

От Таниной мамы он услышал, что наезд совершила женщина на джипе, дочь какого-то миллионера, поэтому судить ее не будут, лучше даже не пытаться, только силы и время потеряете, как шепнула ей сердобольная сотрудница в милиции... И случилось это возле какого-то дома со странным названием, как у корабля, — непонятно, что Таня там делала посреди рабочего дня? Может, Вадик по своим каналам добьется, чтобы та женщина ответила за преступление?..

С этого момента все происходящее стало казаться совершенно очевидным бредом, но в бреде были свои логика и структура. Логика появилась, когда среди Таниных вещей, которые вернули маме в милиции, он узнал свои ключи и более или менее догадался, что к чему. Бедная отважная Татка решила уничтожить препятствия к их совместному счастью и

отправилась выяснять отношения с законной женой. Что между ними произошло? И почему в результате Алина сделала *это*? Да еще так неосторожно — около своего дома, при свидетелях. Чем могла Таня вывести ее из себя? Своей дерзостью, красотой, безудержной любовью к нему, надоевшему мужу?

Вадим часами кружил по улицам, невольно высматривая Танину светловолосую голову или темно-синий «пежо», и вдруг бросался домой, одержимый безумной идеей, что она сейчас откроет ему дверь. Он ждал ее вечером, когда люди возвращались с работы и на лестнице звучали чужие шаги и голоса. Ждал утром, с рассветом и первыми птичьими посвистами, веря, что новый день принесет избавление от вчерашних кошмаров. Ждал ночью, укладываясь спать и заранее зная, что ни Таня, ни сон к нему не придут.

Из-за этого ли безнадежного ожидания или от отчаяния, но он не покинул Танину квартиру. Да и куда ему было деваться? Ошеломленная Клавдия Мироновна, вернувшись с дачи, приняла присутствие в доме дочкиного жениха как должное. Они не мешали друг другу — места хватало, и каждый из них жил за оболочкой своего горя. Только днем Вадим старался уйти, потому что Клавдию Важову навещали сердобольные соседки. Впрочем, и для них его существование уже не было секретом.

Все эти дни в голове Колосова стоял непрерывный гул, как будто кто-то отчаянно кричал от боли. Но на фоне этого крика, пульсируя, работала мысль. Он не мог заставить себя не думать, хотя это было абсолютно бесполезно и никому, никому уже не нужно...

Танин визит пришелся на царствование Кирилла, когда семейная гармония вновь поселилась в «Доме под парусом». У них все было хорошо, много лучше, чем раньше, Алина готовилась забеременеть — и вдруг появляется свистушка с длинными ногами и заявляет права на ее собственность. Оказывается, усердно трудясь над продолжением рода, исцеленный супруг параллельно оплодотворяет еще одну красавицу, да еще клянется ей в вечной любви. Возможно, в иные времена Алина отнеслась бы к этому снисходительно, но сейчас усмотрела в Танином существовании прямую угрозу себе и будущему ребенку. Она столько раз цитировала из педагогических книжек, что у маленького человека для нормального развития должны быть мать и отец. Полная семья — любой ценой.

Наверное, в такой ситуации обычно выдержанная Алина просто потеряла голову. Если она уже беременна, то это многое объясняет. Подробности мог бы знать Кирилл, но мобильник этого кретина уже несколько дней был заблокирован. Не нашел десяти баксов заплатить за телефон, сукин сын, думал Вадим, с отчаяния набирая домашний номер. Но ответа не было, а несколько раз трубку сняла Алина. Голос у нее был нехороший, тусклый, и Вадим сразу давал отбой.

Кирилл позвонил ему сам, явно издалека, и на вопрос: «Ну что?!» коротко ответил: «Все».

— Что все, козел?! — закричал Вадим, глядя на определитель номера. Номер был петрозаводский: — Ты где?

— Дома, — сказал Кирилл. — Твои вещи на месте, паспорт, ключи и бумажник в зеленом пиджаке. Я верну тебе все деньги... Постепенно. Сразу не могу. Извини, мне дорого звонить по межгороду.

В трубке забились короткие гудки.

Итак, Кирилл вышел из игры. Тряпка, лох, фуфло. Черт возьми, что же случилось? Еще недавно он юлил и морочил голову, явно желая затянуть спектакль. Все его устраивало — Светка не дергала, совесть не мучила, и с Алиной оказалась полная совместимость.

А секретная миссия, как видно, не выполнена, раз он обещает вернуть деньги. Хотя точно это станет известно лишь спустя некоторое время. Возможно, Кирилл перед своим бегством, сам того не зная, сделал Алине ребенка, и Вадим может возвращаться на все готовенькое.

Возвращаться? Ну да, а что ему остается? Тани нет, Кирилл свалил, и место свободно.

Вернуться к своему дивану, своим любимым бархатным шлепанцам, синему халату с кистями. Лечить сердечную боль уютом роскошной квартиры, нежным урчанием мотора «хонды». Как давно он не садился за руль!

А рядом будет женщина, убившая его любовь. С ней придется говорить, сидеть за одним столом, обсуждать новости. И возможно — лелеять зародыш в ее утробе, носиться с ее животом, сюсюкать над младенцем. И все прочее, чего он так настойчиво добивался.

Но он не сможет это сделать. Он ее ненавидит. Она убила Таню. Она убила его любовь. И ему к тому же еще придется просить прощения за свой побочный роман. Нет, оправдываться он не станет — пусть это делает она, та, что смогла убить. Он придет и в упор спросит ее — почему?

Прийти и спросить, узнать правду. С этой мыслью Вадим вышел из дома, но по дороге понял, что ему это не нужно. Какая разница, почему Алина это сделала. Она убийца, а Тани нет. Он не будет с ней ни о чем говорить. Он просто поменяет ее успокоительные таблетки на свои сердечные, которые в последние дни носит с собой. Когда-то ему порекомендовал их тесть, предупредив, что средство хорошее, как раз для мужчин после сорока, если мотор зашкаливает, но с ними надо осторожно. Одна таблетка — жизнь, передозировка — смерть.

Смерть! Только в этом его спасение. Алина всегда боялась сильных антидепрессантов, зато легкие препараты на основе зверобоя принимает почти постоянно. Чтобы заснуть, она должна их выпить штуки три, не меньше. Наверняка сейчас она именно так и делает — если ты убила человека и от тебя ушел муж, бессонница обеспечена. Но на этот раз она заснет крепко и больше не проснется. Все поймут, что у нее была депрессия после той ужасной аварии. А он сможет вернуться в пустой дом и зализывать раны. Один.

Он потрогал таблетки в нагрудном кармане, хотя знал, что они там. Внезапно испугался, что кто-то из прохожих может проникнуть в его мысли, и огляделся вокруг. Прохожие мирно шли по своим делам, но он вспомнил, что по пути находится та самая парикмахерская, где работает проницательная Люба.

Колосов решил перейти на другую сторону, но перехода не было до самого метро. Ему все же пришлось миновать салон красоты с претенциозной вывеской. Неужели он мог когда-то переступить порог заведения с таким пошлым оформлением? И посещал его несколько лет! Невероятно!

Впрочем, его знакомство со «Шпилькой» началось в те времена, когда вкус и запросы еще не сформировались. А потом ходил по привычке, особо не задумываясь. Ему нравилась общительная парикмахерша и то, как она его стригла, вот и все. Кажется, во время той встречи в Танином дворе он ее уболтал, отвел подозрения. В любом случае, сегодня опасаться уже нечего. Никакого двойника больше нет, да и Люба вряд ли стоит у окна, высматривая его на улице.

— А ну-ка погоди, — пробормотала Вика, взглядываясь в боковое зеркало. И поскольку муж продолжал выкручивать руль, намереваясь отъехать от тротуара, она пихнула его в бок. — Погоди, говорю!

— Ты че, Вик? — удивился Слава.

Только что он получил разнос за опоздание. Вика, как дура, четверть часа торчала у парикмахерской, хотя ясно было сказано, что встречаемся в семь, скоро закроется магазин, и они опять не купят эти чертовы карнизы для штор. То «давай шевелись», а то вдруг «погоди!». Чего стоим, кого ждем?

Вика снова пнула его, теперь чтобы молчал. Любкин объект как раз проходил мимо машины. Вика в зеркале разглядела его хорошо, даром что очки темные нацепил. Впрочем, бедному Славке досталось совершенно зря, да и Вика могла не прятаться. Колосов ее никогда не видел. Когда он приходил, она либо не работала, либо сидела у себя в маникюрном закутке. Она сама знала его лишь по рассказам подруг и по Настиному «фотороботу». А здорово девка нарисовала — как живой. Интересно, это какой из них: тот, что не может жене детей сделать, или его брат?

А что, собственно, странного, что он здесь ходит? Он же живет рядом. Вернее, сейчас тут живет его брат. Придумают же люди, ни стыда ни совести.

Вика в этой истории абсолютно не сочувствовала Вадиму Колосову и немного жалела его жену. Тем более после этой аварии. Надо же, сбить вот так человека насмерть. То, что Алина не виновата, Вика знала со слов Лены, и была полностью с этим согласна. На свете полно идиотов, которые бросаются под колеса, не глядя по сторонам. Особенно это любят делать молодые соплюхи в мини-юбках. Вика подозревала, что они специально лезут на дорогу, чтобы показать водителям свои ноги сверху донизу. На тротуаре-то кто их разглядывать станет. Да и народ на тротуарах совсем другой, несолидный, малообещающий, не то что за рулем иномарок.

По мнению Вики, ноги нужны были для того, чтобы ими ходить. Ее полненькие ножки, похожие на перевернутые бутылочки, подходили для этого идеально. Дурочки, которые считают, что вся улица должна любоваться их ногами, заслуживают того, чтобы давить их джипом.

— Ладно, давай, — буркнула Вика. — Ну, что ты смотришь? Знакомого увидела.

— Какого знакомого? А чего не поздоровалась? — спросил муж.

— Чего, чего! Мимо прошел. Выезжай уже, хватит пропускать всех по... Стой!

— Ну ты рехнулась, что ли, мать! — рассердился обычно незлобивый Слава. — Стой — поехали. Поехали — стой. Опять знакомый?

— Опять, — прошептала Вика, хватая мужа за руку и взглядываясь в лицо нового прохожего, отраженное в боковом зеркале. — Тихо, Славик.

— Ну-ка вперед! — так же шепотом скомандовала она чуть погодя. — Вдоль тротуара, ме-едле-но... Ну не обгоняй же ты!

— Вик, ты чего? А карнизы? — только и произнес Славка, ввинчиваясь в уличный поток.

— Давай, Славик, милый, давай! И не то-ро-пись... А теперь направо.

— Да нет здесь правого поворота!

— Тыфу ты, черт! Тогда тормози. Потом меня догонишь.

И Вика, чуть ли не на ходу вывалившись из машины, ринулась в вечернюю толпу.

Тело Вадима Колосова обнаружила его жена. Он полулежал на диване в синем халате с кистями, как будто задремал во время чтения. Книга выпала из рук, в мягком свете бра его лицо казалось умным и значительным, как на портретах мыслителей. Рядом валялась полупустая упаковка сердечных таблеток. Покойный был склонен к меланхолии, и трудно сказать, вылил ли он чрезмерную дозу сильного препарата намеренно или по рассеянности.

Выслушав обескураженную Алину, молодой оперативник из районного отделения сочувственно кивнул. Он успел разглядеть на полках книги Булгакова и о Булгакове, которого со школы считал довольно мрачным писателем. Неудивительно, что человек, который всю жизнь посвятил изучению его творчества, мог наглотаться убийственного снадобья.

Отец прислал машину, и Алина поехала к родителям, надеясь, что к ней не будут приставать с вопросами. Впрочем, приставать было некому — Великий, как всегда, пропадал на работе, а мать медитировала с подругами в зимнем саду и вряд ли вообще поняла, что случилось с дочерью.

Алина присела на край кровати в своей бывшей детской. Ее заботливо отвели в комнату, где была уже постелена постель, принесли чаю с душистыми травками. Если что-то понадобится, она может звонком вызвать прислугу. Прямо как в отеле, подумала Алина. Поселившись отдельно, она отказалась от слуг, даже убирала квартиру сама. Ей не хотелось видеть у себя чужих людей, она устала от них в доме родителей.

Пожалуй, сейчас она выпьет успокоительных таблеток и ляжет спать. Милиция больше не будет ее трогать, делом займутся папины адвокаты. Если вообще тут есть какое-то дело. Ее ведь не было дома. Что же это за напасть — девушка под колесами, исчезновение Другого, смерть Вадима?..

Но на этом напасти не кончились. Через несколько дней Алину Колосову арестовали по подозрению в убийстве ее мужа Вадима Колосова. Она провела в камере всего полчаса, пока адвокат отца не привез залог. Но подозрение с нее никто не снял.

Мастер-стилист Люба Дубровская по настоянию участкового Казюпы была вызвана на опознание и подтвердила, что убитый — не кто иной, как Вадим Колосов. До этого личность Колосова подтвердила его жена, но капитан Казюпа все талдычил, что в этом деле жене доверять не следует, и нужно подтверждение парикмахера Любы, которая одна может отличить Вадима Колосова от его брата-близнеца.

Любочку вызвали с работы, у нее тряслись все поджилки, и Карина поехала с ней. Она держала Любочку за руку всю дорогу, которую они проделали в милицейской «Волге», и потом, когда поднимались по лестницам морга. Перед *той самой* комнатой Люба руку отняла и на опознание пошла одна, Карине сказала: «Не надо тебе, девочка». Вышла бледная, но спокойная, коротко кивнула Карине, закусил губу и расплакалась уже во дворе.

Потом с ней долго беседовал следователь. Любочка не стала распространяться о сыщицких успехах «Золотой шпильки», хотя в какой-то момент ее так и подмывало похвастаться. Она рассказала только, что заметила «неправильную» седину в волосах Вадима Колосова, а потом встретила его случайно на улице и вызвала на разговор, а в разговоре узнала про брата-близнеца из Петрозаводска и подмену одного Колосова другим.

На прощанье следователь пожал ей руку и похвалил за наблюдательность, что Любочку несказанно обидело. Она считала, что они с девочками проделали работы не меньше, а то и больше, чем этот молодой заносчивый майор, который всю дорогу принимал задумчивые позы и смотрел на нее строго и внимательно, явно подражая героям милицейских сериалов. Даже того немногого, что рассказала ему Люба, было достаточно, чтобы прояснить картину преступления, на которой иначе был бы сплошной туман.

Майор, поколебавшись, рассказал ей, что из Петрозаводска уже пришло подтверждение: Кирилл Григорьевич Колосов в момент убийства находился в родном городе, что подтверждается билетом на поезд «Москва-Петрозаводск», а также показаниями проводника, жены, соседей и сослуживцев. Таким образом, она, Любочка, не ошиблась, опознав в погибшем Вадима Колосова, мужа Алины. На это она, разумеется, обиделась еще больше — оказывается, кто-то считал, что она может ошибиться.

Третья обида, которую нанес ей задумчивый майор, заключалась в том, что на вопрос, от чего умер Вадим — убил его кто-то или сам покончил с собой, — он сухо ответил: «Ведется следствие», и встал, давая понять, что разговор окончен и парикмахер Люба Дубровская может возвращаться к своим ножницам и расческам.

В «Шпильке» Любочка объявила, что следователь зануда и жлоб.

На следующий день перед закрытием к ним в салон зашел Барабас. Ворча, он уселся в низкое кресло, растопырив толстые ляжки, дождался, пока уйдут последние клиенты, и поведал, что основная версия смерти Колосова — самоубийство, и хотя следствие подозревало жену, но прямых доказательств нет.

Лена ахнула: «Бедная — то одно, то другое...», но Барбос сердито добавил, что это не бедный старик, а богатый, имея в виду папашу Колосовой, который отмажет ее, даже если она отравит и подавит полгорода. А потому дело в ближайшее время, очевидно, будет закрыто. Съёмки окончены, всем спасибо.

Все потерянно молчали и вздыхали, а Любочка, застыв на месте, шевелила губами, как будто пыталась в уме перемножить большие числа. Невежливая Настя в такие минуты говорила ей: «У тебя в голове столкнулись две мысли, и ты стоишь, потому что ждешь гаишника».

Барабас уже поднялся уходить, и вдруг раздался крик. Всегда невозмутимая насмешливая Вика кричала, чуть не плача, что она как дура бегала по улицам и ругалась с мужем, а ей никто ничего не рассказывает и даже не удосужился спросить, что она видела, потому что все такие умные, Шерлоки Холмсы, а она так, пописать зашла. Барбос строго сказал, чтоб Вика не базарила, а говорила по существу. Но Вика все кричала и не могла остановиться, потом стала всхлипывать и хохотать, в общем, с ней случилась натуральная истерика.

В понедельник Сергей Градов пришел на работу ни свет ни заря. В банке апробировали новую систему видеонаблюдения, позволяющую контролировать не только зал, но и рабочие места сотрудников, в том числе и кабинеты начальства. Изображение с видеокамер шло не на экраны охранников, а прямо в компьютер Сергея.

В семь часов утра Градов и его начальник Павлодарский включили систему. В семь тридцать сменилась охрана на входе. В восемь должны были начать подходить сотрудники, и Сергей с Павлодарским позволили себе в этом промежутке выпить кофе.

Пили они не в офисной кухоньке, как обычно, а каждый в своем кабинете, хотя приносить еду и питье на рабочее место строго запрещалось. Но банк был пуст, и тучный Павлодарский объявил, что не будет из-за дурацких запретов лишний раз вылезать из-за стола и тащиться в цокольный этаж на кухню — у него есть неотложные дела, которыми он займется, не отходя от кофе. Сергей подозревал, что на самом деле шефа просто давила жаба делиться с подчиненным шоколадными конфетами, которые он поглощал десятками, с кофе и без, и тайком от сотрудников держал в запертом ящике стола. Разумеется, про конфеты знал весь банк.

Градова тоже вполне устраивал его кабинет, он принес кофе начальнику и отправился со стаканом к себе, пробормотав, что «кое-что посмотрит». Шеф отнесся к этому с пониманием, наверное решив, что и Сергею чем-то жалко делиться.

Сергей чуть не поперхнулся, когда увидел на экране наружной камеры человека, которого никак не ждал в столь ранний час. Тимофей Петрович Андрущенко кивнул охранникам, прошел по коридорам в свой кабинет, и умная система просигнализировала об этом тихим гудком и миганием в соответствующем секторе.

Сергей дал укрупнение и стал наблюдать, как Андрущенко открывает ящики стола, достает какие-то бумаги и часть их сует в шреддер, а другие в карман, потом говорит по мобильнику — модернизированная аппаратура передает даже голос, но так фонит, что ничего не понять. Градов пометил себе в блокноте заняться звуком и поставил вопросительный знак — на усмотрение Павлодарского, все-таки прослушивать кабинеты начальства слишком жирно для службы безопасности.

Андрущенко после телефонного разговора, наоборот, начал вынимать что-то из карманов и убирать в стол, при этом смотрел на часы и теперь явно торопился. Вел себя Тимур необычно нервно и суетливо, но даже при максимальном увеличении на его лице нельзя было прочесть ничего, кроме разве что легкой озабоченности. В какой-то момент он поднял глаза и посмотрел прямо в камеру своим рентгеновским взглядом, от которого у Сергея похолодела спина — ему казалось, что Тимур смотрит прямо на него. Он непроизвольно уменьшил фокус, и страшные глаза отдалились.

Андрущенко возник на экране поясным портретом, портрет повернулся в профиль, открыл сейф, что-то достал из него и, снова встав анфас к камере, стал сосредоточенно (Сергей опять сделал приближение) укладывать в бумажник и карманы толстые пачки долларов. Честно говоря, сами пачки Градов разглядеть не мог, но было очевидно, что если человек пихает их в бумажник, то в этих пачках — деньги, а для такого типа, как Тимур, деньги — это доллары.

В это время с другого монитора послышалось призывное попискивание. Сергей

удивленно поднял голову и увидел, что у входной двери тоже творится что-то странное. Двое мужчин стояли на крыльце и нажимали на кнопку звонка. Дверь открылась, они заговорили с охраной, но слов не было слышно совсем — внешняя камера передавала только изображение. Через пару минут у Павлодарского зазвонил телефон. Разговора за стенкой Сергей тоже слышать не мог, но он был коротким, судя по тому, что вскоре позвонили Андрущенко — по-видимому, сам Павлодарский. Тимур снял трубку, выслушал, огляделся по сторонам и сказал несколько коротких слов. Павлодарский громко крикнул кому-то: «Я подойду!» и хлопнул дверью.

Восстановить картину было нетрудно. Двое ранних визитеров оказались не обычными посетителями банка и явно имели право войти сюда даже в неурочное время. Вышколенная охрана тем не менее запросила по этому поводу Павлодарского, не осмеливаясь тревожить высшее начальство в лице Тимура — а может, по какой-то другой причине. Павлодарский мгновенно отзвонил Андрущенко и получил указание встретить гостей лично, что тут же бросился выполнять. Новая система пунктиром показала путь начальника ай-ти-эс (так назывался их отдел, полностью — ай-ти секьюрити) по коридорам в сторону главного входа. Перемещался Павлодарский довольно медленно, впрочем, торопиться было не в его привычках.

Сергей вернулся к Андрущенко — и вовремя. Тот уже стоял у двери, готовясь покинуть свой кабинет. Градов едва успел перевести камеры в режим слежения, как по монитору пополз другой пунктир, обозначающий Тимура. Он двигался быстро и в направлении, противоположном направлению пути к выходу из банка. Похоже было, что Тимофей Петрович бежал, но куда? В хранилище за золотыми слитками?

Сергей на минуту задумался и все понял. Андрущенко держал путь к другому выходу, через подвал. О нем не знал почти никто, даже охранники; но шеф службы безопасности, разумеется, должен был знать. Более того, только у него были ключи от этого выхода и личная карточка, позволяющая открыть секретную дверь. Сам Сергей знал лишь в общих чертах о существовании этой двери, ее расположение представлял себе весьма приблизительно и слышал также, что из нее попадают не на улицу, а в какое-то чуть ли не бомбоубежище, выход из которого находится уже совсем далеко от банка.

Итак, всемогущий Тимур бежит, как заяц, уничтожив какие-то документы и набив карманы долларами, а за ним следом уже торопятся двое в штатском. Чистый Голливуд — будет что рассказать дома. Сергей вспомнил «расследование», которое так самозабвенно вели его жена и ее подруги по работе. Вспомнил и свой испуг, когда среди фигурантов «парикмахерского» дела он узнал Андрущенко. Он немного успокоился, лишь когда Наташа убедила его, что она там вообще ни при чем, да и дело все выеденного яйца не стоит, просто Любаше это интересно, а Наталья так, за компанию.

Выходит, подружки не зря секретничали, Тимур влип во что-то серьезное. А вдруг он уже в курсе, что по его следу идут две азартные женщины — или сколько их там в парикмахерской? Если он уничтожает документы, то не захочет ли убрать свидетелей? А свидетели — Наташа, Люба, еще какая-то новенькая, то ли Нина, то ли Лена...

Эта мысль показалась бы смешной кому угодно, только не Градову. Он-то знал манеру Тимура доводить все до конца. Перед глазами тут же возник аккуратный моток веревки, свернувшийся змеей на его столе. Сергей почувствовал, что у него взмок затылок и вспотели руки. Спокойно, сказал он себе, оставь свои эмоции, они тут ни при чем, лучше попробуй просчитать вероятность, ты же математик, черт возьми. Пока еще ничего не случилось, ты

просто сидишь в кресле и любишься, как твой начальник пульсирующим курсором мечется по экрану. Он сволочь и преступник, но с чего ты взял, что он сейчас отправится в салон охотиться на парикмахерш и косметичек? Откуда ему вообще знать об их существовании?

Оттуда, ответил сам себе Сергей, откуда этот гад знает все и ничего не упускает. Не случайно же он ошивался неподалеку от «Шпильки», где его и видели девчонки. Если есть хоть маленький шанс, хоть один шанс, что Люба и Наташка засветились со своими шпионскими страстями... От одной мысли об этом Градова стало тошнить, и горло перехватило, как будто та веревка опять появилась на столе.

Он ледяными пальцами набрал Наташин номер. «Абонент не отвечает или...». Ну да, в это время она едет в метро, и ее провайдер там не принимает. Говорили же, что надо перейти в другую сеть... Сейчас Андрущенко выйдет из здания, и Сергей уже не успеет предупредить жену. Впрочем, он и так ничего не успеет.

Возьми себя в руки и подумай, что ты можешь сделать. Что бы ты сделал, если бы это была компьютерная игра? Просто игра, монитор, кнопки и мышка. Ты против Тимура. Это твоя стихия, и только в этой «бродилке» у тебя есть шанс победить, единственный шанс раздавить наконец эту сволочь, чтобы она больше никогда не отравляла людям жизнь. Отомстить за свой стыд и за бедного Генку.

«Только игра», — как заклинание повторил про себя Градов. И, сам не очень соображая, что делает, повернул рычаг, который прежде трогал только во время технических испытаний. Последний раз это было сто лет назад, и он даже не был уверен, что система сработает. Лишь когда датчики хрипловато загудели, он понял, что сделал это. Включил блокировку всех выходов. Теперь Андрущенко не выйдет из банка. Война объявлена.

Резвый пунктир уже скакал по подвальным помещениям, которые Градов знал плохо. Остановился. Потоптался на месте. Сергей кинул взгляд на другой монитор и увидел, что Павлодарский встретил гостей и не спеша ведет их (три неторопливые гусеницы, параллельными зигзагами ползущие по экрану) к кабинету Тимура. Интересно, знает ли он, что босса уже нет там?

Андрущенко застыл у заблокированной двери, но совсем не надолго. Ему понадобилось гораздо меньше времени, чем ожидал Сергей, чтобы понять, что проход закрыт. Пунктир двинулся в другую сторону так же быстро, как до этого бежал к выходу.

И тут Градов вернулся из игры в реальность и понял, что весь его прежний страх перед Тимуром был всего лишь испуг малыша, увидевшего во сне Бабу Ягу из мультика. А сейчас он откроет глаза и, к ужасу своему, обнаружит, что Баба Яга настоящая, а мама далеко.

Баба Яга не выйдет из заколдованного леса, но он-то тоже застрял в этом лесу. А Баба Яга, то есть Тимофей Петрович Андрущенко, прекрасно знает, где находится рычаг для экстренной блокировки. И в этот момент он решительными шагами направляется прямо в кабинет Сергея.

Как это в книгах пишут — ноги стали ватными? Это ерунда, вата ведь невесомая. У Сергея ноги стали тяжелыми, как чугун, и совершенно бесчувственными — он не мог даже двинуть ими, не то что поднять. Его трясло, холодный пот ручьями тек по спине. Это и помогло — у него была аллергия на собственную секрецию, и спина тут же едко зачесалась, что затмевало все прочие ощущения.

Градов пришел в себя и понял, что может выскочить из кабинета и спрятаться. Вряд ли Тимур будет его искать, он очень торопится. Просто снимет блокировку и снова бросится в подвал. Сергей тогда вернется и опять закроет двери... Нет, Андрущенко не такой дурак, он

вырвет рычаг с корнем, чтобы его уже нельзя было переключить. Но все же Сергей задержал его, насколько мог. Есть надежда, что из-за этой непредвиденной задержки он не успеет добраться до «Шпильки». А может, он вообще туда не собирался? Впрочем, теперь уже неважно.

Дергая лопатками, чтобы хоть немного избавиться от зуда (в пиджаке не особенно почешешься), Градов поднялся со стула. И остановился. Представил себе, как будет сейчас бежать, оглядываясь, по коридору, искать пустую комнату, желательно с запирающимся замком. Прижиматься к стенке и прислушиваться к шагам за дверью. Считать минуты, пытаясь сообразить, где сейчас находится Андрущенко. И все это время тонуть в липком холодном болоте страха, отгоняя воспоминание о проклятой веревке.

Он остался стоять на месте, испытывая что-то похожее на злость. В этот момент случилось нечто совсем непредвиденное. Пунктир Тимура вильнул в сторону, задержался в каком-то тупике... И, к изумлению Сергея, все мониторы погасли. Непогрешимая система, которую он своими руками отлаживал, монтировал и знал до последнего проводочка, отрубилась, как будто он сам нажал на единственную кнопку.

Андрущенко догадался, кто посмел ему помешать, и принял вызов. И первым делом ослепил врага. Каков будет следующий удар?

Наблюдать, как стремительный пунктир неумолимо приближается к тебе, было жутко. Но не видеть его оказалось просто невыносимо. Сергей был компьютерным человеком, большую часть жизни он проводил, глядя в монитор, и теперь чувствовал себя лишенным не просто зрения, но и точки опоры. Надо было что-то делать, занять себя чем-то, чтобы не сойти с ума от погасших экранов, угрожающей тишины и страха.

Физиология опять пришла на помощь. Он скинул пиджак, сунул руку за шиворот и долго с остервенением скреб проклятую спину. А потом, начесавшись, начал готовиться к обороне.

Мысль забаррикадировать дверь пришлось сразу же отмести — ножки стола и пульта были привинчены к полу, а больше никакой серьезной мебели в его кабинетике не имелось. Пришлось окапываться в четырех стенах. Эту задачу Сергей выполнил с фантазией, но, как показало будущее, довольно бездарно.

Пиджак он повесил на стул, надеясь, что хоть на секунду введет противника в заблуждение — непонятно, правда, какое. Пульт управления системами слежения накрыл подносом от цветов и сверху поставил старую клавиатуру, которую уже поменял, но не удосужился выбросить. Все эти фокусы напомнили ему составление квеста на третьем курсе, когда надо было не только писать программу, но и придумывать разные ходы и обманки.

Единственный стул он задвинул так, что добраться к пульта стало очень трудно. В правую руку взял ключи от кабинета, в левую — спиртовой аэрозоль для протирки клавиатуры и экрана, единственное оружие, которое смог найти. Он решил, что встанет за дверью в узкий простенок и, когда Тимур ворвется в комнату, успеет выскочить в коридор и запереть замок. Самое простое было закрыться изнутри, но, увы, — все комнаты в банке, кроме кабинетов высокого начальства, запирались только снаружи. И то — зачем рядовым сотрудникам что-то делать за закрытыми дверями?

Приняв стартовую позицию, Сергей оглядел свою работу и остался недоволен. Попытка замаскировать пульт ему явно не удалась: кривой пластмассовый подносик был обращен к входу бесстыдно загнутым кверху углом, открывая взору блестящие кнопки и рычажки. А нелепо развернутый стул в поникшем пиджаке слишком явно указывал на тот путь, который

пытался преградить.

Сергей положил ключи и протянул руку, чтобы хотя бы поправить подносик. И тут за его спиной распахнулась дверь.

Он все-таки не рассчитал время, и Тимур успел раньше. Он не остановился в дверях, как сделал бы любой нормальный человек, не знающий, что его ждет в чужом кабинете, а сразу рванулся внутрь, прямо на Сергея. Градов мгновенно понял, что испытывает заяц, когда обнаруживает в метре от себя летящего в прыжке волка. Одна секунда — и заяц уже больше ничего не чувствует.

Но Сергей Градов не был зайцем, хотя он очень, очень сильно испугался. Испугался так, что закричал во весь голос, нелепо разинув рот, — при этом ему казалось, что из горла вырывается лишь сиплое шипение, как из испорченного крана.

Он вдавил пипочку аэрозоля и не отпускал ее целую вечность, наполняя помещение вонючим белесым паром. Видимо, его оружие все-таки достигло цели, потому что Андрущенко запнулся на полпути, прижал руку к глазам и надрывно чихнул. Сергей схватил ключи, бросился мимо него к выходу, но наткнулся боком на железный кулак и грохнулся на пол, хватая ртом воздух. К счастью, удар был ослаблен действием аэрозоля, и Градов не отлетел назад, а упал на четвереньки и пополз вперед, задыхаясь, ничего не видя от едких испарений, раздирая ладонь бороздками ключа.

Он сам не поверил, что оказался снаружи, — очевидно, Тимур все же не мог сразу справиться со слезами из обожженных глаз. Как был, на коленях, захлопнул дверь и начал судорожно совать ключ в замочную скважину. Руки дрожали, из глаз текло, в носу бешено свербило, и, разумеется, чесалась многострадальная спина, переживавшая уже энное по счету обливание потом. Но он попал в замок и повернул ключ раз и второй, и еще полпраза, хотя это не имело смысла. И в этот момент раздался выстрел.

Сергею повезло, что он не успел встать с колен. Пуля, которая должна была войти в низ живота, пронзила ему плечо. Боль была адская; позже, в Склифосовского, врач объяснил ему, что пуля на излете или заторможенная препятствием разрывает ткани гораздо медленнее обычной, от этого и боль. Он согнулся и откатился в сторону, уже не понимая, что происходит, зажимая рану рукой и поскуливая, как побитый щенок. Двое в штатском рысью пронесли мимо него по коридору, одним ударом сшибли дверь, которую он так старательно запирает, и ворвались в кабинет. Оттуда донеслось еще два выстрела, пронзительный пороховой запах и короткое ругательство.

Сразу стало тихо. Один из штатских, в сером костюме, вышел и склонился над Градовым. Сергей уже давно не смотрел на людей с пола, и штатский показался ему гигантским троллем с огромными ногами и маленькой головой.

— Вы ранены? — спросил серый костюм, присаживаясь на корточки. — Ого! Сейчас мы вызовем «скорую».

Он выпрямился, достал мобильник и заговорил в него, как в рацию, не набирая номера: — «Скорую» в банк, есть раненые. Да, тихо не вышло. Боюсь, что нет.

— Что с Андрущенко? — спросил Сергей с пола. Кровь текла из плеча без остановки, боль проходила, и ее место занимала блаженная сонливость.

— Кажется, убит. Попытка оказать сопротивление при задержании, — почему-то пояснил ему штатский. — Так, это не годится, кровью истечете.

Он снова присел на корточки, вынул из кармана носовой платок, отвел здоровую руку Сергея и начал перетягивать ему плечо поверх раны. Градов замычал: снова стало больно.

— Потерпите, надо. Зачем он к вам в комнату полез?

Ох! Еще ведь придется отвечать на вопросы.

— У меня... монитор наблюдения... — медленно произнес Сергей. Статус раненого позволял тянуть с ответом, и он успел собраться с мыслями. Даже странно, что какие-то мысли еще остались в его голове. — Видно все, что происходит в банке.

— А-а! — кивнул штатский. — Тогда понятно. Встать можете? «Скорая» должна уже вот-вот...

Никакого «вот-вот» не будет, подумал Градов. Все входы заблокированы. И ему надо будет объяснить, почему он это сделал. Сначала суперменам в штатском, потом службе безопасности, подручным Тимура. Тимура уже нет, но служба-то осталась.

Ему безумно хотелось спать. Только спина зудела и не давала ему расслабиться.

— Мне... в комнату надо, — пробормотал он, пошатываясь и опираясь на твердокаменный локоть серого костюма. — Там документы... в пиджаке. Группа крови...

— Придется подождать. Давайте сюда.

Серый, поддерживая, вел его в кабинет Павлодарского. Фигура самого шефа ай-ти-эс, бледного и несчастного, с траурной шоколадной каймой вокруг рта, колыхалась неподалеку, почти заслоняя весь коридор. За его спиной вдруг материализовались два ангела в белом и еще какие-то смутные тени. Слышались голоса, но они становились все тише, как будто в телевизоре убавляли звук. Потом телевизор накрыли одеялом, и Сергей Градов провалился в забытие, успев сообразить, что железный Тимур все-таки отключил блокировку, потратив на это те самые драгоценные секунды, за которые Сергей сумел повернуть ключ в замке.

Если Андрущенко действительно убит, никто не узнает, что какая-то блоха по имени Сергей Градов осмелилась встать на его пути.

— Градов, ты чего? Ты живой? — горестно воскликнул Павлодарский над его недвижимым телом. — Хорошенькие дела, твою мать! Один труп, один в отключке — а мне отчитываться наверху. Лучше б меня подстрелили, ей-богу!

Сердитые санитары оттеснили его к стене и погрузили Сергея на носилки.

Жизнь у каждого складывается по-своему. Вот так и Тимофей стал Тимуром.

Теперь он уже снова Тимофей Петрович, без разницы. Тимуром зовет его хозяин, хозяйка, Алина и те в холдинге, кто из старых.

Он придумал себе это имя еще в детстве, когда прочитал книгу. Книга ему тогда, помнится, ужасно понравилась. Про пацанов, которые собрали команду и за порядком следили. На самом деле так нипочем не бывает, он знал. Потому и понравилось.

Теперь пацанами называют не мальчишек, как прежде, а приклатненных деловых. И имя Тимур всем кажется кавказским, а потому вызывает уважение и страх. Правильное имя. Не то что Тимофей, вот уж мамашу угораздило. Это в честь отца ее, деда значит. Очень весело парню с таким именем жить. Так и веет от него печкой да ватником.

От матери вообще было мало толку. В четырнадцать лет она его бросила с отчимом, сама сбежала к любовнику в Читу. Отчиму, ясно, чужой пацан не нужен. Тиму он не обижал, но и особой заботы не выказывал. Потом и вовсе делся куда-то. Тиму бабка растила до армии, ну, а с бабки какой спрос.

Пока служил, письмо пришло из деревни: бабка померла. И мать написала: сыночек, дом тебе оставляю, живи и радуйся. То-то радости в зауральской деревушке! Соседи пишут, что колхоз развалился, живут только с огорода да со скотины. Это что ж ему, за скотиной ходить да на огороде корячиться? Тимофей подумал, подумал и подал рапорт на сверхсрочную.

Взяли в штаб за то, что исполнительен и болтать языком не любит. Болтать у него и правда привычки не было. Целый день сидишь с бабкой в избе — о чем с ней поболтаешь, о корове да курах? А исполнительный — это есть, не отнимешь. Это материно, дедово, от кулацкой породы. За то их и сослали за Урал из хлебных Кубанских земель, что работать умели справно.

В штабе и высмотрел его майор Рожков, приблизил к себе, сделал своим помощником и поверенным в делах. Вот уж у кого язык был без костей. О чем только не мечтал майор вслух! И на дочке генерала жениться, и на Дальний Восток махнуть икрой торговать, и нефть поискать в тайге, чтоб сразу американцам гнать. Времена такие пошли, что и помечтать не грех.

В начале 90-х не выдержал майор Рожков, сорвался из армии и прапорщика Андрущенко за собой потащил. Такие дела творятся, люди деньги лопатой гребут, а мы с тобой в казарме сидим, новобранцев дрючим!

Добрались до Москвы, где у Рожкова были какие-то кореша, открыли кооператив. Вернее, открыл Рожков, у него-то бабки были накоплены от офицерской зарплаты, а Тимур так, на подхвате. Торговали импортной хавкой, шмотьем, электроникой, что попадет. Тимур в это не вникал, у него была забота — организовать. Чтоб магазин вовремя открылся, товар лежал на полках, продавцы не воровали. С «крышей» тоже он контактил. С виду страшно, а поближе подойдешь — пацаны как пацаны, договориться можно. Особенно если лишний раз хлебало не раскрывать.

Рожков поднялся, открыл банк на паях с корешами.

Потом пошли такие дела, страшно вспомнить. Начался раздел-передел, уйму народу постреляли. Тут и майор попал. Всегда твердил: никому нельзя доверять — доверился. В

баню с партнерами пошел расслабиться, охрану за дверью оставил. Вот их и расслабили.

Банк лопнул, денег в нем не оказалось, сотрудники разбежались от греха. Тимура взял к себе один из компаньонов, назначил старшим по охране. Отправил его на курсы всякие спецназовские, приемчики учить. Серьезный человек.

Десять лет проработал Тимур с хозяином, и тот верил ему абсолютно. Так, что в конце концов доверил даже собственную дочь. Впрочем, кому еще ее было доверять? Хозяйка, когда перебесилась с платьями и брильянтами, ушла с головой в мистику — то ли духов вызывала, то ли столы вертела с такими же одуревшими от денег и безделья приятельницами. Няни у девочки были и даже гувернантки, но все сплошь дуры набитые.

Алину Тимур помнил с малых лет, еще школьницей. Когда-то он сам ее в школу возил, потом штат разросся. Девчонка была тихая — очки, белые манжетки, портфельчик свой всегда таскала сама, никому не доверяла. Но в тихом омуте, как известно...

Тимур всегда был в курсе всего и знал, что летом на даче молодежь по ночам собирается кучей и развлекается, как умеет. То в саду у кого-нибудь — благо сад в десять гектаров, — а то и дома. Родители особенно не беспокоились — все свои, чужие здесь не ходят, огорожено, и пост с собаками стоит. Вот и случился у Алинки на даче первый поцелуй, а дальше больше, а потом оказалось — любовь.

По неопытности Тимур пассию Алинину тогда не разглядел и не знал кто, а застал только слезы, стоящие в опухших глазах, да покрасневший кончик носа. Для Алины, которая не плакала лет с семи, это было такое, что даже хозяин заметил. Что он дочери сказал, неизвестно, а Тимур получил задание на всю оставшуюся жизнь. Сформулированное так, что уточнений не требуется: у девочки не должно быть проблем. А дальше что хочешь, то и делай.

И пришлось Тимуру, у которого сроду не было ни жены, ни детей, только случайные подружки да беспутная мать, постигать тайны девичьей души. Ничего в ней не оказалось сложного, но в начале он, конечно, чуть не облажался, выпустил ситуацию из-под контроля. В тот момент он был занят другим — разыскивал Алининого обидчика и проводил сложную, многоходовую акцию отмщения, замаскированную под деловые разборки. Все прошло удачно, заодно и конкурента, папашу сопляка, вынесли за скобки. Но пока он возился, произошло нечто незапланированное.

Помимо того, что дачный пакостник разбил девушке сердце, он успел разбудить в ней женщину. Видимо, в койке он был крут, и Алина сразу почувствовала вкус к этому делу. Когда сердечная рана начала затягиваться, глазки уже не опухали с утра, и Тимур подумал, что главные неприятности позади, — вот тут-то они и начались. Природа затребовала своего, да так настойчиво, что Алина, верно, и сама не ожидала.

С детства ее окружали мужчины — шоферы, охранники, отцовские секретари, даже прислуга (хозяйка не любила лишних женщин в доме). Она привыкла к плечистым мальчикам, которые открывали ей дверь, подсаживали в машины, держали над ней зонтик. На этих-то мальчиков-телохранителей и среагировало ее женское естество. Вначале она сама не замечала, что старается покрепче опереться на протянутую руку, пройти почти вплотную, чтобы ощутить густой мужской запах, как бы невзначай коснуться бедром, забираясь в машину.

Потом она поняла, что ей нужно. Объявила, что будет ездить только впереди. Перешла на короткие юбки, которые прежде терпеть не могла. Хватала за колено или за локоть: стой, не туда повернул! Осторожно, не гони!

Но и без этих детских уловок все было ясно, все было написано в ее глазах, которые то и дело заволакивало теплым туманом. Кто-то из парней должен был на это клюнуть. Она не выбирала, ей было все равно. Тимур, занятый кучей других дел, прошляпил. Все кругом молчали, как рыбы об лед. И обнаружил он их совершенно случайно, во время обхода дачи — четыре ноги на диване в старой детской, где Алина уже пять лет не спала.

Первая реакция была очевидной: стереть гада в порошок, остальных вздрючить по первое число, доложить хозяину — пусть разбирается со своим половозрелым дитем. Но тут же вспомнил: хозяин два раза не повторяет. Сказал, что Тимур отвечает за Алину, — значит, отвечай.

Парню он задал только один вопрос:

— Сколько?

Тот понял:

— Месяц.

Западло, однако. Месяц у тебя под носом творится форменное блядство, а ты ни ухом ни рылом. Хозяин узнает, из тебя порошок сделает, а не из этого гардемарина.

Гардемарин стоял перед ним навтыжку белый, как соль. Знал, сукин сын, чем пахнет. Но Тимур все же разъяснил ему в двух словах, чьими яйцами он позавтракает, если когда-нибудь кому-нибудь мявкнет, что драл хозяйскую дочь. И отпустил.

— Что прикажете делать? — только и спросил ошеломленный охранник.

— Работать! — рявкнул Тимур без ухмылки, хотя понимал двусмысленность приказа.

Он рассудил, что если за месяц охрана сумела скрыть это дело даже от него, то все не так страшно. Гони природу в дверь, она влетит в окно, говорила его легкомысленная мамаша. Ну, вышвырнет он поганца, закатает в бетон — на Алину-то управы нет. Найдет другого, да еще болтливого, скандал дойдет до хозяина, и полетят головы — его, Тимура, первая.

Он просто взял девчонкину постельную жизнь под свой контроль, присоединил к другим своим ежедневным заботам. Первого кабальеро через некоторое время сменил, предварительно еще раз проведя разъяснительную работу (на этот раз она включала список близких родственников, которые, сами того не ведая, должны были стать гарантами молчания ягнят). И с тех пор подбирал персонал с учетом хозяйских потребностей, стараясь, чтобы рядом с Алиной всегда находился кто-нибудь смазливый, сообразительный и не склонный трепаться. Иногда он даже объяснял парню открытым текстом, в чем состоят его обязанности.

Разумеется, этих ребят следовало время от времени тасовать, чтобы роман принцессы и трубадура не перерастал в прочный союз, угрожающий чести короны. Тимур проводил такую ротацию достаточно часто, и Алина не возражала.

Но однажды ему пришлось вмешаться. Очередной гардемарин оказался мастером своего дела. Алина училась в последнем классе, и Тимур обнаружил, что вместо уроков личный шофер, он же телохранитель, отвозит ее за город и часами ублажает на сиденьях просторного джипа.

Вот этого он наказал серьезно, потому как сказано: не злоупотребь. Но девчонка скисла (опять недосмотрел!), снова стали обиженно пухнуть глазки, и однажды она устроила ему настоящую истерику.

Подходящей кандидатуры в тот момент не было. После школы Тимур сам заехал за Алиной, но повез ее не домой, а в тот самый лесочек, где застукали прогульщицу и ее

дружка. Место было выбрано удачно — абсолютно не видная с шоссе полянка, пушистые вербочки на подтаявшем снегу, апрель-капель, набухание почек и всех остальных ростков. Он остановил машину, заглушил мотор и молча посмотрел на нее, словно ожидая указаний.

Она недоверчиво наморщилась, затем поняла — лицо ее прояснилось и порозовело. Вкрадчивым, каким-то омерзительно развратным движением сняла очки, приподняла коленку в разноцветном чулке, потянула вниз молнию кофточки. И, не успев даже расстегнуться, набросилась на него с энергией, которой он никак не ожидал от этой скромницы.

Чем-чем, а скромностью там и не пахло. Алина визжала, рычала, кусалась и вообще вела себя как шлюха из второсортного порно. Тут Тимур и понял, чем привлекали ее охранники, кроме крепких рук и мускулистых ляжек. После того злополучного романа она больше всего боялась мужского пренебрежения, насмешки, последующих глумливых рассказов в компании — а было, как выяснил Андрущенко, и то, и другое, и третье. Только с прислугой она позволяла себе не сдерживаться, не строить английскую королеву, потому как персонал у них вышколенный, отборный, будет преданно выполнять все хозяйские желания и слова не проронит. Молодец, Тимур, Тимофей Петрович, правильную схему построил, хвалю. Вот только как же девчонке теперь замуж с этими бордельными замашками? Ладно, до замужа еще дожить надо.

— Все что хочешь, но уроки не прогуливать! — строго сказал он Алине, голой, теплой, полусонной, но уже снова нетерпеливо ерзающей у него на коленях. Он говорил ей «ты» с детства.

Она фыркнула и полезла ему в ухо скользким горячим языком.

Разумеется, он не взял на себя еще и эту обязанность, но время от времени затыкал дыры собственным... тьфу! К счастью, Алина скоро перебесилась, гормональный фон пришел в норму, и поездки в рощу прекратились как-то сами собой.

С тех пор она его сторонилась и держаться стала заносчиво, как с последней шестеркой. Не по чину, да и не в его правилах было обижаться на хозяев, но он обижался.

Потом Алина поступила в университет, влюбилась в преподавателя, которого хозяин называл Мочалкой, и женила его на себе. Она жила теперь отдельно, ездила сама, без охраны, и Тимур уже мысленно вычеркнул эту головную боль из длинного списка забот. Лишь время от времени он встречался с ней и выяснял, все ли в порядке, поскольку необходимость решать ее проблемы хозяин с него не снимал.

А она его избегала и боялась. Боялась с того момента, как поняла — а то с самого начала не было ясно! — что все участники детских оргий удалены и обезврежены, и он, Тимур, единственный, кто знает о грехах ее юности. Как будто это знание он мог использовать против нее. Нашла, кого опасаться, дурочка.

По отдельным ее репликам Тимур все же понял, что с Мочалкой ей хреново, и однажды прямо спросил, не нужна ли помощь. Она фыркнула, как в детстве, и ответила: «Сама справлюсь».

От хозяина у Тимура были ясные инструкции: при первой жалобе Мочалку — к ногтю. Но Алина не жаловалась.

А в это лето что-то изменилось. По телефону Алина говорила, что у нее все хорошо, и по голосу было слышно — так и есть. Он даже пришел к ней без приглашения, чтобы посмотреть, что это за хорошо такое. Домой, конечно, не заходил, подождал у собачьей площадки. Алина выглядела веселой, хотя несколько задумчивой. Сказала, что Вадим

успешно прошел курс лечения (это он слышал и без нее) и они надеются на ребенка. Это, конечно, многое объясняло.

Но тут случилась авария. А потом еще что-то. Алина по телефону отвечала похоронным тоном, но толком ничего не говорила. Он не знал, что происходит, был занят на работе, послал ребят проверить, и ему доложили, что Мочалка уже несколько дней не ночует дома. И что недавно его видели с журналюгой из одной подлой газетки. А Тимур как раз рыл землю, искал, откуда утечка по лондонской поездке. Ну, Мочалка, храбрец!

Он посоветовался с хозяином, и тот только скрипнул зубами. Отмашка была получена. Оставалось найти Мочалку. Тем временем Алина позвонила и попросила его прийти к ней домой. Он не поверил своим ушам. Да, именно так — домой. В течение дня, в любое удобное время. Она будет одна, совершенно точно. А если выйдет с собакой, то ведь у него есть ключ. Разумеется, у него был ключ — у него были *все* ключи.

Так и есть — когда Тимур пришел, ее не было, и собачки тоже. Ладно, подождем. Он первый раз оказался в квартире у Алины. Ему понравилась обстановочка — не в пример скромнее, чем у хозяина, но все дорого, со вкусом. Он обошел квартиру, отметил мягкий розовый свет в ванной, бутылку коньяка и две рюмочки возле джакузи. Это кого же мадам ожидает, неужели его? Опять, как когда-то, заменять пропавшего друга сердца? Ничего не поделаешь, Тимур, подписался служить — обслуживай.

Он сел на диван в салоне, перелистал валявшуюся на журнальном столике книжку, но чтение уже много лет было для него непростительной роскошью. Столик был покрыт тонким слоем пыли, и он с неодобрением подумал об отказе Алины от прислуги. Могла бы взять приходящую уборщицу, нет — все сама. Вот уж причуды богачей. Он откинулся на спинку, чтобы немного подремать. И тут в прихожей хлопнула дверь.

Покой нам только снится, вздохнул про себя Тимур, приготовившись встречать молодую хозяйку с ее новыми взбрыками. Но это была не Алина. В квартиру вошел Мочалка. Вид у него был пришибленный, и он озирался, как будто не был здесь очень давно.

Он сразу забыл, где был, а где не был, когда увидел Тимура. Метнулся назад, но Тимур уже держал его за запястье. Мочалка подергался и смирился. Схватился другой рукой за нагрудный карман — таблетки от сердца! Тимур перехватил у него коробочку и кивнул — в таблетках он разбирался хорошо.

Они пошли на кухню рука об руку, как подружки-первоклассницы. Тимур налил в стакан воды и помог Мочалке принять таблетки. Одну, вторую, третью, еще... После четвертой он начал давиться, вызывая рвоту, и пришлось его деликатно выключить. До прихода Алины с собакой Тимур успел переодеть Вадима Григорьевича Колосова в домашний халат, поставил перед ним стакан с водой и дал ему в руки книжку — как оказалось, его собственного сочинения. Приятно же иногда, придя домой и надев халат, перелистать для отдохновения страницы, которые ты сам написал. Тем более если это последняя книга в твоей жизни.

Потом Тимур, как мог, успокоил безутешную Алину, велел ей вызвать милицию через двадцать минут после его ухода, протер платком дверные ручки, графин на кухне — вроде бы и все?.. Свидание в джакузи придется отложить до другого раза. Бай-бай!

«Ну что, гражданин следователь, такого чистосердечного признания вы от меня ждали? Увы, не дождетесь. Всю картинку, за исключением предыстории, конечно, вам придется сложить самому. Это нетрудно, ведь Тимур оставил вам всплывающие подсказки, прозрачные намеки, которые только тупой не поймет — а вы не тупой. Смерть зятя

известного человека должен расследовать только опытный и сообразительный сыщик.

Вы быстро догадаетесь, почему у меня в рабочем столе лежит клочок бумаги с адресом Алины и Колосова (а то я этого адреса не знаю наизусть!) и полупустая упаковка сердечных таблеток. Правда, такую же пачку опера нашли на столике возле дивана, где заснул вечным сном господин Колосов, — но это уж сами увязывайте. Явных улик, увы, в квартире покойника не осталось. Кто мог знать, что вы потянете Алину за убийство мужа.

Фраернулся Тимур, сам виноват, надо было все предусмотреть. Смалодушничал, жить захотел. Даже потом, когда стрелки на себя переводил, надеялся, что успею оторвать когти. Паспорт готов, с билетами все схвачено. Греция, Италия, теплое море, потом Австралия или Перу. Названия-то какие, как песня!

Не получилось. Знал я, что не получится. Не мог хозяин допустить даже малейшей возможности, что меня возьмут живым, что станут его верному помощнику всякие менты да прокуроры досаждают скучными вопросами. С этим у хозяина налажено хорошо. Мне ли не знать, сам налаживал.

Жаль. Но хозяйскую дочь вы теперь оставите в покое. Иначе я из могилы встану и всем вам, суки, глотки порву за девочку Алину, мою бесстыжую и гордую любовь».

Вика совершенно успокоилась и четко отвечала сначала Барбосу, потом оперу с Петровки, а еще позже — следователю в прокуратуре. Да, она увидела на улице Колосова, а через пять минут за ним проследовал тот мерзкий тип, которого рисовала Настя и узнал муж Наташи Градовой. Про типа рассказывали всякие ужасы, и она решила проследить, зачем он идет за Вадимом или его двойником, она их не различает, и не выйдет ли из этого какой беды.

Сначала они ехали вдоль тротуара, как настоящие сыщики в кино, но потом тот тип свернул направо, где не было поворота. Вика выскочила из машины и пробежала к «Дому под парусом» дворами, у нее с детства талант находить самую короткую дорогу даже в незнакомых местах.

У дома она оказалась раньше всех и видела, что сначала туда зашел Колосов, затем почти сразу его жена с собакой, а потом, немного погодя, этот тип — он говорил по мобильнику и задержался на улице, чтобы закончить разговор. Она нагло встала прямо у подъезда и видела в лицо каждого входящего, а они не обращали на нее внимания, ведь никто из них ее не знает.

«Все было именно так, и вы меня не путайте: первый — Колосов, потом его жена и последним — тот, третий».

Потом она долго ждала Славку, потому что велела ему догонять и не сказала где, и он, чертыхаясь, объезжал все дворы. Тем временем вышел тот тип, посмотрел на нее злобно и подозрительно, так что у нее душа в пятки ушла, но тут подъехал Слава. Она бросилась к нему и стала на ходу орать, чтобы слышал тот тип, что она торчит тут уже целый час, магазин скоро закроется и они никуда не успеют. Бедный Славка хотел возразить, но она все ругала его, не давая вставить слово, пока они не отъехали, и в конце концов он страшно обиделся и дулся на нее весь вечер, не давая ничего объяснить.

Время она может назвать точно, потому что в мебельный они влетели за пятнадцать минут до закрытия, дороги там полчаса без пробок, а пробок не было.

Кто-то был дома, когда она пришла с собакой. Воспитанный Фагот не залаял, а лишь втянул воздух и начал взволнованно присвистывать. У Алины замерло сердце: неужели Другой? Она не знала, как встретит его после пропажи драгоценностей, наверное, стоило гнать стервеца поганой метлой, но сердечное замирание говорило ей, что погнать не сможет. Духу не хватит. Сердце также подсказывало, что репетировать встречу бессмысленно — он не вернется.

Она тут же разочарованно выдохнула, вспомнив, что пригласила сегодня Тимура и даже готовилась к свиданию. Значит, он уже здесь. Жаль, она не успела зажечь ароматизированные палочки, обычно требуется время, чтобы пряный запах пропитал квартиру, а привкус дыма рассеялся. Интересно, он имеет какое-нибудь представление об изысканной любви?

Она сняла кроссовки, наклонилась за тапочками и замерла. Замшевые мокасины! Не на полочке, а в углу, где их всегда из принципа оставлял Вадим, а вслед за ним и Другой, явно проинструментированный из первоисточника. Прямо в носках она вбежала в гостиную. Высокий мужчина стоял у окна, и ей было трудно разглядеть его против света. Лишь когда

он обернулся и сделал к ней несколько шагов, она увидела, что седины в черных волосах и короткой бороде стало гораздо больше.

— Здравствуй, Аля, — тусклым голосом сказал он.

— Здравствуй, Вадим, — ответила она спокойно. Что ж, значит такова судьба. — Зачем пожаловал?

Он сел на диван, закрыл лицо руками и заплакал. Это было дико и непонятно. На ее памяти Вадим не плакал никогда. Неужели этим спектаклем он собирается вымолить прощение? Или разыгрывает возвращение блудного мужа, который вышел из дома три дня назад, забыв мобильник, а теперь кается перед женой? Не поздно ли?

Их дальнейший разговор напоминал беседу двух глухих.

— Зачем ты это сделала? — проговорил Вадим, не отнимая рук от лица.

— Я сделала?! Что же такого я сделала?

— Зачем ты убила Таню?

— Какую Таню? Вадик, ты о чем? Ты здоров?

— Таню. Тату. Женщину, которую я любил. Ты задавила ее машиной. Здесь, около дома. Зачем? О чем вы говорили?

Алина прислонилась к стене.

Так вот оно что. Девушка, которая бросилась ей под колеса, была не случайная прохожая. И из подъезда она выскочила не просто так. Наверное, пришла выяснить отношения с ней, Алиной, нелюбимой женой-разлучницей. Но никого не застала. Или, того хуже, застала Дика и приняла его за Вадима, вряд ли зная, что у ее возлюбленного есть дублер. Ничего себе комедия положений!

— Вадик, — твердо сказала она. — Я не знаю никакой Тани. Я ни с кем не говорила. Эту девушку я видела в первый раз. Она...

Он ее не слышал. Рыдания сотрясали его тело, сквозь прижатые к лицу ладони вырвался вопль:

— Молчи, я тебя ненавижу, я убью тебя-а!!!

Крик захлебнулся, руки вцепились в воротник. С испуганными глазами, закусив губу, Вадим стал медленно клониться набок.

— Что? — бросилась к нему Алина. — Сердце?

Он кивнул, безвольной рукой вытащил из нагрудного кармана коробочку.

— Налей... воды...

Алина метнулась на кухню.

— Одну таблетку...

Лекарство было Алине знакомо — его принимал отец. В шестнадцать, переживая несчастную любовь до нитки в сердце, она попросила у него таблеточку. Он повел ее в кабинет, протянул одну, из рук в руки. И предупредил, чтоб сама не брала. Одна таблетка — жизнь, передозировка — смерть.

Она дала Вадиму таблетку с ладони, поднесла к губам стакан. Он сделал пару тяжелых глотков, перевел дыхание, задышал легче.

— На, выпей.

— Я уже пил.

— Нет, Вадим, тебе показалось. Прими лекарство.

— Я принял.

— Нет, ты воду пил. На, сейчас легче станет.

— Воду? Да, правда. Давай таблетку... Нет! Я уже принимал! Пусти! Убери руки, сука!

— Вадим, успокойся, тебе надо выпить лекарство, только одну таблеточку, с сердцем не шутят.

— Нет!!!

Она пыталась пальцами разжать его побелевшие губы, он отбивался и хрипел, стакан выпал, и вода разлилась по дивану. Она знала, что ему не хватает воздуха, а потому рано или поздно он откроет рот. Но у него еще оставалось немного сил, и он схватил ее за горло...

В этот момент и вошел Тимур.

Она не смогла уговорить его на джакузи, но ей надо было успокоиться, и он взял ее стоя, в кухне, крепко прижав к стене и из-за ее головы поглядывая на часы. Потом велел переодеться во что-нибудь с высоким воротником, чтобы спрятать пятна на горле (завтра пройдут), и еще раз объяснил, что она должна говорить ментам. Окинул взглядом неподвижную фигуру, мирно полулежащую на диване в домашнем халате. Протер платком дверные ручки и графин — вроде бы и все? Бай-бай!

Через три дня Алину забрали в ментовку. Папин адвокат внес залог, и ее выпустили, взяв подписку о невыезде. «Вы подозреваетесь в убийстве своего мужа Колосова Вадима Григорьевича...» Это что значит — суд? Тюрьма? Она, Алина, в тюрьме?

— Нет, конечно, — успокоил ее отец. Он выглядел озабоченным, но не растерянным. И не спросил у нее ничего по поводу того, убивала ли она Вадима.

— Не беспокойся, Тимур все разрулит.

Она сидела в своей старой детской в родительском доме и ждала. Потом подписку о невыезде сняли. Отец сказал, что она может ехать куда хочет. В свою любимую Италию. В Ниццу — там сейчас бархатный сезон. В Лондон, на Карибы. Только поскорее.

Значит, Тимур все разрулил. И она не успела сказать ему спасибо. Она никому в жизни не говорила спасибо, кроме того мужика, Вадимова дублера, который сумел задеть в ней какую-то струну, а потом сбежал с ее деньгами и драгоценностями. А Тимуру — никогда.

Ей не разрешили пойти на похороны. Тимур погиб при задержании, отстреливаясь от оперативников. Оказалось, что это он убил ее мужа Вадима Колосова. Они давно не ладили. Несколько свидетелей из окружения отца показали, что покойный пренебрежительно отзывался о Тимуре, несколько раз оскорблял его прилюдно, называя опричником и душегубом. А Тимофей Петрович Андрущенко не из тех, кто молча сносит оскорбления.

Интересно, вспомнил он о ней перед смертью, спросила себя Алина, глядя из иллюминатора на бегущую бетонку и серые пейзажи летного поля. Она летела в Лондон, где можно окунуться в дождь и туман, закрыть глаза и думать об Англии. Только об Англии и больше ни о чем.

Она ничего не знала о показаниях маникюрши Вики Горюновой, но это не имело значения. О них никто не знал. Они исчезли из дела раньше, чем тело Андрущенко Т. П. было предано земле, а сотрудник прокуратуры опустил в карман толстый конверт без адреса.

Через неделю в Петрозаводске был задержан и отправлен в вытрезвитель некто Буба, известный вор-рецидивист. Он находился в сильном подпитии и ни за что не соглашался снять широкий, провонявший пивом плащ. Когда же милиционеры силой стащили с него грязную робу, она оказалась слишком тяжелой. И неудивительно — обтрепанные карманы были полны изысканных и очень дорогих дамских украшений. Кроме них, у Бубы нашли без малого три тысячи долларов, в основном крупными купюрами.

Буба клялся и божился, что про цацки и бабки ничего не знает, потому что взял их на хранение у кореша, Сереги Мокрого. Сергея Мокрышева, другого местного бомжа, нашли бездыханным в канаве — видимо, Буба слишком усердно уговаривал его отдать ценности на хранение другу. Еще не протрезвевший Буба при виде мертвого собутыльника разрыдался и покаялся: Серегу он действительно «толкнул», озлившись, а вещи и деньги все равно Серегины, он их брал где-то в Москве, и Буба тут ни при чем. В Москву отправили запрос с подробным описанием драгоценностей, но ничего похожего в розыск не объявлялось.

В салоне «Золотая шпилька» праздновали день рождения Лены Черных. Лена сперва подумывала отменить вечеринку, потому что настроение у всех было подавленное после происшедших событий, и особенно из-за смерти Вадима Григорьевича. Правда, Барабас накануне специально явился, чтобы вынести благодарность всему коллективу, и отдельно Любочке, Лене и Вике — за бдительность и содействие органам в раскрытии противоправных действий, как он выразился, пожимая руки «красавицам». Но их это не слишком обрадовало.

Однако девочки зажать «день варенья» не позволили, напомнив, что еще не отметили Ленин приход на работу, поступление Любочкиной дочки в институт и Викино новоселье. И вообще, не устраивать же траур каждый раз, когда в мире кого-то убивают.

Мама испекла пирог с малиной, Лена сделала свое коронное лобно и притащила угощение на работу еще теплым. По дороге она поймала себя на том, что привычно заворачивает к «Дому под парусом», где ходила все последние дни. Она поколебалась и решительно направилась к салону другим путем.

По случаю воскресенья они закрылись пораньше и уселись за свой любимый низенький столик, за которым было выпито столько чая и кофе и обсуждено столько важных вопросов. По молчаливому уговору они болтали в этот вечер о чем угодно — о клиентах, о новой моде, о детях, школе, сериалах и кулинарных рецептах, только не об истории, свидетелями которой им пришлось стать.

Лишь однажды Любочка подняла одноразовый стаканчик с «Арбатским» и, округлив свои прекрасные глаза, вдохновенно произнесла: «За то, чтобы жизнь не становилась скучной!». Марина Станиславовна ехидно прищурилась и открыла было рот, но тут Наташа и Карина вынесли подарок, и на нее зашикали.

Лена разорвала яркую обертку. В красивом футляре перед ней лежал чудесный миниатюрный золотисто-голубой зонтик!

— Ой! — воскликнула она. — Девочки!..

— Мы решили, что ты, со своим везением, должна все время носить его с собой — тогда дождей вообще не будет, — объяснила Марина Станиславовна.

Все засмеялись и зааплодировали.

— Пусть всегда будет солнце! — провозгласила Вика.

Они сдвинули пластиковые бокалы.

В наступившей тишине за окном громыхнуло, и потоки воды с шумом обрушились на вечерний город.

Промокшие, но веселые, в дверях появились мужчины — Сергей с подвязанной рукой и большой неповоротливый Паша, который тут же вручил Лене букет роз. Славик Горюнов шел следом, подталкивая перед собой отчаянно стесняющегося механика Сашу.

— Давай-давай, квартирант, — снисходительно журчал Слава. — Не бойся, не съедят. Они тут только кофе с тортиками пьют и бандитов ловят. Абсолютно вегетарианские девушки.

Когда кавалеры разобрали своих дам и покинули салон под прощальный звон колокольчика, Лене вдруг стало очень грустно. Как будто она осталась одна в театре после интересного спектакля, артисты ушли, свет погашен, и чудо кончилось.

— Что приуныла? — спросила Марина Станиславовна, помогая ей собирать грязные тарелки. — Сейчас домой под новым зонтиком пойдешь. Слава богу, детективы кончились, с завтрашнего дня начнется нормальная жизнь.

«Еще чего», — подумала Лена и подмигнула своему отражению в зеркале.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Бес в ребро

У Вадима Колосова все было продумано и подготовлено. Он не учел только одного — наметанного глаза маленькой парикмахерши Любочки. Она с первого взгляда определила, что в кресле сидит не ее клиент, а другой человек, хотя очень, очень похожий...

Роман «Бес в ребро» открывает серию остросюжетных романтических детективов Ирины Меркиной «Агентство „Золотая шпилька“». Здесь преступления расследуют «профессионалы» — парикмахеры и маникюрши, косметологи и вахтерши, шоферы и сантехники. А центром сыщиков-любителей становится салон красоты, он же детективное агентство «Золотая шпилька».

www.amphora.ru

9 785483 000525

ISBN 5-483-00052-8

RedFish
ИРБИНСКИЙ ЦЕНТР КОПИРОВАНИЯ И ПЕЧАТИ

У Вадима Колосова все было продумано и подготовлено. Он не учел только одного — наметанного глаза маленькой парикмахерши Любочки. Она с первого взгляда определила, что в кресле сидит не ее клиент, а другой человек, хотя очень, очень похожий...

Роман «Бес в ребро» открывает серию остросюжетных романтических детективов Ирины Меркиной «Агентство „Золотая шпилька“». Здесь преступления расследуют «профессионалы» — парикмахеры и маникюрши, косметологи и вахтерши, шоферы и сантехники. А центром сыщиков-любителей становится салон красоты, он же детективное агентство «Золотая шпилька».

РОМАНТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Фридрих I Барбаросса — германский император (XII век), обладатель огненно-рыжей бороды.

Высокие технологии (от high technology, *англ.*).

Нет одежды — нет жизни (*англ.*).

Специалисты по информационным технологиям.

Думай об Англии (*англ.*).